Аникеева Н. Е.

Московский государственный институт

(Университет) международных отношений МИД РФ

Москва, Россия

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ИСПАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ХОСЕ ЛУИСА РОДРИГЕСА САПАТЕРО (2004–2008 гг.)

На состоявшихся в Испании 9 марта 2008 г. парламентских выборах ИСРП (Испанская социалистическая рабочая партия) получила голоса 43% избирателей при явке более чем 75%, что соответствует 169 из 350 мест в Конгрессе депутатов – нижней палате испанского парламента, а Народная партия заработала 154 мандата. Таким образом, итоги выборов означают для правительства ИСРП, что их приход к власти 4 года назад не был случайным успехом и курс, избранный премьер-министром Хосе Луисом Родригесом Сапатеро во внутренней и внешней политике, вероятнее всего, будет продолжен.

Важным направлением во внешней политике Испании в период правления Х. Л. Родригеса Сапатеро с 2004 г. являются отношения с Россией. Большое значение в контексте сотрудничества между Мадридом и Москвой стал визит в Испанию министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, состоявшийся 10 октября 2005 г. По его словам, РФ и Испания являются «партнерами практически в любой сфере двусторонних отношений и практически по любой международной проблеме. Эти отношения прочно развиваются в русле договоренностей, достигнутых на встрече[1] президента РФ Владимира Путина с королем Испании Хуаном

[1] 2004 г., 2005 г. – примечание автора – А. Н.

Карлосом I и премьер-министром Испании Х. Л. Родригесом Сапатеро» [2].

В ходе визита основной ареной двустороннего взаимодействия остается сотрудничество в области разрабатываемой на платформе ООН программы сосуществования культур, поддержка Москвой испанской инициативы о создании «Альянса цивилизаций». С. В. Лавров высказался за то, чтобы дополнить интенсивный политический диалог деловых кругов, и поскольку Россия и Испания едины в необходимости укрепления роли ООН, обе стороны выступают за наращивание партнерства между ЕС и Россией и вывод его на новый уровень после 2007 г. [3].

Однако кульминацией развития российско-испанских отношений закономерно стал государственный визит 8–9 февраля 2006 г. Президента Российской Федерации Владимира Путина в Испанию. Москва и Мадрид нашли немало точек соприкосновения как в политической, так и в экономической сферах.

В принятом заявлении о совместных действиях в борьбе с терроризмом были намечены почти два десятка аспектов этой работы. Обе страны твердо заявили, что будут укреплять центральную роль ООН в вопросах борьбы с терроризмом, содействовать скорейшему подписанию и ратификации всеми государствами 13 глобальных конвенций и протоколов в этой области, прилагать необходимые усилия для скорейшего принятия Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, а также всемерно поддерживать усилия по разработке глобальной стратегии в этой сфере. Было подчеркнуто, что Россия и Испания намерены способствовать скорейшему вступлению в силу международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, а также конвенции Совета Европы по предупреждению терроризма, оказывать, в том числе под эгидой «Большой восьмерки», техническое содействие третьим странам в укреплении их антитеррористического потенциала[1. С.84].

Кроме того, были подписаны межправительственное соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях и межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере туризма, а также ряд документов в сфере бизнеса.

Итоги государственного визита были довольно высоко оценены обозревателями. Они еще раз подчеркнули, что между странами существует принципиальная близость подходов по ряду основных политических проблем современного мира (ситуации на Ближнем Востоке и Ираке, например). Однако в экономической сфере отношения между Россией и Испанией пока не набрали нужной динамики. Их общий уровень на данный момент остается довольно скромным на фоне некоторых других стран Европы. Вместе с тем, следует отметить, что товарооборот и взаимные инвестиции растут. По словам посла РФ в Испании А. В. Кузнецова, «ожидается существенный рост объемов двустороннего торгового оборота: согласно данным испанской статистики, за первое полугодие 2005 г. этот показатель увеличился на 48,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года» [3].

Правительство Сапатеро продолжает вести позитивный диалог с Россией. Подтверждением этому могут послужить итоги очередного визита министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в Мадрид 17–18 апреля 2007 г., в ходе которого состоялась его встреча с испанским коллегой М. А. Моратиносом, состоялся обмен мнениями по вопросам сотрудничества России и Европейского союза, деятельности Совета Россия–НАТО, по актуальным международным проблемам – ситуации в ближневосточном урегулировании, Ираке, Афганистане, иранской ядерной программе. И, конечно, важной темой, для обсуждения стала деятельность и реформа ОБСЕ, председателем в которой в 2007 г. являлась Испания [5].

Необходимо также отметить, что ответный визит главы МИД Испании М. А. Моратиноса в Москву состоялся 29 августа 2007 г. Во время переговоров он еще раз подчеркнул «важность реформирования ОБСЕ, особую роль в которой играет и Россия; необходимость обратить внимание всех государств, участвующих в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе, на позицию России; приоритетность для председательства Испании в ОБСЕ вопросов о конфликтах на территории бывшего СССР (Южная Осетия и Приднестровье, Молдова.)» [2]. В Мадриде 30 ноября 2007 г. состоялось заседание Совета министров иностранных дел стран-участниц ОБСЕ с участием главы МИД России С. В. Лавровым, в результате которого все положительные моменты, достигнутые в нагорно-карабахском урегулировании были «сведены в один итоговый документ» [6].

28 сентября 2007 г. состоялся официальный визит председателя Правительства Испании Х. Л. Родригеса Сапатеро в Россию. Встреча с Президентом РФ В. В. Путиным проходила в городе Сочи. В ходе встречи обсуждались различные вопросы двусторонних отношений, в частности в области торгово-экономического сотрудничества, взаимодействия по таким направлениям, как борьба с организованной преступностью, наркоторговлей, отмыванием денег, предупреждение стихийных бедствий и взаимопомощь при их ликвидации, а также перспективы развития связей в области культуры, образования и туризма. В присутствии глав обоих государств был подписан Меморандум о взаимопонимании, который дал старт работе российско-испанского Форума диалога гражданских обществ, призванного позволить представителям общественных кругов обеих стран вести диалог по вопросам, представляющим обоюдный интерес [4].

Таким образом, что касается российско-испанских отношений, то здесь наблюдается преемственность позиций ИСРП и ее предшественницы – Народной партии. Они состоят в укреплении сотрудничества и

партнерства между нашими странами. Это во многом определяется исторической спецификой российско-испанских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аникеева Н. Е.* Испания в конце XX – начале XXI века // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2 (март-апрель).

2. Независимая газета. – 2008. – 29 августа.

3. Embajada de España en la Federacion de Russia. – URL: www.ispania.aha.ru

4. URL: www.kremlin.ru.sdocs.news.29.09.2007

5. URL: www.rian.ru.10.04.2007

6. URL: www.vesti.ru. 30.11.2007

Ауров О. В.

Российский государственный гуманитарный университет

Институт всеобщей истории РАН

Москва, Россия

LIBER IUDICIORUM / FUERO JUZGO: ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСПАНСКОГО ПРАВА

Цель моего доклада – поделиться как позитивным, так и негативным опытом реализации проекта по комментированному переводу памятника испанского средневекового права, существующего в латинской (“Liber Iudiciorum”) (середина VII – начало VIII вв.) и кастильской (“Fuero Juzgo”) (середина XIII в.) версиях[1]. Накопленный опыт может быть интересен не

[1] Памятник более известен под названием “Lex Visigothorum” («Вестготская правда»), данном ему издателем К. Цеймером [4]. В рукописях же он именуется “Liber iudiciorum”, реже – “Liber Iudicum”, “Liber de iudiciis” “Forum Iudicum”.

только историкам и юристам, но и филологам и лингвистам. Ведь латинская версия – это один из последних значимых испанских памятников эпохи живого латинского языка (определенное внимание позднелатинских пиренейских разговорных форм в нем весьма ощутимо). Кастильская же версия – это один из первых памятников пиренейской литературы на разговорном языке, созданный в эпоху кастильского «ренессанса XIII века» короля Альфонсо X Мудрого, а, кроме того, – и оригинальный памятник средневековой культуры перевода с латыни. Наконец, накопленный опыт дает возможность по-новому взглянуть на некоторые аспекты, связанные с местом и ролью переводных текстов в русскоязычной гуманитарной культуре.

“Liber iudiciorum” представляет собой свод королевских законов, собранных воедино по образцу позднеримских кодексов. Он был провозглашен королем Рецесвинтом (649–672) около 653 г. и утвержден VIII Толедским собором. “Liber” действовал на всей территории Вестготского королевства, т. е. на землях Пиренейского полуострова и современной юго-западной Франции. Начиная с середины VII в. он, дополнявшийся новыми законами до начала VIII в. включительно, действовал до конца XVIII в.

Вестготское королевство возникло в эпоху Великого переселения народов, в начале V в., на территории современной юго-западной Франции (Тулузское королевство); с 60 гг. V в. оно включило и испанские провинции. После поражений, нанесенных франками в начале VI в., вестготы утратили почти все свои запиренейские владения. С этого времени под их властью находилась, главным образом, Испания. С 567 г. официальной столицей вестготских королей стал г. Толедо. По существу, именно Толедское королевство вестготов создало исторические основы

будущей испанской национальной государственности. В ту же эпоху началось и формирование национального самосознания испанцев. Значительный вклад в этот процесс внесла деятельность испано-римских интеллектуалов (почти исключительно – духовных лиц), прежде всего – Исидора Севильского (ок. 570–636) и его учеников. Наиболее видный из них – Браулион Сарагосский (ок. 585–после 651), по всей видимости, и являлся редактором текста кодификации Рецесвинта. Именно он собрал воедино законы королей, начиная с конца V в., объединил их в главы (титулы), а титулы в книги. В дальнейшем число книг (12) оставалось неизменным, тогда как количество титулов достигло 55 (ранее – 53), а законов – 593 (ранее – 526).

Что касается кастильской версии, то она возникла в правление Фернандо III Святого (1217–1252) и его блестящего сына, Альфонсо X Мудрого (1252 –1284). Около 1241 г. Фернандо III пожаловал вестготский кодекс в качестве местного права (фуэро) завоеванной им Кордове. Наиболее ранний список “Fuero Juzgo” («Мурсийский кодекс») был составлен около 1260 г. Предоставление кодекса в качестве фуэро Кордове, Севилье, Хересу и некоторым другим городам юга, прежде всего, символизировало претензии королей Кастилии на объединение под своей властью всех земель древнего Королевства вестготов. Это право было пожаловано на кастильском языке, а не на латыни, что также подчеркивало централизаторские устремления обоих монархов. Наконец, возрождение вестготского права соответствовало и общеевропейским тенденциям, прежде всего – рецепции римского права и формированию на его основе пространных кодификаций, так называемого «общего права» (“jus commune”). Не случайно в составлении “Fuero Juzgo” принимали участие ученые юристы, выпускники Болонского университета – цитадели «нового права». Начиная с 1348 г. “Fuero Juzgo” стал одним из официальных

источников кастильского права и действовал до 1778 г. (последнее применение).

В процессе перевода памятника, осуществленного нашей группой[1], пришлось решить целый ряд оригинальных задач. Во-первых, это был первый перевод памятника на современный язык. Единственный существующий перевод на английский язык давно устарел и критически оценивается специалистами [6]. Мы ставили перед собой цель сделать издание, удовлетворяющее как научным, так и дидактическим целям. При этом мы исходили из того, что хотя перевод (даже параллельный, как в нашем случае) не может заменить оригинала, однако он имеет самостоятельное научное и культурное значение.

Как известно, любой перевод представляет собой попытку преодоления не только языкового, но и культурного барьера. В нашем случае последнее было особенно актуально, так как эпоха бытования латинского текста отстоит от современности более чем на 1350 лет, а кастильского – на 750. Соответственно, даже для современного испанца он воспринимается как область «чужого» и не понимается без развернутого исторического, историко-юридического и лингвистического комментария. Разумеется, такой комментарий имеется в нашем издании. Помимо постраничных примечаний, по существу, он включает и вступительное

---

[1] В состав группы вошли: к. и. н., доц. О. В. Ауров (руководитель), к. ю. н. А. В. Марей, д. ю. н. Л. Л. Кофанов, к. и. н. Г. А. Попова, К. И. Тасиц, Л. В. Чернин, Е. С. Криницына, при участии к. и. н. И. А. Копылова и испанских коллег проф. К. Петит (ун-т Уэльвы), проф. Э. Осаба (ун-т Страны Басков) др. Проект был поддержан РГНФ (грант № 05-03-03248а «Научный перевод, комментарии и редактирование «Вестготской правды» (2005–2007 гг.). В настоящее время работа подготовлена к печати.

исследование, содержащее общую информацию о римской предыстории памятника (Л. Л. Кофанов), политической и социальной истории Толедского королевства, а также истории кодификаций королевского права (О. В. Ауров), гражданском и уголовном праве и процессе (А. В. Марей), истории рукописной традиции памятника (Г. А. Попова), положении иудеев в Вестготском государстве (Л. В. Чернин), и, наконец, об отдельных историко-правовых сюжетах (И. А. Копылов, Э. Осаба, К. Петит). При этом, целью вступительного исследования является предоставление читателю того объема первичной информации, который необходим для начала ознакомления с памятником. Той же цели служат и приложения, содержащие не только хронологические таблицы, перечни важнейших событий политической истории и имен правивших монархов, но и перевод писем Браулиона Сарагосского королю Рецесвинту, содержание которых относится к периоду кодификации.

Выполненный русский перевод мы также воспринимали как форму развернутого комментария, ориентированного на русскоязычного читателя, воспринимающего мир в категориях современной российской культуры. Именно поэтому мы стремились не только к точной передаче общего содержания и специальных терминов (отдельно они отражены в предметном указателе, данном в приложениях), но и, насколько это позволяли возможности русского языка, к реконструкции особенностей богатой риторической культуры вестготского времени. Мы стремились отразить роль “Liber Iudiciorum” не только как юридического, но и как значимого литературного памятника своей эпохи.

Отдельно следует сказать о латинском тексте, представленном параллельно с русским. В основу его положен текст наиболее полной поздней редакции памятника («Редакция Эрвигия», 680-е гг.), представленной в издании К. Цеймера 1902 г. Это издание давно и справедливо критикуется специалистами (Р. де Уренья-и-Сменхауд,

М. Диас-и-Диас и др.). Однако до настоящего времени новой, более точной, версии латинского текста так и не появилось, и совсем не случайно. Многочисленные редакции (около 45 рукописей) отличаются не только разночтениями и объемом текста, но, порой, и содержанием. По существу, они отражают сложную многовековую историю бытования самого памятника, эволюционировавшего соответственно эпохе и локальным правовым традициям и условиям. Наличие многочисленных версий – это общая проблема, возникающая при работе со средневековыми правовыми текстами, в больших количествах копировавшимися для нужд многочисленных судебных учреждений.

Однако в нашем случае ситуация осложняется наличием кастильской рукописной традиции, наряду с латинской. В отличие от последней, она практически не исследована. Нам известно о существовании не менее 20 кастильских рукописей XIII–XVIII вв. Но очевидно, что эта цифра не является окончательной. Особенно сложно то, что разночтения во всех этих рукописях относятся не только к эпохе бытования кастильского текста, но и, нередко, отражают различия в тех латинских версиях, которые стали основой для переводов. Современного критического издания кастильского текста (“Fuero Juzgo”) не существует[1]. В итоге, сплошь и рядом возникал ключевой вопрос о том, какую из версий следует признать наиболее универсальной, пригодной быть основой для русского перевода. Строго говоря, окончательного решения этой проблемы так и не было найдено. Однако важно и то, что мы осознали наивность бытующего

[1] Исключением является факсимильное издание 2002 г., но оно выполнено лишь по одной, пусть и наиболее значимой рукописи – Мурсийскому кодексу (ок. 1260 г.) [2].

представления о том, что в «классических» изданиях XIX – середины XX вв. представлены «надежные» версии средневековых тестов[1].

Все, что мы могли сделать – это лишь четко оговорить в постраничных комментариях разночтения между латинской и кастильской[2] версиями. Кроме того, желая отразить культуру перевода латинского текста в Кастилии середины XIII в., уровень которой впечатляет и которая несомненно должна стать темой отдельного филолого-лингвистического исследования, мы дополнили предметный указатель кастильским материалом, представив его параллельно с латинским. К сожалению, в настоящее время восполнить этот пробел исследователям, работающим за пределами Испании, практически невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fuero juzgo en latín y castellano*, cotejado con los mas antiguos y preciosos codices. – Madrid: Por Ibarra, impresor de la Cámara de S.M., 1815.

2. *El Fuero Juzgo*: Estudios críticos y transcripción. – Vols. 1–2. – Murcia: Ed. José Perona, 2002.

---

[1] Разумеется, это замечание касается не только правовых памятников. Об этом говорят, в частности, недавние переиздания прозаической латинской и поэтической кастильской версий эпоса о Сиде, поскольку «классическое» издание Р. Менендеса Пидаля явно не соответствует современным требованиям [3,5]. Однако число рукописных версий даже этих известных текстов значительно уступает количеству рукописей важнейших юридических памятников.

[2] В основу последней было положено издание Королевской академии 1815 г., до сих пор являющееся наиболее полным, основанным на 17 рукописях [1].

3. *Historia latina de Rodrigo Díaz de Vivar* / Ed. facsim. del manuscr. 9/4922 (olim A-189) de la biblioteca de la Real Academia de la Historia. – Burgos, 1999.

4. *Leges Visigothorum* / Ed. Karolus Zeumer // Monumenta Germaniae Historica: Legum Sectio, I. – Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahmani, 1902.

5. Poema de Mio Cid / 4-a ed. revisada. – Burgos, 2001.

6. *The Visigothic Code* / Transl. by S. P. Scott. – Boston, 1910.

Афанасьева О. А.

Белгородский государственный университет,

Белгород, Россия

ОТНОШЕНИЕ ЛЕВОЦЕНТРИСТСКИХ СИЛ ВЕЛИКОБРИТАНИИ К ИСПАНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1936-1939 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ MANCHESTER GUARDIAN WEEKLY

Гражданская война в Испании 1936-1939 годов повлияла не только на международную европейскую жизнь, но и на внутреннее общественно-политическое положение в каждой из стран, прямо или косвенно задействованных в конфликте на Пиренейском полуострове. В данной работе рассматривается позиция левоцентристских политических сил Британии на примере анализа материалов одной из главных английских либеральных газет Manchester Guardian Weekly (далее MG).

Изучение указанного печатного источника за 1936–1939 гг. позволяет выделить несколько главных направлений.

По вопросу отношения левоцентристов к испанским событиям MG уже в самом начале гражданской войны сделала заключение о том, что мятеж Франко является самым серьезным кризисом в Испании за

последние несколько лет, а также предположила, что конфликт не стоит сводить к противостоянию «коммунистических» и «фашистских» сил (MG 1936. 24, 31 July).

Вопреки мнению об идеологической обусловленности лояльной позиции левоцентристов в отношении испанской Республики, материалы MG свидетельствуют, что первоначально либералы руководствовались прежде всего национальными стратегическими интересами. 7 августа 1936 года газета сообщала читателям, что победа генерала Франко означала бы изменение соотношения сил в Средиземноморье, так как военный режим в Испании стал бы родственен Германии и Италии. В свете того, что за предыдущие два года Англия испортила отношения с Римом, в случае гипотетической общеевропейской войны возникала реальная опасность того, что Испания превратится в страну, предоставляющую порты и базы соперникам Британии в регионе (MG 1936.7 August).

Мысль об идейном родстве с республиканцами появилась на страницах MG только спустя некоторое время – в статье, посвященной годовщине начала гражданской войны. Журналисты издания прямо говорят о своих симпатиях к Республике, заявляя, что мятежники смогли продолжить борьбу лишь благодаря помощи Германии и Италии и странной политике Англии и Франции, в то время как на стороне мадридского правительства сражаются «настоящие» иностранные добровольцы (MG 1937. 23 July).

Негативное отношение левоцентристов к испанским националистам и их зарубежным союзникам хорошо прослеживается в освещении MG проблемы «пиратства» в Западном Средиземноморье и связанной с этим явлением Нионской конференцией (сентябрь 1937 г.). Рассматривая случаи нападения «неизвестных» подводных лодок на корабли невоюющих в Испании стран, газета прозрачно намекала на то, что « пиратами» являются итальянские военно-морские силы, и такая деятельность Рима направлена

на приближение победы Франко (MG 1937. 17 August, 17 September; 1938. 4, 22 February). В 1938–1939 гг., когда исход войны на Пиренеях в определенной мере был предрешен, MG вновь акцентировала внимание на стратегической невыгодности для Англии победы испанских националистов и сочувственно сообщала о репрессиях против республиканцев (MG 1937. 25 March, 14 April, 13 July; 1939. 17 February).

Неоднозначно оценивалась на страницах MG внешнеполитическая концепция консервативного британского правительства касательно испанских событий. Причем если в начале гражданской войны критика правительственного курса была осторожно-выжидательной, то по мере усложнения международной ситуации вокруг Испании действиям Форин офиса выносились все более и более негативные приговоры. Так, в номере от 31 июля 1936 г. откровенно говорится, что официальный Лондон опасался вмешиваться в развитие внутрииспанской ситуации даже путем легитимной продажи оружия законному правительству Республики, исходя из трех главных соображений. Во-первых, боязни, что это оружие попадет в руки близких к правительству Народного фронта «экстремистских» политических сил; во-вторых, из нежелания вмешательством в испанское противостояние провоцировать Германию и Италию на вооруженную поддержку мятежников; в-третьих, Англия не способна предсказать победителя испанской войны и не хотела бы портить отношения ни с одной из сторон. Однако MG не осуждала такую позицию консерваторов, признавая, что поспешные шаги чреваты серьезными международными осложнениями и ухудшением позиций Британии в регионе (MG 1936. 31 July).

Но вскоре позиция английских либералов изменилась – они открыто критиковали выбранную консерваторами линию поведения в испанском вопросе как несостоятельную и вредную как для национальных интересов Англии в Западном Средиземноморье, так и для всей системы

международной безопасности. Фактическое допущение со стороны Лондона той помощи, которую оказывали Франко Рим и Берлин, MG с 1937 по 1939 гг. называла недальновидной с точки зрения безопасности британских морских коммуникаций и Гибралтара, а также в связи с созданием прецедента пренебрежения рядом государств (Германией и Италией) международными договоренностями и нормами права (MG 1937. 25 March, 23 April, 14, 28 May, 30 July, 6 August; 1938. 1, 8 April; 1939. 11 February, 7 April).

Красноречивым выражением данных взглядов являются слова из номера MG от 8 апреля 1938 г.: «Политика Чемберлена в испанском вопросе, его фактическое содействие Германии и Италии и, следовательно, победе Франко, может быть охарактеризовано только как растянувшееся во времени поражение Англии».

В вопросе о целесообразности политики невмешательства зарубежных сил в испанский конфликт английские печатные органы различной политической ориентации расходились наиболее сильно. Газеты правой идеологической направленности (Daily Telegraph, Observer, Sunday Times, Times и др.) поддерживали следование английской внешней политики курсом невмешательства. Причем одним из оснований для такой позиции виделась надежда на достижение общеевропейского соглашения с участием Германии и Италии, с помощью которого возраставшая на континенте напряженность была бы существенно снижена[1]. На этом фоне некоторые газеты заявляли о своих симпатиях к Франко и требовали от руководства Англии признать правительство мятежников[2]. В целом же

---

[1] АВП РФ. Ф. 010 (Секретариат Крестинского). Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 49; 63-65; 156.

[2] Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 33; Ф. 56. Оп. 16. П. 150а. Д. 1. Л. 21-22.

позиция правой прессы Британии сводилась к следующему: политика невмешательства далеко не идеальна, однако, без этой политики вероятность перерастания испанского локального конфликта в войну европейского или мирового масштаба была бы весьма высокой. По этой причине выбранный курс необходимо продолжать; действия же некоторых государств, в первую очередь Советского Союза, способные разрушить невмешательство, угрожают миру и интересам Англии и должны получить отпор со стороны Лондона[1].

Основной тематикой периодических изданий левоцентристской политической ориентации (к таковым, помимо Manchester Guardian, относились News Chronicle, Daily Herald и др.) был вопрос о неэффективности мер по предотвращению снабжения Франко Берлином и Римом и о необходимости снять эмбарго на покупку оружия и военных материалов республиканским правительством[2]. Политика невмешательства признавалась недейственной, так как она не способствовала спокойствию в Европе, а напротив, вела к усилению фашистских режимов и гибели демократии в Испании. На этой базе левоцентристская пресса приходила к важности поддержки политики Москвы в отношении испанского конфликта и всячески приветствовала заявления советских дипломатов о необходимости реального выполнения Соглашения[3].

---

[1] Там же. Ф. 69 (Референтура по Великобритании). Оп. 27. П. 88. Д. 29. Л. 65; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 211-212.

[2] Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 33; 48; 107; 113; 212; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27. П. 88. Д. 29. Л. 65; Ф. 56 (Отдел печати НКИД СССР). Оп. 16. П. 150а. Д. 1. Л. 7; 21-22.

[3] Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 55. Л. 33; 48; 80; Ф. 56. Оп. 16. П. 150а. Д. 1. Л. 42.

На страницах MG левоцентристы постоянно выступали за решение важнейшей проблемы – вывода из Испании всех иностранных «добровольцев», подчеркивая, что только при решении данного вопроса невмешательство будет иметь реальный характер (MG 1937. 19, 25 March, 16 July, 24 September; 1938. 11 March).

Однако вывод «волонтеров» из Испании так и не был проведен в полном объеме, что дало основание журналистам MG написать 11 марта 1938 г.: «Трагедия заключается в том, что, хоть Комитет по невмешательству и существует, от самого невмешательства уже ничего не осталось».

MG неоднократно обращала внимание на то, что фашистские страны, в отличие от британского консервативного правительства, грамотно строят свою политику в отношении испанской гражданской войны, исходя из собственных стратегических выгод. Газета постоянно акцентировала, что Германия и Италия активно используют свое участие в Комитете для затягивания решения важнейших вопросов, что является существенной поддержкой Франко. Кроме того, Рим рассчитывает извлечь из поддержки националистов огромную стратегическую выгоду – укрепление своих позиций в Западном Средиземноморье за счет снижения влияния здесь Англии и Франции (MG 1937. 23, 30 July, 15 October; 1938. 30 December; 1939. 10 February).

MG дает ценный исторический материал в отношении реакции британского общества на события на Пиренеях 1936–1939 гг. Авторы публикаций в целом занимают сочувственную позицию в отношении республиканской Испании. Содержание изданий позволяет сделать вывод о прагматически-ориентированной интерпретации (в контексте сугубо личных интересов Британии) редакцией газеты новостей, поступавших с испанского театра военных действий, особенно на начальном этапе внутрииспанского конфликта. К сожалению, дальнейшая критика на

страницах MG британской позиции по гражданской войне в Испании, изменение отношения к невмешательству (от сдержанных реплик до неприятия), акцентирование внимания на циничной политике фашистских держав не повлияли на реальные шаги британского правительства в сфере международных отношений на пороге мировой войны.

Бабицкий А. Г.

Белгородский государственный университет,

Белгород, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВОВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ В ИСПАНСКУЮ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ 1936–1939 гг.

Значение, которое имеет гражданская война в Испании 1936–1939 гг. в истории международных отношений межвоенного периода, обусловило остроту вопроса о мотивах руководящих кругов Германии и Италии при оказании поддержки мятежным испанским генералам в июле 1936 г.

К моменту начала июльского антиреспубликанского восстания Испания не занимала никакого места во внешнеполитической концепции Гитлера. В «Майн Кампф» испанское направление внешней политики никак не обозначено [9.P.252; 10. P.88; 19. P.5].

Для Италии Испания, напротив, являлась одним из приоритетных направлений внешнеполитического курса – традиционной для фашизма была концепция превращения Средиземного моря в сферу исключительного влияния итальянского государства. Франция была прямым конкурентом Италии в Средиземном море и огромное значение для Муссолини имела возможность размещения на принадлежащих Испании Балеарских островах военных баз [3.P.126; 5. P.148; 8. P.389; 10. P.197; 11.P.15; 14; 17. P.203–204, 238]. Балеары играли ключевую стратегическую

роль с точки зрения безопасности морских коммуникаций Франции. Заинтересованность Италии в базах на Балеарских островах имела прямое отношение и к Великобритании. Позиции на Балеарах могли позволить Риму реально угрожать английским морским коммуникациям, в том числе и Гибралтару [15.P.50–51; 12. P. 283–284; 18. P.216; 16. P.100; 14. P.238; 4. P. 112–113; 13. P.82; 5. P.148].

Для получения таких баз Италия была заинтересована в наличии в Испании правительства, лояльного к апеннинскому фашизму.

К середине 1936 г. у фашистского руководства Италии сформировались и иные побуждения принять участие во внутрииспанском конфликте: экономические интересы на Пиренейском полуострове, (при этом они не были определяющими) [11.P.15; 14. P. 240–241]; возможность восстановить престиж Италии на международной арене в условиях действующих против Рима санкций Лиги Наций.

Спонтанность оказания Римом помощи испанским националистам и активность руководителей мятежа в попытках заинтересовать итальянского диктатора пиренейской проблемой подтверждается опубликованными документальными источниками[1]. На первую просьбу мятежников о помощи Муссолини ответил отказом. В тот момент неясна была позиция Великобритании по испанскому вопросу; высока была вероятность поддержки Республики со стороны политически родственной

---

[1] DDI. 8 ser.: 1935–1939. Volume IV (10 maggio – 31 agosto 1936). Roma, Istituto Poligrafico e Zecco Dello Stato, Librerie dello Stato, 1993. Doc. 516. Pp. 574–575; Doc. 531. Pp. 594–595; Doc. 541. P. 607; Doc. 565. Pp. 635–636; Doc. 570. P. 640; Doc. 582. P. 651; Doc. 583. P. 651; Doc. 584. P. 652; Doc. 592. Pp. 659–660; Doc. 596. P. 663; Doc. 599. Pp. 664–665; DBFP. 2nd Ser. Vol. 17. Western Pact Negotiations: Outbreak of Spanish Civil War. June 1936 – Jan. 1937. L., 1979. Doc. 193. Pp. 262–263.

ей Франции; молчание относительно событий в Испании хранил Берлин; не выказывал никакой заинтересованности в испанских делах СССР. 26 июля Муссолини сделал вывод, что британское и французское правительства не заинтересованы в интернационализации внутрииспанского вооруженного противостояния и не поддержат испанскую Республику и 27 июля 1936 г. отдал приказ об отправке Франко 12 самолетов «Савойя–Маркетти» [1].

В данном случае стратегические интересы вобрали в себя идеологические соображения. Реалии международной жизни и внутрииспанской политической обстановки говорили о том, что превращения Испании в «большевистскую» в действительности не было. Это подтверждают отчеты немецкого поверенного в делах в Мадриде Фелькерса о внутриполитической испанской ситуации первой половины 1936 г.[2]. К интересам, присутствовавшим у Рима в отношении Испании до начала антиреспубликанского мятежа, присоединились и другие: стремление проверить в боевых условиях основные характеристики фашистской военной техники и боеспособность персонала; поиск путей сближения с Германией [15.P.50–51; 13. P. 82, 83; 8. P. 389–390; 14. 247].

МИД Германии стремился соблюдать нейтралитет в вооруженном противостоянии испанских политических сил и доказать высшему руководству Рейха целесообразность такой позиции[3]. Однако мятежникам

---

[1] DBFP. 2nd Ser. Vol. 17. Western Pact Negotiations: Outbreak of Spanish Civil War. June 1936 – Jan. 1937. L., 1979. Doc.7. Note 3. P. 8–9; DDI. Vol. IV (1935–1939). Doc. 638. P. 710.

[2] DGFP. 1918-1945. Ser. C. (1933–1937). The Third Reich: First Phase. Vol. 2. March 5 – Oct. 31, 1936. L., 1966. Doc. No 221. P. 308–314; Doc. 406. Pp. 694–695.

[3] DGFP. Ser. D. Vol. 3. Doc. 10. Pp. 10–11.

помогло наличие в партийно-государственной структуре Рейха еще одного подразделения, имеющего отношение к внешней политике – «Зарубежной организации» НСДАП, глава которой Эрнст Боле, руководствуясь ведомственными интересами, через Гесса организовал встречу эмиссаров Франко с фюрером 25 июля 1936 г. [6. P.69; 7. P. 52].

У руководства Рейха не было программы действий по испанскому направлению внешней политики. Единственным аспектом начавшегося в Испании конфликта, в котором 25–26 июля 1936 г. сходились мнения всего немецкого руководства, было стремление избежать ухудшения стратегических позиций Германии в свете укрепления испанской Республики Народного фронта и, как следствие, стабилизации положения Франции, наиболее вероятного противника Германии в будущей европейской войне. Именно эти соображения и послужили главным мотивом, побудившим Гитлера оказать мятежникам военно-техническую помощь.

Второстепенными по отношению к стратегическому мотивами вмешательства Германии в испанские события были следующие: 1) возникновение очага нестабильности в Испании могло помочь Германии активизировать свои действия в Центральной и Восточной Европе; 2) гражданская война в Испании дала Гитлеру возможность оценить перспективность использования «антикоммунистического» фактора в отношениях с западными державами[1]; 3) испанские события открывали перспективы для сближения с Италией; 4) испанская проблема рассматривалась в русле возрождения статуса Германии как великой

[1] Французский министр иностранных дел Ивон Дельбос заметил: «Испанские события сильно играют на руку Гитлеру, который ведет усиленную пропаганду против СССР» – АВП РФ. Ф. 069 (Секретная референтура по Великобритании). Оп. 20. П 60. Д. 4. Л. 29.

европейской державы; 5) вмешательство Германии было обусловлено также и экономическими соображениями, однако они не оказали решающего влияния на итоговое решение вопроса; 6) сопутствующий характер имело и стремление германского руководства использовать войну в Испании в качестве своеобразного военного полигона [1. С. 58–59; 4. P. 113–114; 15. P. 51; 19. P. 8–9; 10. P. 199–200; 2. P. 99–100; 11. P. 12].

Гитлер и Муссолини посредством помощи мятежникам стремились решить свои, главным образом стратегические, задачи. Для Германии главенствующим стратегическим мотивом было недопущение усиления Франции как своего главного потенциального противника в Западной Европе и с точки зрения спокойствия тыла в предстоящей борьбе за «жизненное пространство» на Востоке. Италия рассматривала испанские события с позиций борьбы за лидерство в Средиземном море с Францией и Великобританией.

Общими для обеих стран были: стремление к восстановлению престижа на международной арене; экономическая заинтересованность в испанских ресурсах, взаимное сближение двух тоталитарных государств; использование испанского конфликта в качестве военного полигона. Специфически немецким было желание использовать возникновение очага нестабильности в Западной Европы для отвлечения внимания европейских стран от активной германской политики в Центральной и Восточной Европе, а также для проверки эффективности использования антикоммунистических лозунгов в построении отношений с Англией и Францией.

Стоит отметить, что итальянские мотивы (за исключением заинтересованности в сближении с Берлином и испытания на испанской земле своей военной машины) в основных чертах были сформированы еще до обращения мятежников за помощью. Германия начала анализировать причины своего вмешательства только к моменту принятия решения о

посылке первой партии техники Франко и позднее, по мере увеличения своего присутствия в гражданской войне.

Соображения идеологического противостояния нацизма и фашизма «левой» Республике Народного фронта не играли определяющей роли ни для Германии, ни для Италии, а являлись для обоих государств лишь одной из граней стратегических интересов.

Сравнительное рассмотрение проблемы вмешательства Германии и Италии в испанскую гражданскую войну 1936–1939 гг. показывает, что нацистский и фашистский режимы приняли участие в конфликте на Пиренейском полуострове, исходя из комплекса собственных интересов, отчасти совпадающих, не противоречащих интересам второй стороны. Именно благодаря этому Берлин и Рим смогли наладить сотрудничество в помощи испанским националистам и во многом на этой базе прийти к сближению своих позиций, выразившемуся в образовании «Оси».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Малай В. В.* Международные аспекты гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. – М., 2004.

2. *Abendroth H. H.* Hitlers Entscheidung / Der Spanische Burgerkrieg in der internationalen Politik (1936–1939) / hrsg. W. Schieder und C. Dipper. Munchen, 1976.

3. *Arisi Rota A.* La Diplomacia del Ventennio: Storia di una politica estera. – Milano, 1990.

4. *Beevor A.* The Spanish Civil War. – N.Y., 1983.

5. *Burgwyn H. J.* Italian Foreign Policy in the interwar Period 1918–1940. – L., 1997.

6. *Carr W.* Arms, Autarky and Agression: A Study in German Foreign Policy, 1933–1939. – L., 1972.

7. *Carr W.* Hitler. A Study in Personality and Politics. – L., 1978.

8. *Coverdale J.* Italian Intervention in the Spanish Civil War. – Princeton, 1975.

9. *Cross C.* Adolf Hitler. – L., 1973.

10. *Esenwein G., Shubert A.* Spain at War. The Spanish Civil War in Context, 1931–1939. – L., N.Y., 1995. – URL: http://www.lib.aldebaran.ru/author/gitler_adolf/gitler_adolf_moya_borba.

11. *Esch P. A. M.* Prelude to War: The International Repercussions of the Spanish Civil War, 1936–1939. – The Hague, 1951.

12. *Mediterranean Fascism*, 1919–1945 / Ed. by C.F. Delzell. – N. Y., 1970.

13. *Preston P.* The Spanish Civil War. – L., 1986.

14. *Santarelli E.* Storia del Fascismo. – Roma, 1981.

15. *Siebert F.* Italien Weg in den Zweiten Weltkrieg. –Frankfurt-am-Main, 1962.

16. *Smith D. M.* Mussolini's Roman Empire. – Harmondswoth, 1977.

17. *Stone G.* The European Great Powers and the Origins of Non-Intervention / Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World War / Ed. by R. Boyce and E.M. Robertson. – L., 1989.

18. *The Republic and the Civil War in Spain /* Ed. by P. Carr. – L., 1971.

19. *Whealey R. H.* Hitler and Spain. The Nazy Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. – Lexington, 1989.

Бухармедова Л. М.
Институт всеобщей истории
Российской Академии наук,
Москва, Россия

ВЫБОРЫ 9 МАРТА 2008 г.: ИСПАНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ПОЛУЧИЛИ ВТОРОЙ СРОК

На состоявшихся 9 марта 2008 г. всеобщих выборах социалисты вновь одержали победу. За ИСРП проголосовали 43,7% избирателей. Явка на этих выборах достигла рекордных 75%. Однако и оппозиционная Народная партия сумела сохранить лицо, набрав 40,1%. Причем социалистам не хватило всего 7 депутатских мандатов, чтобы получить парламентское большинство (им досталось 168 из 350 мест в нижней палате парламента). Это означает, что социалистам не удастся сформировать однопартийное правительство и придется привлекать к работе различных союзников по левому лагерю, а также региональные партии. Наиболее очевидным партнером правящей партии считается умеренная каталонская партия «Конвергенция и союз», которая в прошлом не раз выступала на стороне социалистов и которая, в отличие от всех других мелких партий, не только не растеряла свои мандаты, а, напротив, упрочила свое присутствие в нижней палате парламента на один голос. Сейчас у каталонцев 11 мест.

Победа Х. Л. Родригеса Сапатеро на выборах означает, что победа ИСРП четыре года назад, во многом ставшая следствием терактов в Мадриде 11 марта 2004 г., не была случайной. Несмотря на заметное снижение темпов экономического роста в последние месяцы, в целом четыре года правления социалистов были весьма успешными. Так, ежегодный рост экономики составлял 3,8%, а бюджет впервые за 30 лет

стал профицитным, достигнув рекордных 20 млрд. евро. Испанцы положительно оценили и социальные реформы правительства Сапатеро. Год назад его кабинет принял закон о равенстве мужчин и женщин, а затем, вопреки сопротивлению католической церкви, добился упрощения процедуры развода и третьим из лидеров Евросоюза узаконил однополые браки. Причем конфликт с испанской католической церковью не столь сильно повлиял на результаты голосования, как рассчитывали «народники».

Испанцы не забыли и вывод испанских войск из Ирака, осуществленный в 2004 г. правительством Сапатеро. Четыре года назад за эту акцию премьера поддержало подавляющее большинство населения страны. На руку правящей партии во многом сыграла активность левого электората, который традиционно отличался пассивностью. Уже отмечалось, что в день выборов на избирательные участки пришло свыше 75% избирателей. Не в последнюю очередь сторонников социалистов мобилизовало громкое убийство: всего за два дня до решающего голосования от рук боевика экстремистской группировки ЭТА погиб известный политик, член правящей партии Исайас Карраско. А на следующий день дочь убитого социалиста Сандра выступила на страницах большинства газет с призывом к испанцам почтить память ее отца активностью на выборах.

Результаты волеизъявления испанцев эксперты связывают с личностью Сапатеро: его образ внушает симпатию оптимизмом, откровенностью, готовностью к диалогу. Именно эти черты проявились в двух теле-дискуссиях лидеров ИСРП и НП, за которыми следили чуть ли не три четверти потенциальных избирателей. По опросам, 50% зрителей объяснения и планы главы правительства показались более убедительными, а сам он более точным и остроумным, по сравнению с 30%, поддержавшими его оппонента.

В случае победы Сапатеро обещал испанским гражданам продолжить экономические реформы, решать проблемы нелегальной иммиграции и баскских сепаратистов. Основной тезис его предвыборной программы состоял в том, что, несмотря на экономические трудности, с которыми сталкивается Испания, социальная направленность политики государства изменения не претерпит. Свою актуальность сохраняет и проблема борьбы с терроризмом, прежде всего террористами из группировки ЭТА. Лидер испанских социалистов предложил всем политическим силам Испании забыть о разногласиях и договориться о единых действиях в борьбе с экстремистами.

«Испанский народ ясно высказался за то, чтобы открыть новую эру – эру без конфронтации и напряженности в обществе, – заявил Сапатеро своим ликующим сторонникам, собравшимся воскресным вечером перед столичной штаб-квартирой социалистической партии, – я буду работать для всех, но при этом всегда больше думать о тех, кто нуждается».

Х. Л. Родригес Сапатеро родился 4 августа 1960 г. в Вальядолиде. Окончил юридический факультет университета Леона. В 16 лет он вступил в ИСРП. На это решение во многом повлияла судьба его деда, капитана республиканской армии, Родригеса Лосано, который был казнен за свою верность республике. Родригес Сапатеро неоднократно говорил о том, что всю свою сознательную жизнь он хранит в себе, в своей семье память об этом человеке, которого казнили за то, что защищал свободу и демократию, передовые идеи. Дед оставил о себе память как благородный и достойный человек. И внук стремится выполнять его заветы как в политической жизни, так и в отношениях между людьми.

Благородство, достоинство, служение идеалам – для юного Родригеса Сапатеро это были понятия не только книжными. Именно они еще в молодости привели его в политику. «Самый молодой» – это определение сопровождает его всю жизнь. Ему было всего 26 лет, когда он

стал представлять интересы нации в парламенте. Став самым молодым депутатом кортесов, он с тех пор ни разу не проиграл ни одних выборов.

В 1988 г. он возглавил организацию ИСРП (Испанская социалистическая рабочая партия) в Леоне, а в июле 2000 г. был избран генеральным секретарем партии. С марта 2004 г. – премьер-министр Испании. 12 апреля 2008 г. 47-летний лидер испанских социалистов вновь приступил к исполнению обязанностей премьер-министра Испании. Пост его первого заместителя сохранила за собой влиятельная 58-летняя Мария Тереса Фернандес де ла Вега. Кресло министра иностранных дел сохранил за собой опытный дипломат Мигель Анхель Моратинос, в заслугу которому здесь ставят умение решать непростые международные конфликты (только за последний год ему довелось не без успеха улаживать трения с традиционными партнерами Испании – Марокко и Венесуэлой).

В остальном, представленный Сапатеро королю Испании состав нового кабинета министров, стал для испанцев настоящим сюрпризом. Основной костяк предыдущего правительства Сапатеро сохранился, однако есть и заметные перемены: впервые в испанской истории большинство министров теперь – женщины: 9 из 17 министерских постов занимают представительницы прекрасного пола. В составе кабинета появились два новых ведомства: министерство по вопросам равноправия и министерство науки и инноваций. Оба возглавляют женщины.

«Женскими» по-прежнему будут министерства развития инфраструктуры, образования, защиты окружающей среды, государственной администрации и жилищного строительства. Но главным сюрпризом явилось назначение впервые в истории Испании – женщины на пост министра обороны. Им стала 37-летняя Карме Чакон, недолго проработавшая в составе прежнего кабинета министром жилищного строительства. Карме Чакон – юрист по образованию и ранее ничего общего с армией не имела. Но испанцев удивило не это, а тот факт, что

министр находится на седьмом месяце беременности, и в ее положении испанских женщин, как правило, не принимают даже на самую легкую работу. Новая министр обороны известна крайней застенчивостью. В свободное время она любит писать и читать романтические стихи. В декабре 2007 г. она вышла замуж за бывшего пресс-секретаря премьера.

14 апреля новая министр обороны провела первый смотр войск. Но пока еще смутно выглядят перспективы ее общения со своевольными испанскими генералами, некоторые из которых до сих пор вздыхают по временам, когда у власти был генералиссимус Франсиско Франко (1939–1975 гг.). «Премьеру, сделавшего ставку на избирателей – женщин, это назначение нужно лишь для демонстрации своего воинствующего феминизма», – сказал «Времени новостей» один из местных журналистов, пожелавший остаться неизвестным.

Еще одно проявление этого «феминизма» – создание, тоже впервые в истории Испании, министерства женского равноправия. Руководить им будет, естественно, также женщина и самый молодой член кабинета, 31-летняя Бибиана Аидо. В задачу ее министерства входит привлечение женщин на руководящие посты как в госучреждениях, так и в частных фирмах, помощь в поисках работы, а также борьба с так называемым «насилием в семьях», т. е. избиением женщин мужьями и сожителями. Сам Родригес Сапатеро пояснил, что новое министерство понадобилось ему для воплощения в жизнь принятого не так давно закона о женском равноправии. Этот закон гласит, что прекрасная половина населения страны должна занимать повсеместно половину ответственных постов. И если в госструктурах он выполняется, то частный сектор его игнорирует, ссылаясь на то, что советы директоров невозможно формировать по гендерному признаку. Многие вообще считают, что «женской проблемы» в Испании давно нет: испанки всегда были социально активны и в карьере часто пробивались наверх. Чего стоила коммунистка и политический

деятель Долорес Ибаррури, эта великая «Пассионария», которая стала одним из символов борьбы с франкизмом.

Оппозиционная Народная партия сейчас сформировала свой теневой кабинет министров, в котором не так много женщин, но который будет отслеживать деятельность настоящего правительства и предлагать альтернативы его курсу. Оппозиционеры уже призвали социалистов заняться делом и принять меры по преодолению усиливающего экономического кризиса, растущей безработицы, дороговизны и преступности.

Что касается отношений Испании и России, то, скорее всего, они сохранятся ровными и спокойными – глава МИД Испании остался прежним. Да и сам Сапатеро относится к России с большой симпатией, считая ее страной с богатой историей и глубокой, мощной культурой. В декабре 2004 г. премьер-министр Испании впервые посетил Москву. Среди многих тем, которые обсуждались на встрече с президентом России В. Путиным в Кремле – двустороннее экономическое сотрудничество, борьба с терроризмом, взаимодействие России и Евросоюза. Тогда Сапатеро отметил, что есть все возможности для расширения объемов взаимной торговли и увеличения испанских капиталовложений в развитие таких секторов российской экономики, как транспорт и строительство. Еще одним приоритетным направлением были признаны культурные связи: в Испании с большим интересом относятся к русской культуре, а в России с таким же интересом воспринимают испанскую культуру. В Москве успешно работает Институт Сервантеса, а в Мадриде – Институт Пушкина.

Для Испании будет очень важным будущий год: ведь в нем они будут отмечать 400-летие первого издания «Дон Кихота», а «Дон Кихот», по словам Сапатеро, это «наш универсальный посланник доброй воли для

всего мира, полной наряду с утопическими идеями, проявлениями самого чистого гуманизма.

Francisco Vázquez García
Universidad de Cádiz, España

TRANSICIÓN POLÍTICA Y TRANSICIÓN FILOSÓFICA EN LA ESPAÑA CONTEMPORÁNEA: UN ENFOQUE SOCIOFILOSÓFICO

El estudio de la Transición política española cuenta ya, como es sabido, con un volumen de bibliografía especializada muy considerable.Un asunto menos conocido y que forma parte, en cierto modo, de los aspectos culturales de la Transición, es lo que podríamos denominar la "transición filosófica". Con estos términos me refiero a la quiebra de la hegemonía institucional e intelectual ejercida por una filosofía oficial, de inspiración tomista o a lo sumo escolástica y al nuevo predominio de una filosofía plural en sus orientaciones teóricas y homologable con la que se practicaba en el resto de las democracias occidentales.

Este asunto constituye el tema de un proyecto de investigación financiado por el Ministerio Español de Educación y en el que se encuentra implicado un grupo de estudiosos cuyo núcleo se encuentra en la Universidad de Cádiz. Yo voy a limitarme a exponer sus grandes líneas maestras sin entrar ahora en muchos detalles.

La metodología que inspira este trabajo colectivo se atiene a las pautas de una disciplina prácticamente inédita en España. Se trata de la "sociología de la filosofía", una rama de la investigación social que tiene actualmente tres núcleos principales. Por una parte el grupo francés del Centre de Sociologie Européenne, con autores como Louis Pinto, Gérard Mauger o Rémy Lenoir, que siguen de cerca la orientación teórica de Pierre Bourdieu; la Universidad de Pennsylvania, en Philadelphia, donde desarrolla su trabajo Randall Collins, autor de la

monumental *Sociología de las Filosofías*, y la Universidad de Cambridge, donde se elaboran las exploraciones "sociofilosóficas" del profesor Martin Kusch. Más allá de sus diferencias de enfoque, estas tres perspectivas resultan, desde nuestro punto de vista, no sólo mutuamente articulables, sino complementarias. Su combinación permite estudiar el universo filosófico tanto a gran escala – siguiendo en él las redes intergeneraiconales que lo componen – como a escala reducida – reconstruyendo los encuentros de los filósofos cara a cara, sus interacciones rituales y la energía intelectual que en ellas se carga y se descarga. Permite estudiar internamente tanto las estructuras generales del campo filosófico – analizando los distintos tipos de capital que en él se comprometen- como las trayectorias y las disposiciones de sus agentes; permite dar cuenta tanto de la autonomía de los productos filosóficos como de la relación entre el campo de la filosofía y otros campos adyacentes (religioso, mediático, político y educativo en particular), así como con el espacio global de las clases sociales.

Respecto a la cronología de este estudio sobre la Transición Filosófica, la fijación de límites parece tan problemática aquí como en el análisis de la Transición Política. Hemos cifrado el inicio en 1963, cuando se fundan o se refundan algunas revistas importantes (v.g. *Revista de Occidente*) y comienzan las sesiones del Concilio Vaticano II, que tendrá importantes repercusiones en el campo filosófico español. El final lo situamos a comienzos de los 90, cuando la nueva filosofía, ya normalizada, logre plena hegemonía institucional.

En el caso de la Transición Filosófica la exploración de las transformaciones que afectaron al espacio social e incluso a las tomas de posición política, resulta imprescindible. Debe evitarse no obstante, todo intento de establecer una conexión inmediata entre orientaciones filosóficas y posiciones de clase. Sin duda existen nexos entre los cambios en las tendencias filosóficas y las grandes transformaciones socioeconómicas, pero aquélla se da siempre de modo indirecto, a través de otros campos que actúan como una suerte de filtros refractores. En nuestro caso esos filtros se identifican con los campos

educativo y religioso, que sufrieron alteraciones muy importantes en el periodo estudiado y conformaron los espacios principales de activismo político (movimiento estudiantil, cristianismo de base) entre los intelectuales españoles de la época.

El recién estrenado Estado franquista, en la Ley de Bases del nuevo Bachillerato (1938), identificó la enseñanza de la Filosofía con la impartición de la tradición tomista o "filosofía perenne". La medida se inscribía en una empresa de masiva e intensa recatolización, con objeto de extirpar de la vida nacional hasta el último vestigio cultural de la "anti-España". Emplazadas en los últimos años del Bachillerato, las asignaturas filosóficas tenían el cometido de inculcar en las futuras élites de las "clases directoras", los sólidos fundamentos teóricos de la doctrina católica, médula espiritual de la nueva España. La constitución de un universo filosófico profesional y emancipado de la tutela eclesiástica requería por tanto, en primer lugar, la aparición de unas instituciones escolares – en el Bachillerato y la Universidad – no subordinadas a la autoridad de la Iglesia. Esto exigía por otra parte que, en el propio campo eclesial, elemento principal en la legitimación del régimen franquista, existieran suficientes fuerzas favorables a una apertura a la modernidad filosófica. Los dos filtros principales que permiten por tanto conectar el espacio de las posiciones de clase con el espacio de las tomas de posición filosófica, son pues el campo educativo – con el acceso creciente de las clases medias a los estudios de Educación Superior y la constitución de un cuerpo "secularizado" de profesores de filosofía – y el campo religioso – con el declive de las vocaciones y el triunfo de corrientes "modernistas" en el microcosmos eclesial.

Desde finales de los 50 y primeros 60, de forma escalonada, se va a producir una reestructuración que afectó a las dos redes que se repartían la actividad filosófica en esta época. A finales de los años 50, esas dos redes diferenciaban por una parte a la filosofía oficial, dominante en las instituciones civiles encargadas de la investigación y de la reproducción escolar de la

filosofía. Se trataba principalmente de los estudios filosóficos impartidos por las correspondientes Facultades de Madrid y Barcelona y del Instituto Luis Vives de Filosofía, encuadrado en el Consejo Superior de Investigaciones Científicas, y que controlaba la Sociedad Española de Filosofía (fundada en 1949). Este organismo administraba la celebración de las Semanas de Filosofía (desde 1951 hasta 1969) y editaba la *Revista de Filosofía* (1942–1969). Al mismo tiempo, esta filosofía oficial, de matriz tomista, era la que circulaba en un sinnúmero de seminarios y organismos eclesiásticos – como las Universidades Pontificia de Salamanca y la de Comillas – regentados por órdenes diversas (dominicos, agustinos, franciscanos, jesuitas) que al mismo tiempo administraban la mayoría de las sociedades y publicaciones periódicas especializadas en filosofía.

Por otra parte existía una actividad filosófica de carácter extraoficial y en algunos casos incluso extrauniversitario, representada por una fracción de los discípulos de Ortega y Gasset – Julián Marías, Antonio Rodríguez Huéscar, Paulino Garagorri y Xavier Zubiri –, donde destacaba el magisterio ejercido por este último. Zubiri, desde su regreso a España y tras la publicación de *Naturaleza, Historia y Dios* (1944), había logrado captar la atención de los sectores intelectuales del falangismo vinculados a publicaciones como *Escorial* y la *Revista de Estudios Políticos*. Estos pensadores, gente como Laín Entralgo o Javier Conde, apenas alejados de su admiración por el nacionalsocialismo, se convirtieron en fervorosos discípulos de Zubiri. A ellos se unió pronto López Aranguren que acababa de publicar su tesis doctoral sobre Eugenio D'Ors. El filósofo vasco, alejado de la docencia universitaria e instalado en Madrid, comenzó a impartir en 1945 una serie de cursos privados, financiados por una entidad bancaria, que se prolongarían hasta mediados de los años 60. El "seminario de Zubiri" se convertiría en el centro de la vida filosófica extraoficial madrileña. Hacia 1945 – el año del regreso de Ortega a España – se produce asimismo la decisiva confluencia entre orteguianos y falangistas, incluyendo también a Aranguren. Esta alianza de falangistas zubirianos y orteguianos

católicos, a los que se unirían más tarde algunos acenepistas reconvertidos al liberalismo (Ruiz-Giménez) y, ya en las vísperas del Vaticano II, una importante fracción de jesuitas disidentes del integrismo, sería crucial para la modernización de la filosofía española.

La hipótesis que intentamos probar es que la renovación y homologación internacional del campo filosófico español se produjo tanto a través de una reestructuración de la vieja red oficial, en la que se produjeron reformas y disidencias a partir de los años 60, como mediante los nuevos focos filosóficos nacidos de la red alternativa. Con esto nos oponemos tanto a los que defienden (Abellán, Elías Díaz, Muguerza) que la "transición filosófica" fue el resultado casi exclusivo de las novedades introducidas por los círculos herederos de la red alternativa (especialmente el de Aranguren y en parte el de Sacristán) como a los que sostienen que la filosofía transmitida en la red oficial no supuso un obstáculo serio para el conocimiento y la circulación de las modernas corrientes filosóficas occidentales (Gustavo Bueno). Se puede decir que la "transición filosófica" fue en España el resultado de una renovación iniciada "desde dentro" (esto es, desde nódulos derivados de la red oficial, como el del Opus Dei en Navarra, el de Rábade en Madrid o, más tarde, los de Gustavo Bueno y Manuel Garrido en Valencia) combinada con la innovación generada en la red alternativa (básicamente en los nódulos de Aranguren y Manuel Sacristán).

En este doble proceso, los filósofos que encarnan las nuevas tendencias van a alcanzar la hegemonía intelectual muy pronto, a comienzos de los 70. Sin embargo su hegemonía institucional y académica tardará mucho en llegar. Sólo se producirá con la consolidación de la Transición política, tras el segundo triunfo del PSOE en las elecciones de 1986.

BIBLIOGRAFÍA SUMARIA

ABELLÁN, J. L.: *Ortega y Gasset y los Orígenes de la Transición Democrática*, Madrid, Espasa, 2005

BOLADO, G.: *Transición y recepción: La Filosofía Española en el último tercio del siglo XX*, Santander, Sociedad Menéndez Pelayo / Centro Asociado a la UNED en Cantabria, 2001

BUENO, G.: “La filosofía en España en un tiempo de silencio”, *El Basilisco*, 20 (1996), pp. 55–72

DÍAZ, E.: *Pensamiento español en la era de Franco (1939–1975)*, Madrid, Tecnos, 1992

MUGUERZA, J.: “Introducción: Esplendor y Miseria del Análisis Filosófico” en AAVV.: *La Concepción Analítica de la Filosofía*, Madrid, Alianza Universidad, 1986

Ведюшкина С. В.

Государственный академический университет гуманитарных наук

Москва, Россия

РУССКИЕ В ИСПАНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.: ОСОБЕННОСТИ ПУТЕШЕСТВИЯ

Обращаясь к материалу путевых дневников, мы имеем дело с представлениями, образами – хрупкими конструкциями, порожденными историческим моментом, культурными влияниями, субъективными явлениями, такими как настроение и склад характера конкретных авторов путевых заметок. Как нам представляется, немаловажным является и такой аспект, как бытовые условия путешествия. В своем сообщении я бы хотела уделить внимание рассмотрению именно этого вопроса. Ведь устраиваться на ночлег, путешествовать на поезде, нанимать извозчика, общаться с гидом, посещать достопримечательности приходилось хотя бы раз каждому из авторов путевых дневников, и эти бытовые детали не могли не накладывать отпечаток на формировавшийся у них образ Испании.

В работе использованы опубликованные путевые дневники и

рассказы о различных аспектах испанской жизни 17 русских путешественников, посетивших Испанию в 1860-е–1890-е гг. Среди авторов преобладали писатели и журналисты. Если попытаться представить обобщенный портрет типичного русского путешественника, посетившего Испанию, то это будет образованный дворянин 25–40 лет, приехавший на 1–2 месяца, главным образом, из любопытства и желания увидеть то, о чем много слышал и мечтал в детские и юношеские годы. Кроме того, это, как правило, творческая личность, человек любознательный, наблюдательный, коммуникабельный, профессионально нацеленный на фиксацию и осмысление действительности.

В Испанию не ехали, чтобы учиться, лечиться или развеяться. Слишком далекая и в определенном смысле дикая была эта страна. Путешественников влекли туда, как правило, книжные шаблонные образы, они грезили дамами в мантильях, кабальеро в плащах, апельсиновыми рощами, арабскими замками и пр. Для них в этой стране прошлое продолжало существовать поверх настоящего, причем, для многих оно было гораздо интересней и насыщенней настоящего, в котором Испания продвигалась по проторенному развитыми европейскими державами пути.

В середине 1880-х гг. путешествие из Петербурга в Мадрид занимало неделю [3. С. 226], а из Парижа можно было добраться до столицы Испании за полтора–два дня [8. С. 201; 6. С. 179][1]. В самой Испании бурное строительство железных дорог началось в 1880-е гг. Именно тогда эпоха дилижансов и путешествий верхом начала уходить в прошлое. Хотя многим из рассмотренных путешественников случалось пользоваться дилижансом, предпочтение отдавалось поездам. Кстати, практически все путешественники отмечали медленную скорость поездов и их постоянные опоздания, неудобства системы путей сообщения, грязь,

[1] Путеводитель Бедекера приводит цифру 26–35 часов [9. P. XIV].

духоту и отсутствие отопления в вагонах.

Путешественник В. И. Немирович-Данченко вообще считал, что «самый лучший способ узнать или увидеть что-нибудь» в Испании – идти пешком. «Из окон вагона – мимо вас страна только мелькает, коляска слишком убаюкивает и погружает мысль «в какой-то сладкий сон», теряется охота спрашивать и не хочется останавливаться», верхом – «видишь страну, но о ней не думаешь» [4. С. 360].

Приезжали в Испанию либо через Ирун, либо через Перпиньян. Соответственно первый путь вел в Мадрид через Сан-Себастьян, Виторию и Бургос, второй – через Барселону и Сарагосу. Находясь в Мадриде, большинство путешественников совершали экскурсии в Эскориал и Толедо. Далее следовали на юг и осматривали Севилью, Гранаду и Кордову. Некоторые также заезжали в Малагу, Кадис, посещали Гибралтар и даже плавали на африканский берег. Возвращались часто не тем путем, по которому въезжали.

В последней трети XIX в. туристическая сфера обслуживания в Испании была развита неравномерно и, в общем, достаточно слабо. Не во всех городах существовали гостиницы или хотя бы постоялые дворы. В. И. Немирович-Данченко рассказывает о начальнике станции Калатайуда, который с гордостью ему заявил, что в этом городе нет отелей и «надо надеяться, никогда не будет», потому что тут, «к счастью, путешественников не бывает» [5. С. 22]. Что же говорить о сельской местности, где путешественник «рисковал остаться на улице или умереть с голоду, если <…> [его] не приютит местный священник» [4. С. 394].

Гостиницы в Испании, за редким исключением, оставляли желать лучшего. Путеводитель предупреждал путешественников, что гостиницы высшего класса есть только в Сан-Себастьяне, Альхесирасе, Ронде, Пальме, Мадриде и Гранаде (и это данные за 1913 г.!), и что не стоит доверять вывеске «отель первого класса» [9. P. XXV].

Гостиницы не отличались комфортом, путешественникам предоставлялась комната со скромной обстановкой и, как правило, населенная клопами или тараканами, нередко в провинции кровать приходилось делить с каким-нибудь другим постояльцем [6. С. 188; 4. С. 236]. Часто на всю гостиницу (даже столичную!) не было ни одного человека, говорящего на каком-либо языке, кроме испанского[5. С. 27, 126].

Можно было остановиться в пансионе (casa de huéspedes), что путешественники часто делали, рассчитывая тем самым глубже узнать местные обычаи, быстрее освоить язык и завести знакомства среди испанцев (тем более что сами испанцы предпочитали останавливаться на ночлег в подобных заведениях). По воспоминаниям историка В. К. Пискорского, всего за 5 песет в день он «имел большую комнату, удобно обставленную, сытый и вкусный стол» [6. С. 180–181]. В пансионе кроме него жили 7–8 человек (ставших его информаторами и даже друзьями), которые представляли собой «чуть ли не всю Испанию во всем разнообразии ее этнографических и культурных особенностей» [6. С. 180–182].

Путешественники беспрестанно сетуют на плохой сервис в Испании – в станционных буфетах и придорожных трактирах всегда грязно, посуда немытая, еда однообразная и всегда приготовлена на оливковом масле [2. С. 37; 1. С.54]. Путешественников удивляло поведение слуг: работу они выполняли достаточно небрежно, но с чувством собственного достоинства, официанты на равных участвовали в разговоре тех, кого они обслуживали, слуги могли сидеть за обедом за одним столом с господами масле [2. С. 5; 6. С.181; 5. С. 392].

В записках путешественников часто фигурирует такой персонаж как гид. Это местный житель, желающий заработать на иностранцах, часто он почти не говорит ни на каком языке, кроме родного, плохо разбирается в

истории собственного города, но с величественным видом требует денег за свои услуги. Тем не менее, путешественники, порой, были благодарны гидам за помощь и советы, особенно это касается русских, плохо говоривших по-испански и имевших мало времени для посещения того или иного места [7. С. 30–31].

Несмотря на достаточно тяжелые бытовые условия, с которыми путешественникам приходилась сталкиваться в Испании, это не отрезвляло их, за редким исключением. Многие так и уезжали, не заметив разницы между воображаемой и реальной Испанией. Некоторые более наблюдательные путешественники уже по дверям постоялого двора у дороги, ведущей от Ируна, понимали, что наблюдение даст им больше, чем путеводители и романы, которые лучше упрятать на дно чемодана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бежецкий А.Н.* Путевые наброски. В стране мантильи и кастаньет (За Пиренеями-Мадрид-Севилья-Гренада. Биарриц-Париж). – СПб., 1884. С. 54.

2. *Де-Воллан Г. А.* По белу свету (Путевые заметки). – В 2-х ч. – СПб., 1894. С. 37;

3. *Кулешова В. В.* Испания глазами русских путешественников второй половины XIX – начала XX века // ПИИ. 1984. – М., 1984.

4. *Немирович-Данченко В. И.* Край Марии Пречистой: Очерки Андалусии. – СПб., 1902. С. 360.

5. *Немирович-Данченко В. И* Очерки Испании: из путевых воспоминаний. – В 2-х т. – Т. 1. – М., 1888.

6. *Пискорский В. П.* «Заграничные воспоминания» (Из писем к жене, 1896–1897) // ПИИ. 1992. – М., 1992.

7. *Сидоров В. М.* За Пиренеями: Путевые заметки и впечатления. По Испании. – СПб., 1892.

8. *Скальковский К. А.* Путевые впечатления в Испании, Египте, Аравии и Индии, 1869–1872. – СПб., 1873.

9. *Baedeker C.* Spain and Portugal. Handbook for travellers. – Leipzig, 1913. P. XIV

Angel Viñas
Universidad Complutense
Madrid, España

LA GUERRA CIVIL ESPAÑOLA EN EL CONTEXTO EUROPEO

Desde hace algunos años estoy trabajando en una trilogía sobre cómo el contexto europeo afectó a la República española durante la guerra civil, uno de los acontecimientos estelares de la historia, contemporánea y no contemporánea, de España.

Esta investigación es consecuencia de un viejo interés mío que se plasmó, hace ya más de 20 años, en dos libros, **El oro español en la guerra civil** y **El oro de Moscú**. En ellos estudié la vertiente financiera de la guerra civil por el lado republicano. Algunos colegas me criticaron por haberme centrado en los aspectos económicos y dejado de lado el marco general de las relaciones hispano-soviéticas y los aspectos políticos y militares de la República en guerra. Esto es, precisamente, lo que estoy haciendo en la mencionada trilogía, de la cual ya han aparecido los dos primeros volúmenes: **La soledad de la República** y **El escudo de la República**. En estos momentos estoy terminando el tercero y último, **El honor de la República**.

No me hubiera sido posible abordar dicha investigación de no haber tenido acceso a archivos republicanos, en España y fuera de España, y a un gran volumen de documentación desclasificada en archivos británicos, franceses, españoles y, no en último término, rusos.

En lo que se refiere a estos últimos estoy muy agradecido a la Agencia Federal de Archivos, a los directores y al personal del RGASPI y de los Archivos de Economía y de Historia Militar. También deseo expresar mi reconocimiento al ministro Sergey Lavrov por su autorización para consultar los archivos históricos del MID. Sin ellos, y sin el apoyo de Mikhail Lipkin y Evgeny Kuznetsov, poco hubiera hecho. Finalmente, debo dar gracias a los colegas y amigos del Instituto de Historia General de la Academia Rusa de Ciencias.

Resumir una investigación que se acercará a las dos mil páginas impresas no es una tarea fácil. Lo intentaré, no obstante, en cinco grandes apartados y unas conclusiones.

El primer apartado se refiere a la anticipación, fuera de España, de los preparativos de la sublevación militar de 1936. El segundo a la reacción en el exterior, una vez producida la rebelión. El tercero al caso específico de la ayuda soviética a la República. El cuarto a las repercusiones internas de la dinámica registrada en el contexto exterior, entre las potencias intervinientes y no intervinientes. Y el quinto último a lo que denominaré la falta de sincronía entre la evolución interna y la evolución externa.

I Anticipación, fuera de España, de los preparativos de la sublevación militar

En la actualidad, deben ya echarse al cubo de la basura las tesis que han postulado una imbricación nazi. Hitler no había mostrado hasta julio de 1936 el menor interés por España. La evolución política española no había suscitado ninguna preocupación en la diplomacia, las fuerzas armadas y los servicios de inteligencia alemanes. Las relaciones políticas y económicas eran buenas.

La situación era completamente distinta en el caso de Mussolini. Este sí sentía una profunda aversión a la República. Seguía su evolución con interés. Disponía de una densa red de espionaje en España. En 1934 mostró su

disposición a echar a una mano a los conspiradores. En 1935 financió a Falange. En 1936 estaba al corriente de los nuevos preparativos.

También se conocía en Londres la evolución previsible. Los conspiradores habían comunicado sus planes al Foreign Office. El Gobierno británico captó las reacciones italianas. Sus servicios de espionaje interceptaban las comunicaciones de muchos países, aunque no las soviéticas, y entre ellas las italianas, las españolas y las francesas.

No se ha demostrado que la sublevación se anticipase en París. Fue el ministro de Estado quien informó, por ejemplo, al embajador de Francia a principios de julio de la agitación sediciosa en el Ejército. Al agregado militar, representante del Deuxième Bureau, la sublevación le sorprendió en Segovia, cuando iba a ser sustituído. Los franceses se hacían más bien, eco del peligro que amenazaba al Gobierno por el lado anarco-sindicalista.

La Unión Soviética, por último, tampoco preveía un golpe militar. Sí anticipaba una evolución conflictiva. No tenía embajada en Madrid pero disponía de la antena de la Comintern, que tutelaba al minoritario PCE. Los británicos captaban sus comunicaciones. Por ellas conocieron las instrucciones de la IC. Apuntaban al peligro de golpes reaccionarios pero también de revueltas anarco-sindicalistas. En cualquier caso preconizaban calma y el reforzamiento del Frente Popular, la evitación de enfrentamientos con las fuerzas de Orden Público o el herir los sentimientos religiosos de una parte de la población. Nada extraordinario.

Por el lado de los conspiradores la situación era muy distinta. La fragmentaria evidencia disponible permite pensar que sus promotores, en especial el general Mola, introdujeron en sus planes las conexiones con el exterior, en particular con Italia y el Reino Unido. Los monárquicos alfonsinos, reaccionarios de pro, estaban en comunicación directa con el espionaje fascista. El 14 de junio, una de sus cabezas, Antonio Goicoechea, que ya había ido a buscar apoyo a Roma dos años antes, pidió ayuda económica para los

comprometidos, por si fallaba la sublevación. Y, detalle picante, informó al agente italiano que los denominados "grupos de acción directa", es decir, los pistoleros al servicio de la derecha y de la Falange, actuaban contra la presunta "revolución" por medio de atentados. Es decir, una gran parte de la desazón social y política anterior al golpe militar ha de ponerse en el debe de tales grupos.

En una palabra, de las potencias que después intervinieron activamente, de manera positiva o negativa, en la situación española, dos se ubicaban a priori en contra de la República. Italia porque, en su política de expansión, quería dar un vuelco a la situación estratégica en el Mediterráneo occidental y fragilizar a Francia. El Reino Unido porque consideraba que en España se estaba produciendo un proceso semi-revolucionario que podía conducir a un eventual experimento para-soviético. El estallido en España no podía dejarlas indiferentes. No hay que perder dos líneas en el caso de Estados Unidos. Albergaba temores similares a los británicos, como ha estudiado Little, y no tardó casi nada en practicar una política de seguidismo de la línea que se estableción en Whitehall.

II La reacción exterior a la sublevación militar

La futura actuación de las restantes potencias no estaba pre-programada. La más importante fue la alemana. El 25 de julio Hitler decidió suministrar ayuda militar a Franco. Apenas si había transcurrido una semana desde la rebelión. Lo que perseguía era un objetivo similar al italiano: debilitar la posición exterior de Francia. Tras la remilitarización de Renania, el objetivo hitleriano estribaba en fragilizar a su adversario en el medio plazo. Su inesperada decisión alentó a aquellos italianos que propugnaban un acercamiento al Tercer Reich y pesó en la decisión de Mussolini.

La intervención nazi-fascista contribuyó, paradójicamente, a la retracción de Francia. Suele afirmarse en la literatura que las condiciones internas no permitían al Gobierno de Léon Blum lanzarse en apoyo a la República. Sin

minusvalorar tal obstáculo, varios ministros (liderados por Vincent Auriol y Pierre Cot) captaron el riesgo para la seguridad francesa. Triunfó, no obstante, una actitud de prudencia extrema. Estimulado por el Quai d´Orsay, Blum se negó a separarse un milímetro de las faldas de la gobernante inglesa, pivote de la seguridad de Francia. Lanzó la idea de la no intervención, probablemente influído también por el embajador británico. Esta actitud chocó frontalmente con las buenas relaciones que existían entre París y Madrid. También con el compromiso de suministrar material bélico a España. Tal compromiso, negociado por los Gobiernos anteriores, era un compromiso del Estado francés, cuyos nuevos rectores lo olvidaron olímpicamente.

La no intervención nació muerta. Si los franceses y británicos estaban dispuestos a observarla (y la aplicaron de forma inmediata, incluso antes de que entrara en vigor oficialmente) las potencias fascistas no lo estaban. Los vagos supuestos conceptuales en que se basaron Blum y una parte de la élite francesa pronto se revelaron como mera falacia. Querían limitar a España las hostilidades e impedir que se desbordaran sobre la escena europa. Pensaban que si los rebeldes quedaban aislados, la superioridad gubernamental terminaría imponiéndose. Pero, como se encargaron de ilustrar a Blum algunos de sus ministros, la no intervención sería un enfoque erróneo si las demás potencias no la aplicaban. Blum no les hizo caso y buscó una solución intermedia: mientras se arreglaban los detalles y procedimientos diplomáticos intentó suministrar ayuda a España por vías encubiertas.

Hay una amplia discusión en la literatura sobre las dimensiones de este apoyo. Los autores pro-franquistas lo han exagerado notablemente. También los historiadores franceses, quizá para borrar alguna de las vergüenzas patrias. Gerald Howson y quien esto escribe las hemos cuantificado con precisión. No fue abundante y rápidamente quedó por detrás de la otorgada a Franco por Hitler y Mussolini. Lo que de importancia hizo el Gobierno de París fue otra cosa: adquirió, contra moneda francesa, una cuarta parte de las reservas de oro del

Banco de España. Un negocio redondo. También permitió que trabajasen en suelo francés los equipos republicanos que buscaban desesperadamente material de guerra de contrabando. Por último, autorizó, con un ritmo espasmódico, que dicho armamento pasara a España.

El arco de reacciones descrito anteriormente cambió la correlación de fuerzas sobre el terreno. Franco trasladó con gran rapidez a la península a los contingentes del Ejército de Africa (en parte en aviones alemanes). Los pilotos nazis y fascistas sembraron el terror entre las improvisadas milicias campesinas en Andalucía y Extremadura. Las fuerzas coloniales y legionarias, las más efectivas del Ejército español, practicaron una limpieza sin piedad, ayudadas por los sicarios de los terratenientes y los auxiliares falangistas. Francisco Espinosa ha descrito tales actuaciones con detalle. La intervención del Eje en formación fortaleció, por último, la posición de Franco, único receptor de la ayuda.

En consonancia con el papel estelar italiano en las conexiones exteriores previas, Franco no se recató en declarar el 20 de septiembre a un enviado de Mussolini que las ideas del Duce coincidían con las suyas en materia política, económica y social. Lo que quería era armas. Los británicos captaron la reunión y sus resultados. Naturalmente, no hicieron nada. De cara a los alemanes, Franco se mostró más inhibido, dejando que en Berlín Göring y sus servicios tomaran la delantera. Franco lo que hizo fue estimular a unos y a otros jugando la carta anticomunista.

Tanto Franco como las potencias fascistas enmascararon, en efecto, sus aspiraciones y objetivos tras la hoja de parra de la lucha contra el comunismo ateo y destructor de la civilización cristiana y occidental. Lo mismo que decía toda la derecha católica francesa, británica y norteamericana. Franco se preocupó, eso sí, de falsificar “pruebas” documentales que demostraban que la sublevación se había adelantado a un presunto golpe comunista. Eran de una simpleza sobrecogedora. En el Foreign Office pronto se desecharon como mera superchería. En Francia, el segundo jefe del Estado Mayor las circuló entre la

oficialidad y fue destituído fulminantemente. Nada de ello impidió que tal leyenda circulase como verdad de Evangelio en España hasta finales de los años sesenta.

En su verborrea anticomunista, Franco, Hitler y Mussolini se vieron arropados por la explosión revolucionaria que cuarteó al Estado republicano. Esta explosión fue consecuencia directa de la sublevación y esta última no se anticipó a aquélla. Era, sin embargo, muy fácil interpretarla como evidencia de que el marxismo se ensañaba contra España. La combinación de colectivizaciones, ocupaciones de empresas y asesinatos masivos de religiosos tuvo efectos devastadores. Pocos fueron, en Londres o Washington, los que se pararon a pensar que, si era así, la España republicana innovaba con gran fuerza en el ámbito político e ideológico de una forma que no tenía precedentes históricos: una revolución de tinte anarco-sindicalista liderada por los comunistas. Lo nunca visto.

Las interceptaciones británicas de los telegramas de la Comintern demuestran que la IC no deseaba una revolución en España. Ahora bien, como en el caso reciente de la guerra de Irak, las preconcepciones ideológicas cercenaron la posibilidad de que se prestara atención a análisis más realistas. El Gobierno británico de la época conducía una política exterior fuertemente ideologizada. No divisaba en el Tercer Reich o en la Italia fascista un riesgo de seguridad. Lo divisaba en la Unión Soviética. Las advertencias de uno de los mejores sovietólogos del Foreign Office, Laurence Collier, diplomático que hasta ahora no ha recibido la atención que se merece, cayeron en saco roto. Era el director del departamente que lidiaba con Moscú, no un cualquiera.

III La ayuda soviética

Hacia septiembre de 1936 el Gobierno republicano había perdido la posibilidad de ganar el pulso a los sublevados. Próximos a Madrid, Franco y sus ejércitos eran indesalojables. A la salvación de la República contribuyeron tres factores. Por orden cronológico fueron los siguientes:

– La llegada a partir de la mitad de octubre de 1936 de las armas, de los militares y de los consejeros soviéticos. Fueron una condición necesaria, no una condición suficiente.

– La entrada en acción, en los primeros días de noviembre, de las Brigadas Internacionales, que demostraban la solidaridad de la izquierda internacional con la República.

– La prudencia de Franco, quien no quiso forzar la marcha en contra de los consejos italianos.

Dos palabras sobre este tercer factor, poco subrayado en el extranjero. No hay que insisitir en que puede explicarse en términos estrictamente militares. Es lo que suelen hacer los autores pro-franquistas. Resulta innegable que las columnas habían avanzado demasiado deprisa. También es obvio que no se había asegurado suficientemente la retaguardia. Ahora bien, no cabe olvidar un frío cálculo político. Franco necesitaba asentar su preeminencia entre los insurgentes. No ganaba demasiado si topaba con una resistencia que destiñera su naciente nimbo de invencibilidad. De aquí la desviación para tomar Toledo, asediado infructuosamente por las milicias anarquistas, y el subsiguiente nacimiento de la leyenda de los “cadetes del Alcázar”.

Esta necesidad explica que Franco se comportara de forma muy diferente de lo que cabría pensar por sus declaraciones anteriores a los italianos (captadas por los británicos). Temía la llegada de refuerzos soviéticos a los republicanos.

Era, sin embargo, un temor prematuro. Quien esto escribe ha documentado, en la medida de lo posible (todavía hay, por desgracia, legajos que siguen estando clasificados en Moscú), el proceso de deslizamiento seguido por Stalin para ayudar a la República. En contra de las patrañas diseminadas por historiadores pro-franquistas, conservadores, trotskistas y guerreros de la guerra fría, ese proceso comenzó en fecha muy temprana, el 22 de julio, pero no de la forma consagrada en la literatura occidental.

Gracias a las investigaciones del Dr Yuri Rybalkin sabemos que empezó a los cuatro o cinco días de la sublevación, precisamente cuando Stalin decidió suministrar combustible a buen precio a la flota republicana (que no lo encontró en Gibraltar). A la vez, se hacía el sordo a las peticiones de armas que reiteraba el Gobierno republicano (como hacía con Berlín, sí Berlín, Londres o Washington). El proceso discurrió por el análisis de la posibilidad de enviar armamento a través de un tercer país. O por las primeras reflexiones sobre cómo captar voluntarios internacionales. Se plasmó en la llegada a España de un grupo muy reducido de aviadores y soldados en agosto para que oteasen las realidades del combate. Y, naturalmente, hacia el exterior en una diplomacia más agresiva que denunciaba la no intervención, aunque la Unión Soviética se había adherido formalmente a ella a finales de agosto, y en la creación de una embajada en Madrid, de lo que algo antes se informó a los británicos.

A principios de septiembre los soviéticos constataron que la no intervención hacía agua. El 6 Stalin dio instrucciones para que se estudiara el envío de material aéreo moderno a través de México. Un escenario totalmente implausible. Con la información generada por el GRU encima de la mesa, que enfatizaba el riesgo de hundimiento de la República, Stalin dio dos pasos al frente: a mitad de septiembre se crearon las Brigadas Internacionales y unos días más tarde se aprobó el envío directo a España de material soviético. Dos meses más tarde que en los casos alemán e italiano.

No he encontrado constancia de las razones que motivaron la decisión de Stalin. Ahora bien, el análisis del proceso de deslizamiento y de sus circunstancias ambientales, permite identificar dos motivos esenciales. El primero de carácter geoestratégico y geopolítico. El segundo, ideológico. En el primer plano debieron preocupar a Stalin tres factores:

– La fragilización de Francia, si en su retaguardia se establecía un régimen anti-francés y pro-fascista.

– El debilitamiento subsiguiente de la política de seguridad colectiva por la que Stalin se había decantado unos años antes y que, para la Unión Soviética, se basaba en la vinculación con Francia, como país pivotal.

– La necesidad de hacer ver a los agresores que su acción toparía con una resistencia armada, en aplicación del principio del "hoy te toca a tí y mañana a mí".

En el segundo plano, el ideológico, destaca la inconveniencia de dejar que el enemigo trotskista, ya presentado como un riesgo para la seguridad interior de la Unión Soviética, pudiera apuntarse un tanto si ésta dejaba en la estacada a la izquierda española.

Es a partir de la llegada de la ayuda soviética cuando cabe afirmar con rotundidad que la sublevación militar (que no había triunfado pero que estaba a punto de lograrlo) se convirtió en una larga guerra civil. Si esta interpretación es correcta, resultaría que la guerra civil no fue esencialmente el producto de factores internos, como se ha postulado hasta hoy por la mayor parte de los autores, sino consecuencia de la imbricación en la evolución española de los vectores ligados al contexto europeo.

Es difícil pensar cómo, de lo contrario, la República hubiera podido hacer frente a las acometidas de Franco, Hitler y Mussolini contando sólo con los aprovisionamientos que podía obtener a través del contrabando. Se conservan listas del obtenido a través de estos canales. A pesar de los esfuerzos titánicos de historiadores pro-franquistas, las listas muestran inequívocamente que lo que predominaban eran las armas ligeras y anticuadas y una artillería de gran variedad de calibres, mala calidad e insuficiente munición. Los expertos del War Office británico no tardaron en diagnosticar que ganaría el bando que más fluído acceso tuviera al material pesado moderno, en particular tanques y aviones.

Los británicos y franceses no extrajeron de la ayuda soviética a la República las lecciones que deseaba Stalin, aunque los embajadores en París y Londres se esforzaron en convencerlos. Vieron, por el contrario, una

constatación de sus temores más paranoicos como eran la aversión a la revolución que oficialmente preconizaba la Unión Soviética. Para el Gobierno británico, la llegada de las noticias sobre las matanzas de Paracuellos (a las que no fue ajena la NKVD) colmó el vaso. Los republicanos aparecieron como un grupo de gángsters que ponían en práctica métodos terroristas. Pero aún sin tales noticias, es difícil que la postura británica hubiese cambiado.

La incapacidad por convencer a franceses e ingleses fue un indicio de que la estrategia estalinista, que detalló pormenorizadamente al embajador Pascua a principios de febrero de 1937, corría el riesgo de fracasar. Alentó, por lo demás, la rivalidad de Hitler. A los intereses geoestratégicos y geopolíticos del Tercer Reich se añadieron el ideológico y el propagandístico. Los nazis no podían permitir el eventual triunfo en España de la política soviética.

A mitad de octubre, si no antes, los alemanes empezaron a conceptualizar la gran innovación estratégica de la guerra: el envío de una unidad integrada inter-armas, la Legión Cóndor. Bajo mando germano, aunque subordinado a través de su comandante en jefe directamente a Franco, actuaría como un puño de hierro que perforase las defensas republicanas. Mussolini se limitó a un enfoque tradicional: enviar más hombres y material. Entre ambos crearon una dinámica virtuosa para Franco.

La única posibilidad de romper el dogal de la no intervención, la adquisición de material en Estados Unidos, se reveló impracticable. Los norteamericanos, en plena introversión estratégica, se limitaron a seguir al Reino Unido y Francia. Temían también por sus inversiones en España y no les hacían gracia las exacciones que acompañaron a la revolución social en territorio republicano. A principios de 1937 aplicaron la ley de neutralidad a España. La Texaco y la Ford, sin embargo, continuaron suministrando a Franco grandes volúmenes de combustible y numerosos camiones, esenciales para una guerra que poco a poco iba haciéndose moderna. No caían bajo el paraguas de la no intervención.

La República se vio encerrada en un círculo vicioso: sin alternativa de obtener armas modernas fuera de la Unión Soviética, hubo de apelar a ella crecientemente. Esto iba en contra de los deseos de Stalin, que preconizó una ayuda limitada y de segundo plano, dejando el primero a Francia y al Reino Unido. Afortunadamente, los republicanos podían pagar los suministros con el oro enviado en depósito a Moscú. Los soviéticos suministraron, en el marco de la innovadora "Operación X", descrita por Rybalkin, grandes cantidades de material, pero en dimensiones que nunca compensaron los envíos alemanes e italianos a Franco. Para Hitler y Mussolini el apoyo a su protegido pronto se convirtió en una apuesta que no quisieron perder. Tampoco exigieron que les pagara entonces. La factura la pasaron al compás de la marcha hacia la victoria.

IV Repercusiones internas de la dinámica del contexto exterior

Como habían previsto los republicanos, e informado de ello en fecha temprana al Foreign Office, la ayuda soviética favoreció la expansión del PCE y la ruptura de los equilibrios políticos pre-existentes. Lo mismo ocurrió en el bando franquista con la rápida progresión de la Falange. Los efectos últimos fueron, sin embargo, muy diferentes. Franco no estaba dispuesto a compartir el poder con advenedizos. Su régimen era, al principio, castrense y el Estado que iba forjando estrictamente campamental. La ideología fascista, con su velo de modernidad, le sirvió como señuelo para mantener y estimular el flujo de suministros de las potencias del Eje del que dependía la victoria. En ningún momento la Falange accedió a los resortes del poder militar, el único efectivo.

Los republicanos partieron de una constelación muy distinta, marcada por la desintegración del Estado y de las fuerzas armadas. La recuperación del poder estatal y la creación de una maquinaria de combate de nuevo cuño, el Ejército Popular, se llevaron a la práctica en una situación de discordia interna y de falta de disciplina en la tarea esencial de sentar las bases para luchar con eficacia. Los comunistas apoyaron con gran intensidad tales actuaciones. El

esquema analítico clásico basado en el dilema guerra versus revolución no sirve, sin embargo, setenta años más tarde para explicar los constreñimiento que cortocircuitaron a la República.

Para muchos era obvio que si no se ganaba la guerra no habría revolución. Los comunistas, los socialistas moderados y los republicanos burgueses fueron los primeros en reconocer las exigencias operativas. También lo hizo la cúpula anarco-sindicalista. Pero se tardó demasiado tiempo en llegar a las conclusiones prácticas que debían desprenderse de tal reconocimiento. Las masas anarquistas, los partidos nacionalistas vascos y catalanes y el deseo de mantener en la mayor medida posible las posiciones de poder ya conquistadas generaron tal cúmulo de fricciones que su efecto fue muy negativo para el esfuerzo de guerra.

A pesar de que esta discordia interna fue superamplificada en los informes de los observadores de la Comintern y, por supuesto, de muchos periodistas no constituyó el obstáculo esencial para una eventual victoria republicana. La guerra hubiera durado mucho menos de lo que duró, y se hubiera saldado antes con el triunfo de Franco, si éste la hubiese conducido estrictamente con criterios militares, como le aconsejaban alemanes e italianos y, de vez en cuando, sus propios generales. Lo hizo, por el criterio, con criterios políticos y en persecución de dos objetivos esenciales. El primero, que no se recató en insinuar ante sus aliados italianos, estribaba en romper para siempre la espina dorsal de la izquierda española. La razón es obvia, no en vano ésta había osado cuestionar el orden económico y social tradicional y debía recibir su merecido. El segundo objetivo era asegurar su propia preeminencia para después de la victoria. Ambos objetivos exigían una guerra larga y de desgaste y explican algunas decisiones importantes que, de lo contrario, son inexplicables militarmente hablando y que sólo sirvieron para prolongar las hostilidades.

Esta guerra larga no fue del agrado de los protectores de Franco. Mussolini, en particular, había abogado desde el primer momento por la más corta posible. La derrota en Guadalajara y el bochorno subsiguiente le indujeron

a cambiar de enfoque. Si al principio se había mostrado prepotente, no tardó en reconocer que no podía ni debía echar un pulso a Franco. A media que el territorio republicano disminuía, las ansias de Mussolini fueron calmándose. Al final terminó siendo presa de una política de mera imagen. Se consoló en la medida en que el "Nuevo Estado" franquista parecía proclive a la recepción de los planteamientos fascistas y, eventualmente, a la alineación que Franco había prometido para después de la guerra. Mussolini persistió en su ayuda sin demasiadas vacilaciones. Su aportación en hombres y material fue enorme. Los resultados parcos. La prolongada contienda y la tenaz resistencia republicana mordieron en la capacidad bélica italiana. Cuando *il Duce* entró en guerra, en 1940, al lado del Tercer Reich contra la ya casi vencida Francia, y por ende contra la denostada Gran Bretaña, no le hubieran venido mal los equipos y el material que había derrochado en España.

Hitler, por el contrario, nunca permitió que el reñidero español le distrajese de sus planes expansionistas. En la medida en que la ayuda a Franco amenazó con distorsionar el rearme introdujo un compás de espera en los suministros bélicos. Su atención no recaía en España y continuó gravitando hacia la Europa central y Francia. Las experiencias adquiridas en tierras españolas alimentaron, eso sí, su creencia de que las democracias no estarían en condiciones de hacerle frente, sobre todo si su política imperialista se recubría de la oportuna verborrea anticomunista. Poco a poco fue ampliando sus prioridades de cara a la guerra civil: a la apuesta geoestratégica, geopolítica y propagandística se añadieron las experiencias con nuevas tácticas militares, la prueba del más moderno material y, no en último término, un fuerte componente económico. Había que complementar la desviación de exportaciones hacia el Tercer Reich y satelizar la economía española.

V La falta de sincronía entre la evolución interna y externa

Hacia mitad de 1937, al cumplirse el primer año de la sublevación, la constelación de factores que estructuraban la dinámica político-militar era tal que la República había perdido la posibilidad de ganar la guerra. La dificultad estribaba en que no era factible reconocerlo públicamente, sobre todo cuando los "hechos de mayo" habían mostrado las incoherencias y contradicciones inscritas en el corazón mismo de la lucha anti-franquista.

El nuevo Gobierno Negrín abordó resueltamente la recuperación del poder del Estado. Estimuló la intervención en la economía para disciplinar las fuerzas productivas, robusteció la maquinaria bélica y desarrolló los servicios de información y contraespionaje. En gran medida se apoyó en los comunistas que vieron llegada la ocasión para intensificar su penetración en el Ejército Popular.

En contra de este esfuerzo de cohesión y disciplina militaron dos vectores. El primero, interno, fue la relativa incapacidad por evitar las derrotas. Una de ellas, la caída de Bilbao, estaba predeterminada. Cuando Negrín y Prieto llegaron al Gobierno y al Ministerio de Defensa Nacional respectivamente la posibilidad de salvar la ciudad emblemática del Norte era minúscula. Todos los esfuerzos por mejorar la resistencia resultaron baldíos. Los envíos de aviación, a cuenta gotas, toparon con las interferencias francesas. La capital de Vizcaya sucumbió al mes de constituirse el nuevo Gobierno.

Los militares republicanos recibieron carta blanca para lanzarse a la ofensiva. Posiblemente fue un error. El Ejército Popular no era ya una amalgama de reclutas y milicianos bisoños, pero era mejor en la defensa que en el ataque. Por ejemplo, la operación de Brunete se inició con retraso en parte por la tardanza en llegar de los aviadores que se formaban en la escuela de vuelo de Kirovabad. Pero es obvio que, tras un curso acelerado, no estaban en condiciones de hacer frente con demasiado éxito a los experimentados italianos y alemanes. Estos, además, habían renovado el equipamiento de la Cóndor con

máquinas modernas, en ocasiones muy sofisticadas para la época. Brunete no pudo evitar que la apisonadora franquista continuase su progresión implacable en el Norte, favorecida por la traición, pura y simple, de un sector del nacionalismo vasco.

En paralelo a este derrumbe de expectativas el soporte externo republicano experimentó una gran transformación. Stalin rechazó tanto la opinión del consejero militar jefe soviético general Grigory Shtern como la del comisario del pueblo para la defensa, mariscal Kliment Vorochilov. A principios de noviembre de 1937 cortó drásticamente los envíos de material bélico a España y los mantuvo a un nivel reducido durante los siguientes doce meses. No se han documentado todavía los motivos que le indujeron a tal tipo de decisiones. ¿Cuál es su significado? Simplemente que cuando Franco había conseguido situarse en una posición en la que su superioridad material endógena (bélica y económica) adelantó por fin netamente a la del adversario, las posibilidades republicanas para compensar su inferioridad relativa – y que no podían descansar sólo sobre la movilización de factores internos – quedaron quebradas. Un ejército con baja moral puede continuar combatiendo si dispone de un abundante stock de armas y municiones. Sus dificultades serán mayores si a la baja moral se unen las carencias materiales. Es lo que ocurrió al Ejército Popular. Incidentalmente, si, como siguen repitiendo cual papagayos los historiadores neo-franquistas, conservadores y todo tipo de guerreros de la guerra fría, la intención de Stalin hubiese consistido en establecer un régimen para-soviético en España, es obvio que su comportamiento hubiera sido muy distinto.

En puridad la guerra hubiese debido entrar en fase resolutiva en 1938 si, tras el corte del territorio republicano, Franco se hubiera decidido a proseguir la ofensiva contra el resto de Cataluña. Se lo aconsejaron reiteradamente varios de sus generales. Prefirió, no obstante, detener las tropas al norte del Ebro y que se avanzara sobre Valencia. Tal viraje ha sido objeto de grandes controversias. Los

historiadores pro-franquistas han aludido al peligro que divisó el endiosado Caudillo en una eventual intervención francesa. Le habrían llegado noticias de las discusiones que Blum había precipitado en el Consejo de Defensa Nacional. Son argumentos espúrios que no cabe examinar aquí. El hecho es que fue el propio Franco quien generó el margen de maniobra que necesitaba la República para emprender un nuevo esfuerzo que llevó a la batalla del Ebro. Afortunadamente, la frontera se había entreabierto y pudo atravesarla el material soviético remansado en Francia. Para entonces, en efecto, los envíos que Stalin autorizaba se habían desviado hacia los puertos del Atlántico desde donde se encaminaban hacia Port Bou. En el Ebro el Ejército Popular dio muestra de que ya se había convertido en una fuerza respetable, incluso con la frontera nuevamente cerrada y sin posibilidades de acceso a nuevos suministros.

La estrategia gubernamental estaba destinada a comprar tiempo. Era correcta en líneas generales. Negrín había apartado del gobierno a Prieto, cansado de su inveterado pesimismo, y reabierto la puerta a la participación de la CNT. Había invertido gran capital político en mejorar las relaciones con Francia. Seguía con atención la evolución de la escena internacional. Como muchos otros, estaba convencido de que tarde o temprano se produciría un conflicto. Siempre fue consciente de la peligrosidad del expansionismo alemán, que desde el primer momento le había inspirado graves preocupaciones. Para cuando la guerra europea estallase, la bandera tricolor debía ondear en algún rincón de la península.

Es difícil, no obstante, saber hasta qué punto Negrín anticipaba las capitulaciones de las democracias occidentales. Hasta los ojos de los más denodados apaciguadores se habían abierto en el Reino Unido. Los riesgos que las ambiciones alemanas planteaban a su seguridad teñían ya muchas percepciones. Eden había dimitido. Sin embargo, Neville Chamberlain, uno de los más nefastos y engreídos políticos británicos del siglo XX, creía poder ganar tiempo, el que el Reino Unido necesitaba para acelerar su rearme.

La cruenta batalla del Ebro se dirimió a la vez que se aceleraba la marcha hacia Munich. Si bien se trata de una crisis estudiada exhaustivamente, hasta hace poco no se ha sabido que en el mundillo de los archivos británicos se han "extraviado" las interceptaciones de los telegramas extranjeros. Faltan las referidas a los meses entre julio y diciembre de 1938. Su conocimiento permitiría atisbar lo que el Gobierno de la época debió ir aprendiendo con respecto a la postura y desiderata de los distintos participantes en la crisis. Probablemente su difusión no contribuiría a realzar la imagen de los apaciaguadores británicos. Cuando la crisis estalló, las actuaciones de los bandos españoles fueron divergentes. Franco se apresuró, sin consultar con Berlín, a declarar su neutralidad en un conflicto europeo. Negrín, por el contrario, respaldado por los soviéticos, ofreció retirar las Brigadas Internacionales. Ni alemanes ni italianos mostraron interés en aplicar tal medida a sus contingentes.

Hitler, en cualquier caso, pasó factura y estableció condiciones draconianas: la continuación de su ayuda se hizo depender de la aceptación por parte de Franco de las inversiones alemanas efectuadas en la economía española y con menosprecio de las limitaciones legales establecidas. El prepotente Caudillo se tragó el sapo. Incidentalmente, no se ha encontrado constancia hasta ahora de ningún *quid pro quo* parecido con respecto a la Unión Soviética por el lado republicano.

Fue en esta coyuntura cuando la estrategia negrinista empezó a hacer agua. Si Francia sacrificaba el pivote de su propia seguridad en la Europa central que era Checoslovaquia y aceptaba su desmembración, pocas esperanzas podían quedar a la República. El problema, sin embargo, no varió: cómo gestionar la marcha hacia la derrota. Franco, y esto lo sabía Negrín con certeza, sólo aceptaba la capitulación incondicional. No en vano había explorado la posibilidad de llegar a otro resultado en gestiones privadas. Dado que la capitulación era poco atractiva, sólo quedaba continuar la lucha. También

Negrín se había preparado para tal eventualidad. Llevaba casi un año bombardeando a Stalin con incesantes peticiones de créditos y material. En noviembre de 1938 Stalin cambió de nuevo de postura y abrió la espita de los aprovisionamientos y de una modesta facilidad crediticia.

El inicio de la campaña de Cataluña mostró que el Ejército Popular estaba exhausto. Las medidas entonces adoptadas, tales como la declaración del estado de guerra, con lo que implicaba de predominio del poder militar sobre el civil, o la movilización general, llegaron muy tarde. Cataluña se colapsó en poco más de un mes. La agonía de la República entró en fase aguda. Terminó en un ajuste de cuentas confuso, presuntamente para poner coto a los comunistas, en la creencia de los nuevos rebeldes a lo que quedaba de legalidad republicana de que podrían salvar los trastos. Si el coronel Segismundo Casado o el socialista moderado Julián Besteiro pensaron que iban a conseguir lo que no logró Negrín no tardarían mucho en comprobar que sus esperanzas eran vanas.

Conclusión

Como la gran fractura que ha sido de la historia y de la sociedad españolas, la guerra civil no ha dejado de golpear las conciencias. A pesar del enquistamiento de posiciones en la historiografía sobre su inevitabilidad (algunos se remontan para explicar su origen al siglo XIX), no estaba predeterminada como tal guerra por la evolución política y social de los años republicanos. Lo que sí estaba predeterminada es una sublevación. Esta derivó en guerra civil merced a la combinación de cuatro factores imprevistos para la mayor parte de los actores de la época: la escisión de las fuerzas armadas y de seguridad españolas, la embestida de las potencias fascistas, la retracción de las democracias y la ayuda soviética. Los tres últimos, factores externos, hicieron que lo que se ventilaba en el suelo de España dejase de tener un componente exclusivamente español. La lucha derivó en una confrontación entre fascismo y democracia, de apelación universal.

Sin duda muchos de los combatientes del bando franquista creyeron sinceramente que su oponente era el comunismo. Largos años de dictadura, de lavado de cerebros y de exaltación de Franco como "primer centinela de Occidente", según el guión que imponía la guerra fría y la conveniencia de vender a los norteamericanos la situación geoestratégica de España, convirtieron la contienda, tanto en la literatura profranquista, conservadora y neocon norteamericana, en un enfrentamiento entre las fuerzas auténticamente nacionales y la odiosa subordinación a una "doctrina asiática". Todavía pervive el viejo mito de que Stalin buscaba establecer en España un remedo de República popular *avant la lettre*.

Hoy, setenta años más tarde, cabe documentar otra interpretación. Stalin buscó fortalecer la seguridad colectiva frente a la amenaza fascista a través de su apoyo a una República que ya estaba acosada pero se echó atrás, precisamente cuando la República entraba en una fase de combate eficiente. De haber deseado establecer un punto de apoyo en la retaguardia de las democracias, su comportamiento hubiese sido muy distinto. A estas conclusiones se llega mediante el análisis de los documentos de la época, no de una lectura del pasado hacia adelante. Los años 1945–1950 en Europa Central no estaban predeterminados en la guerra civil española, pero la alineación que no se logró en esta fue la ganadora en la segunda guerra mundial. Lo que no quisieron ver los Gobiernos de Baldwin y Chamberlain, lo vio el de Churchill: el enemigo del enemigo es un amigo.

Otra cosa es que la agenda del PCE coincidiese siempre con la del Kremlin. Al igual que en China, Stalin hubo de aprender la dura lección de que no era fácil manipular desde la distancia las exigencias de los hombres que actuaban sobre el terreno. La tan cacareada infiltración comunista en el Ejército Popular o en los servicios de seguridad y contrainsurgencia terminó disolviéndose como un azucarillo en cuanto la legitimidad del Gobierno republicano quedó puesta en entredicho. El Buró Político buscó salvación en la

huída. Las memorias de Antonio Cordón, último subsecretario del Ejército de Tierra y brazo derecha de Negrín, dan testimonio de hasta qué punto la ininterrumpida serie de derrotas había minado la capacidad de resistencia.

Hace algunos años, un historiador norteamericano, gran manipulador, Ronald Radosh, y su equipo pusieron a una sesgada selección de documentos soviéticos un título provocador: "España traicionada". Sus comentarios son con frecuencia grotescos y han sido saludados alborozadamente por la historiografía pro-franquista, anti-republicana y anti-comunista. Allí está el ejemplo de Stanley G. Payne entre muchos otros. Los que se inclinan ante Radosh no han opuesto la evidencia auténtica, remansada en los archivos británicos, franceses, rusos y republicanos. Quienes abandonaron a su suerte a la República fueron las potencias occidentales, las mismas que, en 1940 y 1941, lucharon finalmente contra el enemigo real, el fascismo. En el caso británico en condiciones de mera supervivencia. Por lo demás, aquel abandono no fue el único. Volvió a repetirse en 1945 bajo el mismo prisma conceptual: el temor a la desestabilización de la situación española y a que la Unión Soviética pudiera ganar implantación en Occidente.

Los españoles no franquistas tuvieron mucha peor fortuna que los fascistas italianos reconvertidos o que los franceses que despertaron tardíamente de los ensueños fascistoides de aquel deshonor que fue Vichy. Sin embargo, lo que queda para los republicanos y quienes les ayudaron es algo que nadie puede quitarles: el honor. El honor de no haber rendido las armas hasta el último momento, tras apurar las heces de la soledad y de la amargura a que les condenaron las orgullosas democracias en un combate, amargo y desigual, contra las ambiciones fascistas.

BIBLIOGRAFÍA

Cardona, Gabriel: *Historia militar de una guerra civil. Estrategia y tácticas de la guerra civil española*, Flor del Viento ediciones, Barcelona, 2006, es la más reciente síntesis de un especialista consagrado.

Coverdale, John F.: *La intervención fascista en la guerra civil española*, Alianza, Madrid, 1979, un clásico pero algo obsoleto.

Graham, Helen: *La República española en guerra, 1936–1939*, Random House Mondadori, Barcelona, 2006, es la mejor reconstrucción de la interacción entre factores internos y externos.

Heiberg, Morten: *Emperadores del Mediterráneo. Franco, Mussolini y la guerra civil española*, Crítica, Barcelona, 2003, es la más reciente reconstrucción del papel de la Italia fascista de cara al conflicto español.

Howson, Gerald: *Armas para España. La historia no contada de la guerra civil española,* Península, Barcelona, 1998, un clásico insustituíble.

Merkes, Manfred: *Die deutsche Politik im spanischen Bürgerkrieg,* Ludwig Röhrscheid Verlag, Bonn, 1969, sigue siendo fundamental para la política alemana, aunque está superado en sus antecedentes.

Moradiellos, Enrique*: La perfidia de Albión. El Gobierno británico y la guerra civil española,* Siglo XXI de España, Madrid, 1996, es imprescindible para el caso británico.

Preston, Paul: *La guerra civil española,* Random House Mondadori, Barcelona, 2006, una síntesis reciente y muy lograda.

Radosh, Ronald; Habeck, Mary R y Sevostianov, Grigory (eds.): *España traicionada. La Unión Soviética y la guerra civil española*, Planeta, Barcelona, 2001. Los comentarios constituyen un ejemplo descollante de manipulación y tergiversación.

Rybalkin, Evgeny E.: *Stalin y España. La ayuda militar soviética,* Marcial Pons / Historia, Madrid, 2007, la primera obra rusa auténticamente de historia traducida al español.

Saz Campos, Ismael: *Mussolini contra la II República,* Ediciones Alfòns el Magnànim, Valencia, 1986, sigue siendo esencial.

Viñas, Angel: *Franco, Hitler y el estallido de la guerra civil. Antecedentes y consecuencias,* Alianza, Madrid, 2001, tira a la basura los mitos sobre la connivencia previa entre los dos dictadores

– : *La soledad de la República. El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética*, Crítica, Barcelona, 2006.

– : *El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937*, Crítica, Barcelona, 2007.

– : "Armas y hombres para España. La cuestión de los apoyos exteriores en la guerra civil: un balance crítico", en Fuentes Quintana, Enrique (dir.): *Economía y economistas españoles durante la guerra civil,* Galaxia Gutenberg-Círculo de Lectores, Barcelona, 2008.

Волков М. С.

Государственный университет

гуманитарных наук,

Москва, Россия

ИСПАНЦЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ БЕЛЫХ ЭМИГРАНТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ1936–1939 гг.

В годы гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании на стороне генерала Франко воевало более 100 русских добровольцев из числа белых эмигрантов, хотя этот аспект истории русско-испанских связей (в отличие от вопросов, связанных с политикой СССР) очень мало изучен.

Эти добровольцы были направлены в Испанию по линии Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), хотя в виду практически полного отсутствия средств у этой организации, им приходилось пробираться в Испанию в основном на собственные средства и на свой страх и риск. В основном они прибыли, тайно перейдя франко-испанскую границу, в ряде случаев – через Северную Африку или самолетом из Италии. Их взгляд на

Испанию и испанцев, а также на характер событий в стране представляет несомненный интерес с этно-культурной точки зрения.

Некоторые добровольцы из числа русских белых эмигрантов опубликовали свои впечатления о пребывании в Испании, которые и послужили источником для настоящего доклада. Из числа непосредственных очевидцев событий различного рода письменные свидетельства оставили 11 человек (большинство их было в разные годы опубликовано в журнале «Часовой»). Среди них выделяются как наиболее информативные дневник А. П. Яремчука [6], а также письма Н. В. Шинкаренко[1][1, 2, 3] и Н. Н. Болтина[2] [4, 5]. Другие воспоминания носят более краткий характер и представлены в основном письмами с фронта.

Эти свидетельства тем более интересны, что в Испании – как в силу ее отдаленности от мест первоначального скопления эмиграции, так, видимо, и по причине относительно слабых дореволюционных русско-испанских контактов, русских эмигрантов было очень мало. Испания была одной из 3–4 европейских стран и единственной из крупных, в которой вовсе не было русских воинских организаций

В Испанию эмигранты попадали исключительно индивидуальным порядком и достаточно случайно, поэтому к середине 30-х гг. их насчитывалось очень немного, возможно, несколько десятков человек. Во всяком случае, среди многих тысяч эмигрантов, сведения о которых имеются в источниках, на Испанию приходится лишь единичные упоминания. Некоторое число эмигрантов служило в испанском Иностранном легионе, они принимались туда обычно рядовыми.

---

[1] псевдоним – Н. Белогорский

[2] псевдоним – Гренадер

Следует сразу заметить, что происходившие в Испании события русские эмигранты, о которых идет речь, воспринимали сквозь призму собственных настроений, рассматривая движение генерала Франко как борьбу национальной Испании против коммунистического Интернационала, а служба в Испании рассматривалась как посильный вклад русской эмиграции в борьбу с мировым коммунизмом. Гражданская война в Испании была для них прямым продолжением той борьбы, которую они вели два десятилетия назад, тем более что на противоположной стороне наибольшую роль играли и были наиболее заметны их непосредственные бывшие противники.

Готовность переносить любые сложности и бытовые проблемы не в последнюю очередь вызывалась и тем соображением, что по ним будут судить обо всей русской военной эмиграции и о русских в целом. Восстановление авторитета русских, сильно подорванного в глазах родственных по духу сторонников национальной Испании советскими посланцами, являлось немаловажной частью миссии добровольцев в Испании, как они ее понимали. Как отмечал один из добровольцев: «Испанцы называют всех иностранцев интернациональных бригад русскими, будь то чехи, французы и прочие. Вот поэтому важно наше участие в Испанской Национальной Армии».

Масса реалий испанской войны в самых разных аспектах живо напоминала русским эмигрантам их собственное прошлое. Это впечатление проходит сквозь все отзывы добровольцев. Типичен, например, такой отзыв: «Кажется, что в теперешнем испанском бунте генералов Франко особенно много именно белого, нашего русского, "добровольческого”. Потому что так же, как и мы, испанцы сражаются за старое и вечное: за Родину, за Веру. И всею кровью своею мы ощущаем каждое биение пульса в восстании испанских братьев. Боже, пошли им участь не ту, на которую Ты осудил нас!».

Довольно распространенный мотив – поиски параллелей с российскими реалиями, например, басков-рекете[1] добровольцы склонны были сравнивать с казаками. В главном лозунге франкистов «Вива Эспанья» они узнавали свой «За Великую, Единую и Неделимую Россию»: «под аналогичным лозунгом дрались вместе и упорные монархисты, и “непредрешенцы”, и автономисты казаки…. всякий русский, бывший на Юге России в период нашей гражданской войны, прибыв в Саламанку, чувствует себя в Екатеринодаре».

На территории Испании отношение к прибывшим русским было на первых порах настороженное, так как в лице русских сторонники Франко привыкли видеть врагов, поскольку все знали о советских военных на красной стороне и практически никто – о существовании на свете «белых» русских. Но затем, уже после объяснений – более чем гостеприимное. В воспоминаниях добровольцев можно встретить массу бытовых эпизодов, связанных с отношением испанцев к русским соратникам.

Добровольцев поначалу сильно угнетало, что «испанцы называют русскими всякую международную сволочь». Случались и весьма курьезные случаи, когда солдаты других частей, услышав русскую речь, пугались, принимая их за коммунистов, когда приходилось видеть плакаты с изображением гориллообразного существа и надписью «монструо русо»[2] и т. д.

Большинству добровольцев пришлось служить в частях, составленных их монархистов-карлистов, а поскольку сами они были в большинстве людьми достаточно правых взглядов, то в политическом

---

[1] Рекете – вооруженные формирования карлистов, сторонников параллельной правящей в Испании ветви Бурбонов.

[2] Monstruo ruso (исп.) – русское чудовище.

отношении между ними имело место полное взаимопонимание. Не менее важное значение имело сходное отношение к религии, что испанцами высоко ценилось («мы из безбожной Франции попали в религиозную Испанию»). Долгое время, до приезда русских священников, добровольцы не имели возможности православных богослужений, но посещали испанские, причем настолько аккуратно, что священник ставил их в пример своим прихожанам. Испанские офицеры, в свою очередь, за внимание и уважение, проявленное в отношении их духовенства, платили тем же, и когда в части появился русский священник, «после молебна все они не только прикладывались к кресту, но также целовали руку батюшке».

Отмечено и множество случаев просто проявления взаимных дружеских чувств и знаков внимания. Совместные песнопения, совместное отмечание религиозных праздников, несмотря на различия в вероисповеданиях, все это весьма сближало добровольцев с их соратниками. По воспоминаниям добровольцев, испанцы очень часто просили их петь русские и малороссийские песни, причем уверяли, что русские мелодии имеют очень большое сходство с испанскими. Несмотря на тяжелую службу и ежедневные наряды добровольцы серьезно изучали испанский язык, который им преподавал капеллан подразделения.

Интересны суждения о самих испанцах: «Вообще же испанцы – первоклассные солдаты, недаром когда-то Испании принадлежала половина мира. Посади испанца на камень, дай ему ящик патронов, и он будет отстреливаться до последнего, и в наступлении они хороши… Наши строят кухню, а туземцы с любопытством наблюдают, как русские работают. Испанцы презирают излишний труд – в душе они гидальго[1].

---

[1] Искаж. от «идальго» (hidalgo – *исп.*) – дворянин, рыцарь, благородный.

Вероятно, в Испании никогда не может быть безработицы, вечно будет не хватать рабочих рук».

После окончания военных действий русские добровольцы, о которых в начале войны мало кто знал, стали чрезвычайно популярны в регионе, где они воевали. Русский хор, который сложился в одном из подразделений, где было собрано большинство русских добровольцев, играл не последнюю роль в победных торжествах. Этот хор затем гастролировал в Памплоне, Бильбао и других местах, встречая везде восторженный прием. В местных газетах стали помещаться обширные статьи об императорской России, об участии белых русских в испанской войне и о концертах хора. Большое впечатление произвело на русских, когда после панихиды в кафедральном соборе по принцу Хайме Бурбонскому[1] огромная толпа устроила им овацию: «Да здравствуют русские рекете! Да здравствует царская Россия!».

После окончания военных действий русские добровольцы (к этому времени не менее 34 из них погибли, и 9 было ранено) получили испанское гражданство. Весьма характерно высказывание по поводу получения испанского гражданства: «Мы испанское подданство завоевали – это благородное подданство, не то, что какое-то республиканское французское». Русские добровольцы в большинстве остались в Испании, поступив офицерами в Иностранный легион или на гражданскую службу, часть нашла себе применение на испанском радио. Многие женились на

---

[1] Хайме Бурбонский служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку и в 1910 г. вышел в отставку полковником. Имеется в виду карлистский претендент на испанский престол дон Хайме де Бурбон и Бурбон-Парма (т. н. Хайме III), умерший 2 октября 1931 г.

испанках. Некоторые бывшие русские добровольцы продолжали служить в испанской армии и в 50-х гг. Большинство их скончалось в конце 60-х – начале 80-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белогорский Н.* Вива Эспанья! // Часовой, № 187. – 20 марта 1937.

2. *Белогорский Н.* Испанские письма // Часовой, № 189. –1 мая 1937.

3. *Белогорский Н.* Чудо Альказара // Часовой, № 176. –15 октября 1936.

4. *Гренадер.* Письмо из Испании // Часовой, № 217–218. – 1 сентября 1938.

5. *Гренадер.* Письма из Испании // Часовой, № 238–239. – 5 июля 1939; № 238–239. – 5 июля 1939.

6. *Яремчук А. П.* Русские добровольцы в Испании. – Сан-Франциско, 1983.

Волосюк О. В.

Российский университет дружбы народов

Москва, Россия

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ В XVIII ВЕКЕ И ИСПАНО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Размышляя около двадцати лет тому назад о состоянии историографии внешней политики Испании XVIII в. профессор Парижского университета III «Новая Сорбонна» Ж.-Р. Эме отмечал, что историография ее дипломатической истории не нуждается в обновлении, за исключением того, что относится к испано-русским отношениям [6. Р.

121; 4. P. 164]. Взаимосвязи Испании и России на протяжении всего столетия были обусловлены общим характером общеевропейской ситуации, политическим равновесием, установившимся на континенте с началом XVIII в. Истоки этих дипломатических контактов относятся к крайне важному в истории европейской цивилизации периоду – перехода во внешней политике стран от интересов династических к интересам государственным, национальным, геополитическим, когда закладывались новые принципы функционирования системы международных отношений европейских государств.

Традиционное соперничество Бурбонов и Габсбургов, которое в результате Тридцатилетней войны привело к абсолютному доминированию в Европе Бурбонов, после «войны за испанское наследство» завершилось установлением определенного баланса: Бурбоны распространили свою власть и усилили свое влияние на новые территории, но юридически большая часть этих территорий откололась от их владений и перешла к их соперникам – Габсбургам. В результате, в начале XVIII в. в межгосударственных отношениях Европы утвердился новый принцип – принцип «равновесия сил». В преамбуле договора, подписанного Испанией и Англией в июле 1713 г. и являвшегося составной частью Утрехтского мира, этот принцип впервые был зафиксирован юридически [4. P. 164]. Однако система европейского равновесия, установленная после Утрехта, вскоре была нарушена появлением нового и важного элемента в международных отношениях: после Северной войны на европейской «сцене», как потенциальная великая держава, стремившаяся активно включиться в «концерт» европейских государств и играть решающую роль в делах континента, о себе заявила Россия. С этого времени ведущие европейские страны в системе создания своих союзов были вынуждены учитывать и «российский фактор».

Начало XVIII в. знаменовало для Испании важный рубеж и в ее собственной истории. Решение испанского короля Карла II о назначении своим наследником Филиппа Анжуйского (Филипп V) означало окончание правления династии Габсбургов, с которыми Испания в течение двух столетий была связана теснейшими «фамильными» узами, и начало правления Бурбонов. Смена династии имела для Испании широкое историческое значение. Она перестала быть центром католической империи Габсбургов, включавшей в себя крайне разнородные по своему составу, экономике, национальному и религиозному фактору земли; она перестала претендовать на роль мировой державы, на которой лежал груз ответственности за судьбы народов, находившихся под ее властью, а короли из новой династии, хотя и продолжали сохранять титул «Его Католического Величества», уже не являлись символами распространения христианства в мире – из менталитета испанских правителей исчезли идеи о гегемонии на континенте, и они могли сосредоточиться на решении проблем собственного государства [7. P. 1].

Смена династии на испанском престоле коренным образом изменила систему политического баланса в Европе. Франция – основной соперник Испании в XVII в. – превратилась в ее главного политического партнера. Но отношения с Францией в планах Филиппа V и его супруги Изабеллы Фарнезе отошли на второй план. После «войны за испанское наследство» Испания оказалась вычеркнутой из числа великих держав, и в начале XVIII в. главной целью мадридского двора стало вернуть отобранные после войны территории. В результате ее основным противником после разрыва династического союза стали Габсбурги, с которыми Испания начинает серию войн за возврат итальянских владений. После войны усилилось влияние на европейские дела и Великобритании, которая, получив испанские Гибралтар и Менорку, также оказалась в числе главных соперников испанских Бурбонов.

Россия не входила в сферу непосредственных интересов Испании, но новая испанская династия учитывала ее возрастающее влияние в европейских делах. Пытаясь воспользоваться господствовавшими тогда в Петербурге антианглийскими настроениями, Испания сделала попытку завязать отношения с Россией и заручиться ее поддержкой в своей борьбе против Австрии и Англии [8. P. 178]. Петр I, мечтая об упрочении международного положения России на европейском континенте, с готовностью откликнулся на эту инициативу. Союз не состоялся, но Петр настоял на открытии дипломатического представительства – ему нужна была информация о далекой по меркам того времени Испании – и в 1723 г. в Мадриде было открыто первое российское посольство. Установление дипломатических отношений между Россией и Испанией завершило систему складывания европейского равновесия в начале XVIII в. и процесс создания единого дипломатического пространства Европы от крайних западных до восточных ее пределов.

Отношения между двумя государствами развивались тогда в основном в торговой сфере. Важную роль в этом сыграло и открытие в 1724 г. консульства в Кадисе, одного из первых среди российских консульств в западноевропейских странах. Однако послепетровское правительство не разделяло идею Петра о необходимости развития отношений с этой далекой для России державой. В 1726 г. Испания подписала с Австрией союзный договор, который объединил ее с Россией в рамках одной европейской коалиции, и в Москву был направлен испанский посланник герцог де Лириа, но отношения «союзников» были достаточно формальными. После того, как Испания с помощью Англии завоевала Парму, получив ее трон для старшего сына Изабеллы инфанта Карла, и разорвала Венский союзный договор, Россия по требованию Австрии в 1730 г. отозвала из Мадрида своего представителя. Одновременно из Москвы уехал и испанский посланник.

Отношения между двумя государствами были восстановлены только через тридцать лет. Этому предшествовала длинная череда политических изменений в Европе. С 1730-х гг. начинается и новый этап во внешней политике Испании. Хотя инфант Карл и являлся суверенным государем в Парме и Пьяченце, но он был сыном испанского короля и вторым кандидатом на наследование испанского престола. Признание большинством европейских государств его прав на эти итальянские территории означало также признание их возвращения Испании. Включение Пармы в сферу своих интересов вынудило Мадрид подписать в 1733 г. первый Фамильный пакт с Францией, заставивший его принять участие в «войне за польское наследство», хотя, очевидно, это «наследство» было крайне далеко от его интересов. В результате Испания оказалась с Россией в противоположных европейских коалициях. На их отношениях это никак не сказалось: в то время как Россия боролась за польский престол для Августа, Испания воспользовалась моментом и поддержкой Франции для завоевания для инфанта Карла престола Неаполя и Сицилии.

Это завоевание уже через несколько лет вовлекло Испанию еще в одну войну – «войну за австрийское наследство». В 1743 г. был подписан второй Фамильный пакт, на этот раз объединивший три ветви Бурбонского дома: Испанию, Францию и Неаполь. В результате трон Пармы снова вернулся к испанским Бурбонам: его занял младший брат Карла, инфант Филипп, а династия Бурбонов к середине XVIII в. заняла троны Франции, Испании, Неаполя и Пармы, и была объединена династическим Фамильным пактом. Испанские права на владения в Италии были признаны всеми европейскими великими державами. Испания добилась главной цели: она сумела утвердиться в Италии и снова оказалась вовлеченной в европейскую политику, от которой была отстранена после

Утрехта, хотя ей и не удалось вернуть себе все земли, отобранные после «войны за испанское наследство».

С середины XVIII в. Испания отказалась от претензий на распространение своего влияния, своей политической гегемонии на европейские территории. Этому способствовала и активизация «пиратской» политики Великобритании в Новом Свете, которая вынудила Мадрид обратить самое пристальное внимание на свои заокеанские владения. Вопрос сохранения монополии торговли с Америкой, без которой испанское экономическое возрождение не состоялось бы, стоял крайне остро. Соответственно, политика Испании теперь была «заточена» на борьбу с Англией за господство на американском континенте, а также за возврат Менорки и Гибралтара.

Однако активизация антианглийской политики Мадрида относится только к началу 1760-х гг. Пришедший к власти в Испании в 1746 г. Фердинанд VI являлся сторонником политики стойкого нейтралитета: отношения с союзной Францией были сведены до формальных, хотя и доброжелательных; одновременно благодаря влиянию жены Фердинанда португальской принцессы Барбары Браганссской потеплели отношения с Лиссабоном и его постоянной союзницей – Англией. В рамках этого курса Фердинанд выстраивал и свои отношения с Россией. Переписка между двумя дворами не была восстановлена, поскольку Мадрид упорствовал в непризнании императорского титула российских государей. И хотя полного разрыва между дворами не произошло, отношения поддерживались лишь на уровне секретарей дипломатических миссий.

Принципиальные изменения в системе европейского равновесия произошли в середине 1750-х гг.; «дипломатическая революция» полностью изменила систему союзов европейских государств, которые объединялись теперь в две коалиции: Россия, Австрия и Франция против Англии и Пруссии. В 1756 г. эти коалиции начали Семилетнюю войну, но

Испания продолжала сохранять политику нейтралитета. Изменение этой политики совпало со вступлением на испанский престол в 1759 г. короля Карла III. Сначала он сохранял нейтралитет и даже предложил свою «медиацию» в примирении Франции и Англии, но политика последней в американских землях, создававшая прямую угрозу испанским колониальным владениям в Америке, вынудила его отказаться от нейтралитета, подписать в 1761 г. третий Фамильный пакт с Францией и вступить на ее стороне в войну.

В рамках активизации своего внешнеполитического курса Карл III сделал шаг навстречу стремлению России к восстановлению дипломатических отношений. Он объявил о признании императорского титула российских государей, убрав тем самым последнее формальное препятствие. Союз России с Францией также способствовал сближению России и Испании, хотя между двумя бурбонскими дворами существовали доброжелательные, но не очень близкие отношения.

Вступление на престол в Петербурге Петра III, разрушившего систему существовавших в Европе коалиций и после подписания мира с Пруссией вышедшего из Семилетней войны, осложнило положение Австрии, Франции и Испании. Екатерина II, через полгода сменившая его на троне, оставила союз с Пруссией, что заметно охладило ее отношения с бывшими союзниками. Н. И. Панин, инициатор создания «северного аккорда», относился к Франции с большим предубеждением. Именно он внушил императрице мысль, что Испания находилась целиком в русле французской политики, а, следовательно, к ней Россия должна относиться с таким же подозрением, как и к Франции. В инструкции посланнику в Париже князю И. С. Барятинскому от 8 августа 1773 г. Н. И. Панин специально подчеркивал, что поскольку «является везде и во всех делах Мадридский двор тению Версальскаго», Испания «во всяком противу нас случае, не раздумывая, берет предосудительную сторону» [2. С. 452].

Похожие идеи он неоднократно повторял в письмах и инструкциях к российским представителям в Мадриде. Эту позицию Н. И. Панина подхватили многие исследователи внешней политики России, распространив тезис о существовании между Россией и Испанией в XVIII в. чуть ли не «естественной» и «извечной» враждебности. Документы свидетельствуют о том, что данная версия нуждается в серьезных уточнениях, и что во второй половине столетия можно выделить несколько этапов развития испано-российских отношений.

С 1767 по 1772 гг. Россия прекратила дипломатические отношения с Францией. С Испанией дело до разрыва не дошло, но до начала 1770-х гг., когда бурбонские державы, благодаря активной политике двух министров иностранных дел, Шуазеля и Гримальди, действительно поддерживали теснейший союз, отношения сводились к чисто формальным.

Фамильный пакт был подтвержден договором между Испанией и Францией от 12 апреля 1779 г. и формально он действовал до провозглашения Французской республики, а точнее, до объявления Францией войны Испании в 1793 г. На самом деле, договор этот был очень непрочный, его «медовый месяц» закончился в 1770 г., когда Франция отказалась поддержать Испанию в ее конфликте с англичанами из-за Мальвинских островов. «После 1770 г. Фамильный пакт напоминал старинное ружье, которое висит на стене только для украшения и для того, чтобы вызывать воспоминания о былых временах», – образно заметил испанский исследователь В. Паласио Атард [9. P. 291]. Этого не должны забывать исследователи внешней политики Испании, и в частности, испано-русских отношений, поскольку они строились с учетом всех нюансов взаимоотношений с Францией. Наглядным примером стала позиция Испании во время русско-турецкой войны и прохода русской эскадры у берегов Франции и Испании. И хотя в инструкции Спиридову Екатерина II объединяет Францию, Испанию и Неаполь, которые «нам и

оружию нашему добра не желают» [3. С. 300], очевидно, что, несмотря на давление Шуазеля в 1769 г., Мадрид не желал вмешиваться в дела, которые были далеки от его интересов.

Отставка Шуазеля, а позднее Гримальди – «отцов-основателей» Фамильного пакта – и приход на пост государственного секретаря по иностранным делам графа де Флоридабланка, который имел четкую концепцию отношений с Францией, сделали этот договор еще более формальным. Это подтверждают и донесения российского дипломата Зиновьева. Желание проводить более самостоятельную и независимую от Франции политику Флоридабланка выразил в письме к Бернардо Кампо, признавая, что хотя Испания и не играет определяющей роли в системе «европейского равновесия», она «является внимательным зрителем в великом театре» держав первого ранга – Франции, Англии, Австрии и России – и, по его образному выражению, «наблюдает за ними с камнем и палкой в руках на случай, если они зайдут слишком далеко, и окрика, чтобы их утихомирить, будет недостаточно» [5]. Эта позиция нового испанского министра наглядно проявилась во время войны американских колоний Англии за независимость. Испания поддержала их борьбу и неоднократно направляла им денежные субсидии и вооружение, но делала это тайно, не желая портить отношения с Лондоном. Она была заинтересована, чтобы колонии продолжали войну с Англией, ослабляя ее и не давая ей возможность направить свой флот против испанских владений в Америке. Положение осложнялось и тем, что в Южной Америке Испания была втянута в конфликт с Португалией, и до его завершения у нее были «связаны руки».

После вступления Франции в войну на стороне США в 1778 г., Испания еще год сохраняла нейтральную позицию, продолжая тайно помогать бывшим английским колониям, а официально предложив себя в качестве посредника в примирении Франции и Англии. И только

неуступчивость последней в вопросе о возврате Испании Гибралтара – той цене, которую мадридский двор желал получить за «медиацию», – и осознание, что мирным путем эту проблему решить не удастся, вынудили Мадрид пойти на военную конфронтацию. Флоридабланка, опасавшийся того, что Англии окажет поддержку Россия, и, желая тем или иным путем ее нейтрализовать, все более и более активно стал выступать за сближение с северной державой. Подписание Екатериной II декларации о вооруженном нейтралитете было, безусловно, крайне выгодно испанской дипломатии, однако, вряд ли справедливо утверждение, что именно Флоридабланка спровоцировал ее провозглашение. Испанским дипломатам в Петербурге предписывалось всячески содействовать укреплению отношений с Россией и добиваться ее посредничества в подписании перемирия между воюющими сторонами. Версальский мир 1783 г. был выгоден для Испании, но так и не решил ее главной проблемы – Гибралтара.

Отношения с Францией изменились коренным образом после начала там революции в 1789 г. На испанском престоле находился в этот период Карл IV, слабый и безынициативный монарх, и определение политического курса оказалось целиком в руках Флоридабланки. Министр развил бурную деятельность, направленную на борьбу с революционной Францией. На этой почве произошло и сближение Испании с Россией с целью выработки общего курса на вмешательство в дела Франции. По инициативе Екатерины II между двумя дворами завязалась активная переписка по вопросам о судьбе Людовика XVI, помощи принцам-эмигрантам и созыве конгресса держав антифранцузской коалиции. Эта переписка была прервана только в связи с отставкой Флоридабланки, которая была вызвана именно его активной антифранцузской деятельностью, сильно охладившей отношения между Испанией и Францией. Боязнь за жизнь своего венценосного кузена и желание

добиться его спасения даже путем обещания Франции нейтралитета вынудили Карла IV назначить новым министром графа де Аранду. Изменение политического курса Испании испортило ее отношения с Россией. Екатерина II так и не дождалась ответа на свое последнее послание, которое Флоридабланка получил за два дня до своего смещения. Аранда же не давал никаких обещаний Зиновьеву, который в июле 1792 г. покинул Мадрид, оставив временным поверенным Н. Бицова. Сменивший через полгода Аранду фаворит королевы Марии-Луизы М. Годой продолжал его линию, которая была прервана только после казни Людовика XVI – Испания вступила с Францией в войну. Поражение Испании в этой войне, выход из антифранцузской коалиции, заключение в 1796 г. Базельского союзного договора с Францией, а также непризнание Испанией избрания Павла I Великим магистром Мальтийского ордена привели через три года к разрыву дипломатических отношений с Россией. Оба государства оказались на пороге войны, но уже в 1801 г. после вступления на российский престол Александра I отношения между двумя государствами были восстановлены, а в 1812 г. на почве совместной борьбы с Наполеоном Испания и Россия заключили первый союзный договор.

На протяжении XVIII в. отношения России и Испании сохраняли относительно благожелательный характер. Сложности, возникавшие время от времени, не были обусловлены взаимными претензиями, а только изменением отношений с теми державами, которые определяли систему европейского равновесия – Англией, Францией и Австрией. Именно этой «опосредованностью» проблем и объясняется та взаимная терпимость, которая никогда не доводила Россию и Испанию до открытого конфликта. Прав был Флоридабланка, писавший в 1780 г. в Петербург своему посланнику Норманде: «Отдаленность наших государств не дает столкнуться здесь политическим интересам; скорее это обстоятельство

поможет нам в оказании друг другу серьезных услуг без ущерба для обеих сторон» [1. С. 272].

Уроки испано-русских отношений в XVIII в. актуальны и для сегодняшнего дня. Как и в те далекие времена, отношения между двумя странами, разделенными участием в различных политических блоках и экономических объединениях, различными геополитическими интересами, не являются ни очень близкими, ни очень активными. Тем не менее, сохраняется политическая благожелательность, которая крайне важна для укрепления системы стабильности в Европе, да и во всем мире, в самом начале нового, XXI столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Россия и Испания:* Документы и материалы (1667–1917 гг.). – В 2 т. – Т.1: 1667–1799 гг. – М., 1991.

2. *Сборник Русского исторического общества.* – Т. 118. – СПб., 1904.

3. *Соловьев С. М.* Сочинения. – Кн. 14. – М., 1998.

4. *Anderson M.* The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. – L.; N.Y., 1993.

5. *Archivo Histórico Nacional.* Estado. Leg. 4236.

6. *Aymes J.-R.* España en movimiento (1766–1814): Ensayo bibliográfico // La Revolución francesa y el mundo ibérico. – Madrid, 1989.

7. *Kamen H.* Golden Age Spain. –Basingstoke, 1988.

8. *Ozanam D.* La diplomacia de los primeros Borbones (1714–1759) // Cuadernos de investigación histórica. – № 6. – 1982.

9. *Palacio Atard V*. El Tercer Pacto de Familia. – Madrid, 1945.

Гранцева Е. О.
Институт всеобщей истории
Российской Академии наук
Москва, Россия

ИСПАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОППОЗИЦИИ ФРАНКИЗМУ

Режим франкистской диктатуры занимает особое место среди недемократических режимов XX в. За почти сорок лет своего существования он прошел долгий и сложный путь эволюции. В результате Испании удалось перейти на новый исторический этап, связанный с утверждением демократии, восстановив после длительной изоляции свое место в Европе без больших социальных потрясений и кровавых переворотов.

Причины, позволившие сравнительно легко утвердиться новым политическим ориентациям государства и общества, выглядят одной из наиболее сложных и интересных проблем при обращении к истории Испании периода франкизма.

На протяжении второй половины XX в. исследователи разных стран неоднократно обращались к этой проблеме, анализируя социальные, политические и экономические предпосылки эволюции режима, особое внимание уделялось и оппозиции. При этом проблема «интеллектуальной оппозиции» нередко отходила на второй план. Вместе с тем, актуальность этой темы несомненна, так как испанская интеллигенция стала одним из катализаторов изменений. В течение нескольких десятилетий она изнутри подтачивала режим, постепенно меняя общественные настроения. В стране, где не существовало легальных политических партий, испанские деятели культуры играли ту роль, которую в демократических странах выполняет правительственная оппозиция.

Несомненно, что сфера культуры является зеркалом процесса перемен в обществе и, в то же время, отражая действительность, стимулирует данные изменения. При этом необходимым условием, позволяющим избежать искажений, является свобода творчества. Деятели испанской культуры, борясь за столь необходимые им демократические свободы, пробуждали общественное сознание и влияли на изменение политической обстановки в стране.

Тема оппозиции франкистскому режиму неоднократно рассматривалась в работах отечественных и зарубежных историков[1], но

---

[1] В историографии данной темы необходимо выделить как общие работы по новейшей истории Испании (монографии и статьи С. П. Пожарской), так и работы, посвященные отдельным темам – проблемам перехода Испании от диктатуры к демократии, испанской истории переходу Испании от диктатуры к демократии, оппозиционному движению, отношениям испанской церкви с режимом и обществом (*С. М. Хенкин* «Испания после диктатуры (социально-политические проблемы переходного периода)», *Т. Н. Баранова*, *Л. И. Лукьянова* «Истоки и современные тенденции оппозиционного движения», *Л. В. Пономарева* «Испанский католицизм XX века» и др.), а также работы, посвященные истории испанской культуры, среди которых необходимо особо выделить литературоведческие исследования И. Тертерян, киноведческие и искусствоведческие работы, а также работы по истории испанского театра. Среди зарубежных исследований можно выделить работы Э. Диаса, Х. Руиса-Хименеса, Х. Мариаса, Р. Мородо, Р. Тамамеса, К. Париса, Х. Л. Абельяна, М. Фернандеса Ареаля, социологические исследования А. де Мигеля и В. Перес-Диаса.

проблема «интеллектуальной оппозиции» отходила на второй план. Однако исследование оппозиционных настроений испанской интеллигенции и культурной жизни периода франкизма позволяет понять причины глубоких трансформаций, произошедших в сознании испанского общества, и объяснить относительную легкость перехода Испании от диктатуры к демократии.

С конца 1930-х до середины 1950-х гг. испанское общество и культура прошли сложный путь от разрыва национальной культурной традиции, когда Испанию покинула значительная часть выдающихся представителей испанской интеллигенции до возрождения культурной жизни, когда творческая интеллигенция начала играть немалую роль в формировании внутренней оппозиции и критического отношения к франкизму в испанском обществе.

В конце 1940-х гг. тема Испании, вопрос о ее судьбе, об «испанской проблеме» оказываются в центре внимания работ представителей испанской интеллигенции, являясь объектом спора и идеологического противоборства. Новая фаза «большого спора об Испании», инициированная молодыми фалангистами стала первым шагом на трудном пути преодоления конфронтации и поиска национального консенсуса. В рамках этой проблемы П. Лаин Энтральго отстаивал идеи «понимания» и «интеграции», а внимание к «технической» европеизации, проявленное Ф. Пересом Эмбидом, Р. Кальво Серером и другими членами «Опус Деи», объединяло религиозные и идеологические вопросы с практическими задачами франкистского государства. В конце 1940-х гг. идеологи этого течения, позднее получившего определение «технократического», искали методы поддержания жизнеспособности франкистской Испании в условиях послевоенной Европы [1, 2].

Начиная с 1956 г. в Испании разворачивался сложный и противоречивый процесс постепенного ослабления франкистского режима

и создания предпосылок для его эволюции. Тот же 1956 г. выглядит решающим в процессе формирования интеллектуальной и политической оппозиции. В это время представители испанской интеллигенции, происходящие из самой системы, и молодежь, обучавшаяся в ней, встают на путь противостояния режиму. Вопреки давлению властей, оппозиция начала выходить из подполья, расширяясь, в частности, за счет представителей церкви, и проявляясь в многочисленных акциях протеста, организованных студентами и интеллигенцией.

В эти годы экономическое развитие и связанные с ним социальные перемены изменили облик повседневной жизни и наложили глубокий отпечаток на сферу культуры. Другим фактором, важным для Испании, где церковь традиционно занимает большое место в жизни общества, был «обновленческий» поворот в католицизме. Энциклики папы Иоанна XXIII, посвященные защите основных прав человека и общественных свобод, оказали значительное влияние на уровень политического мышления испанцев.

Принятый в 1966 г. закон о прессе и печати, известный как «закон Фраги», несмотря на его недостатки, стал орудием либерализации испанской политики, дав возможность оппозиции выражать свои мысли на страницах испанской прессы. Одним из самых ярких примеров активизации общественного сознания в 1960-е гг. стало появление журнала "Cuadernos para el Diálogo". Концепция «диалога», зафиксированная в названии и обусловившая всю историю существования данного издания, выглядит как одна из наиболее важных идей, сопровождавших возвращение к гражданскому обществу.

Политизация критики и теоретических исследований, политизация художественных выступлений, гражданская позиция художников и интеллигенции – все это стало неотъемлемой частью искусства тех лет, предававшей ему особенную глубину и актуализирующей сферу

моральной, гражданской и политической ответственности.

В это время можно отметить начало нового этапа оппозиционной борьбы с режимом. На смену отдельным выступлениям видных деятелей культуры, петициям и манифестам пришли повсеместные массовые акции протеста. На рубеже 1960–70-х гг. перемены в структуре занятости активного населения и социальная стратификация способствовали, вместе с существенным улучшением условий жизни, модернизации испанского общества. Устремления нового среднего класса все сильнее контрастировали с авторитарным режимом. Независимость и личная свобода стали безусловными ценностями на новом этапе испанской истории.

Культурная эволюция 1960-х гг. создала основу для формирования новой ментальности, сделала возможным, без больших потрясений и шоков, переход от франкизма к демократии. Она содействовала, вдобавок, растрескиванию стен автаркии, возведенных режимом в интеллектуальной и культурной сфере для обеспечения защиты «испанской самобытности». Кроме того, был упрощен контакт с новыми культурными течениями, характерными для динамичной интеллектуальной и культурной панорамы Запада рубежа 1960–70-х гг.

В 1970-е гг. франкизм все стремительнее уходил на второй план. Деятели культуры описывали, зачастую используя язык символов, испанскую действительность, размышляли над прошлым и будущим страны. Социологи и экономисты рассуждали об ошибках сорока лет франкизма. Однако в то же время выход из изоляции способствовал интеграции Испании в лоно тотальной поп-культуры, все активнее набиравшей силу в эти годы. Таким образом, в середине 1970-х гг. наряду с актуальностью рефлексий по поводу дальнейшего пути Испании и осмысления прошлого страны перед деятелями культуры вставали новые проблемы, появлялись новые темы для размышлений.

Одной из центральных характеристик периода 1970–75 гг. стало существование в испанском обществе спора, разделившего его на сторонников реформы и на тех, кто поддерживал категорический разрыв. Этот спор захватил как область политики, так и сферу культуры. В это время вопрос «что будет после Франко?» стал одним из самых актуальных в Испании. Несоответствие между действиями режима и ожиданиями общества провоцировало многочисленные конфликты и напряженности, ощутимые в самых различных сферах.

В этих условиях укреплялась уверенность в необходимости участия народа в политической жизни страны. Особую актуальность приобрел вопрос о реализации мирного перехода от франкизма к демократии. Память о гражданской войне заставила большинство населения опасаться повторения столь тяжелого опыта. В острой политической борьбе пришлось искать общую формулу для осуществления политического компромисса.

На современном этапе все сильнее осознается важность института гражданского общества, потребность в автономии общества от государства и, одновременно, консолидации отдельных социальных групп для решения волнующих их проблем. Надо отметить, что элементы гражданского общества сохранялись на всем протяжении периода франкизма, однако процесс активизации гражданского общества начал заметно проявляться в 60-е гг., когда со стороны режима были предприняты некоторые шаги в сторону либерализации. Оппозиционными настроениями в это время проникались представители всех социальных групп испанского общества, приходило понимание, что добиться результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей.

Таким образом, за годы франкизма радикально изменилась политическая культура испанцев, на смену конфронтации пришла готовность к диалогу и компромиссам, изменения в общественном

сознании создали основу для национального консенсуса. При этом испанская интеллигенция сыграла существенную роль в подготовке этих изменений и ее вклад в мирный переход от франкизма к демократии не подлежит сомнению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Calvo Serer R.* España, sin problema. – Madrid, 1949.
2. *Laín Entralgo P.* España como problema. – Madrid, 1949;

Marieta Cantos Casenave
Universidad de Cádiz
Cádiz, España

DE CÁDIZ A SAN PETESBURGO: MUJERES CONTRA NAPOLEÓN EN LA ÉPOCA DE LAS CORTES[1]

Desde hace algunos años algunas investigaciones empiezan a poner de manifiesto la labor hasta hace poco prácticamente silenciada que realizaron las mujeres europeas en la lucha contra Napoleón. Una lucha que adoptó diversas modos de actuación que se realizó en el campo de batalla y en la retaguardia,

[1] Este estudio se inscribe en el marco de los siguientes proyectos: HUM2007-64853/FILO del Plan Nacional de Investigación del Ministerio de Ciencia y Tecnología cofinanciado por Feder, sobre “La literatura en la prensa española de las Cortes de Cádiz”; Proyecto de Excelencia del Plan Andaluz de Investigación de la Junta de Andalucía PAI05-Hum-00549, sobre “Las Cortes de Cádiz y el primer liberalismo en Andalucía. Elites políticas, ideologías, prensa y literatura (1808–1868)”; y Proyecto de Excelencia del Plan Andaluz de Investigación de la Junta de Andalucía P06-HUM-01398, sobre “Prensa y publicística en las Cortes de Cádiz”.

que asumió a veces la difícil tarea de expresar una opinión pública, la de las mujeres que tenía pocas posibilidades de ser tenida en cuenta.

Para el caso español, los trabajos pioneros de Gloria Espigado y Ana Sánchez se han venido acompañando de otros como los realizados por Elena Fernández, Elisa Martín-Valdepeñas, Beatriz Sánchez Hita, y otras, entre las que me encuentro[1], y que han encontrado una oportunidad única en la publicación de un libro colectivo editado por Irene Castells, Gloria Espigado y Mª Cruz Romeo, *Heroínas y p*atriotas. *Mujeres de 1808*, donde se reúnen perfiles biográficos de mujeres individuales o de grupos femeninos, a veces silenciados por la historiografía coetánea y actual. Por otra parte, aquí se reivindica tanto a las heroínas famosas como Agustina de Aragón y Manuela Malasaña, junto a aquellas que no lo son tanto, como las que participaron en la defensa gallega o las que combatieron en el denominado batallón de Santa Engracia en la defensa de Gerona, y se descubre, además, la actuación de otras mujeres que con su escritura o con su labor humana colaboraron social y políticamente – dicho sea en sentido amplio – con la causa de la nación, ya fuera desde el bando patriótico

[1] Marieta Cantos Casenave, "Las mujeres en la prensa entre la Ilustración y el Romanticismo", en Marieta CANTOS CASENAVE, Fernando DURÁN LÓPEZ y Alberto ROMERO FERRER (eds.) *La guerra de pluma. Estudios sobre la prensa de Cádiz en el tiempo de las Cortes (1810–1814)*. Tomo III. Parte quinta: Sociedad y consumo: estructuras de la opinión pública, Servicio de Publicaciones de la Universidad de Cádiz, Cádiz, 2008, pp. 157–334. También, "Del cañón a la pluma. Una visión de las mujeres en la guerra de la Independencia", en *España 1808–1814. De súbditos a ciudadanos*. Sociedad Don Quijote de Conmemoraciones Culturales de Castilla – La Mancha y Sociedad Estatal de Conmemoraciones Culturales, pp. 267–286; y "La guerra de pluma y la conquista femenina de la tribuna pública", en *Guerra de Ideas*, Zaragoza, Institución Fernando el Católico (en prensa).

o del afrancesado. Baste recordar a la marquesa de Villafranca, Frasquita Larrea, Carmen Silva, María Bellido, la Tinajera y en el afrancesado, Ana Carasa de O´Farrill, la duquesa de Mahón, entre otras.

A este volumen, cabe añadir algunas contribuciones recientes que insisten en demostrar que algunas mujeres tenían preparación suficiente para adentrarse en los terrenos de la arena pública, de la política, y así Elena Fernández e Irene Castells han trabajado la lucha de las mujeres durante el Trienio Liberal[1]. Ambas, junto con Elisa Martín-Valdepeñas y Beatriz Sánchez Hita han rescatado el papel de la marquesa de Astorga[2]; y yo misma con esta última investigadora hemos publicado un trabajo sobre la labor de escritoras y periodistas ante el horizonte de la Constitución de 1812, examinando no sólo sus escritos, sino también, sus lecturas y fuentes ideológicas[3].

Prácticamente desde que las Cortes decretan la libertad de imprenta y los periódicos pueden dar publicidad a todo tipo de discursos políticos, puede encontrarse noticias sobre la labor que realizan las mujeres para combatir a Napoleón. Una labor que, como decía al principio, no era insólita y así en la prensa hay datos sobre la resistencia de las mujeres en otros lugares de Europa, como Alemania. Por ejemplo, el *Diario de Mallorca* recuerda a Stein y Dalwig,

---

[1] Castells, Irene y Elena Fernández (2008), "Las mujeres y el primer Constitucionalismo español (1820–1823)", en *Historia Constitucional* nº 9 (2008), http://hc.rediris.es/09/index.html

[2] Elisa Martín-Valdepeñas, Beatriz Sánchez Hita, Irene Castells Oliván, y Elena Fernández García (2009), "Una traductora de Mably en el Cádiz de las Cortes: La marquesa de Astorga", en *Historia Constitucional* 10 (2009), 63–166.

[3] Marieta Cantos Casenave y Beatriz Sánchez Hita (2009), "Escritoras y Periodistas ante la Constitución de 1812 (1808–1823)" *Historia Constitucional* 10 (2009), 137–179.

"damas de Westfalia que trabajaron celosamente por la libertad de su país" y fueron ultrajadas por el enemigo y encerradas "en una casa de corrección"[1]. En general combatieron a Napoleón asociaciones de damas de la aristocracia, auspiciadas por las casas reales y principados de los estados antifranceses de habla alemana[2].

También el mismo *Diario de Mallorca* inserta una carta de una inglesa que se dirige a sus compatricias para animarlas a colaborar con donativos en beneficio de la causa española[3]. Esta llamada parece que encontró pronto respuesta, pues algunas inglesas enviaron donativos por medio de unos barcos procedentes de Gran Bretaña que habrían de llegar a Cádiz. La prensa se hace eco del orgullo del cónsul Duff por la contribución de sus paisanas[4]. Igualmente otros periódicos – *El Conciso*, el *Diario mercantil* y el *Redactor General*, principalmente – difunden la existencia en Inglaterra de clubs de señoras constituidos para colaborar en tareas asistenciales y particularmente "con el fin de proveer a las pobres de canastillas en sus partos"[5]. Al mismo tiempo, intelectuales como Hannah More o Frances Burney se significaron en la lucha

---

[1] *Diario de Mallorca* de 26 de noviembre de 1810, p. 1327.

[2] Efectivamente, Bárbara Caine y Glenda Sluga, han analizado cómo en Alemania, durante las guerras de liberación contra Napoleón (1812–1813), las damas se organizaron con fines patrióticos como modo de intervenir aunque limitadamente en la vida pública. Cf., *Género e Historia. Mujeres en el cambio sociocultural europeo, de 1780 a 1920*, Madrid, Nancea, 2000, p. 95.

[3] "A las Señoras de la Gran Bretaña e Irlanda", en *Diario de Mallorca* nº 83, de 28 de marzo de 1809, pp. 351–352.

[4] Cf. *Diario de Mallorca* nº 25, de 8 de septiembre de 1809, p. 103.

[5] Cf. *El Conciso*, nº 4, de 4 de octubre de 1812, p. 7.

contra Napoleón y sufrieron por ello. En Francia lo haría Julie Pellizzone (1768–1837), entre otras[1].

En este contexto, cabe situar la labor que realizó la denominada Junta de Señoras que se estableció en Cádiz en 1811 y que logró constituirse como Sociedad a finales de ese año, para publicar sus Estatutos en 1812[2]. Para sorpresa de muchos hombres, las damas no circunscribieron su actuación al ámbito local o nacional sino que pretendían ampliar su radio de acción a otros lugares de América y Europa:

Nos consta que no se ha limitado al recinto de esta ciudad el laudable plan de estas señoras: el amor a la patria, el vivo deseo de coadyuvar poderosamente

---

[1] Waltraud Maierhofer, Gertrud Roesch, and Caroline Bland (eds.), *Women against Napoleon: Historical and Fictional Responses to his Rise and Legacy*, Campus Verlag, Frankfurt, 2007. También puede verse el trabajo de John Lawrence Tone "Spanish Women in the Resistance to Napoleon, 1808–1814", en Victoria Lorée Enders and Pamela Beth (eds.), *Constructing Spanish Womanhood: Female Identity in Modern Spain*, State University of New York Press, New York, 1999, pp. 259–282, y los pioneros de Karen Hagemann, especialmente el último de ellos "Female Patriots: Women, War and the Nation in Prussia during the Anti-Napoleonic Wars", en *Gender und History* (2004), 396–424.

[2] Gloria Espigado y Ana Sánchez, "Formas de sociabilidad femenina en el Cádiz de las Cortes", en M. Ortega, C. Sánchez y C. Valiente (eds.), *Género y ciudadanía. Revisiones desde el ámbito privado*, Madrid, UAM, pp. 225–242. También de la misma autora, "Las mujeres en el nuevo marco político" en Guadalupe Gómez-Ferrer, Gabriela Cano, Dora Barrancos y Asunción Lavrin (coords.), *Historia de las mujeres en España y América Latina*, dirigida por Isabel Morant, tomo III, *Del siglo XIX a los umbrales del XX*, Cátedra, "Historia / Serie Menor", Madrid, pp. 27–60.

al bien general, les ha inspirado la noble resolución de dar grande extensión a sus benéficas miras. Inglaterra, Sicilia, Islas Canarias etc. América, y provincias de la Península, todos estos países van a ser objeto de su correspondencia para este fin. Sabemos que la generosidad y beneficencia de las damas inglesas será excitada por la señora duquesa de Westmoreland, de cuyo noble carácter todo se puede esperar; y si Lady Curtis, Lady Price, y Lady Perring se mostraron tan generosas en la suscripción de señoras para con los infelices habitantes del Portugal (Conciso 4 de agosto) ¿podrán mostrarse indiferentes para con los desnudos guerreros españoles, si llega a su noticia esta nueva suscripción? ¿Y cómo no podrá llegar cuando dicha señora Duquesa ha sido suplicada para la realización de tan loable objeto?[1]

El entusiasmo de los periodistas se percibe claramente en la peroración con que cierran su discurso:

Grande debe ser, benéficas gaditanas, grande debe ser vuestra esperanza de ver extendida vuestra laudable resolución; pues no es posible que en ninguna parte del globo, adonde llegue la noticia de vuestra suscripción, se muestre indiferente y apático vuestro sexo.

¡Generosas inglesas, nobles sicilianas, leales americanas, fieles españolas de la Península! el valor español se ve en muchas partes paralizado por falta de recursos; de vuestra beneficencia puede depender mucho la salvación de la España y de la Europa; si penetradas de las necesidades que sufren los defensores españoles, os resolvéis (como no se duda) a socorrerlos por medio de esta suscripción, a su tiempo conoceréis que las incomodidades y sacrificios que esto os ocasione se convierten en dulzura y placer, del cual os resultará también la satisfacción de poder decir algún día cada una de vosotras: Yo también concurrí a la libertad de España y a la ruina del opresor de la Europa.[2]

---

[1] *El Conciso*, nº 4, de 4 de enero de 1812, sin paginar [pp. 7–8].

[2] *Ibídem*.

Así que no es extraño, como he señalado en otro lugar[1], que estos periodistas, especialmente los liberales que escribían en *El Conciso* y en el *Semanario Patriótico*, procuren dar publicidad a los discursos y escritos de estas valientes que, con su pluma y con su actuación se ponen al servicio de la patria. Entre estos, me interesa destacar uno muy especialmente, se trata del que publicó la secretaria de esta Sociedad, María Loreto Figueroa de Montalvo, que envía un "Aviso que quisiéramos sirviese también de *indirecta* a algunas señoras",[2] en que da cuenta de las acciones de sus correspondientes en la Habana, al tiempo que alaba las actuaciones de algunas socias particulares e invita a otras a colaborar en la extensión de esta labor. Desde luego, esta convocatoria debió surtir efecto, pues el *Conciso* se hace eco de la constitución en Petersburgo de una:

sociedad de damas patrióticas, imitación de la *junta patriótica de señoras* formada en Cádiz con tanto patriotismo, celo y utilidad, y que por desgracia no han imitado nuestras provincias si exceptuamos a las Señoras habaneras, que inmediatamente formaron con las de Cádiz una alianza tan *francmasónica* y útil a favor de los defensores de la patria. En Petersburgo es la emperatriz madre la *francmasona mayor* de la *sociedad*: 12 damas cuidan el establecimiento: se recibe en él cuanto se dé; ropas, efectos, dineros, etc: el objeto es socorrer a los infelices que más han sufrido en la guerra.[3]

Lo más curioso es cómo el periodista describe la organización de estas sociedades femeninas, empleando positivamente los términos alusivos a la francmasonería, muy posiblemente en el sentido amplio de confraternidad o sociedad de individuos. Desgraciadamente, hasta la fecha me ha resultado

---

[1] Marieta Cantos Casenave, "Las mujeres en la prensa entre la Ilustración y el Romanticismo", *op. cit*.

[2] *El Conciso* de 16 de noviembre de 1812, pp. 3–4.

[3] *El Conciso*, nº 10, de 10 de abril de 1813, p. 7.

infructuosa cualquier pesquisa para ampliar los datos sobre estas mujeres y así cierro mis palabras con una llamada de auxilio para aquellos investigadores que puedan estar interesados en sacar a la luz la labor de estas sociedades femeninas, aunque todo parece indicar que bien pudiera tratarse de María Feodorovna, es decir, Sofía Dorotea de Württemberg (1759–1828), segunda esposa del zar Pablo I.

En fin, sería necesario averiguar también si, como ocurrió en España y en otros lugares de Europa, la labor de estas mujeres continuó tras la guerra y de qué modo pudo reconducirse en tiempos de paz[1].

Козловская В. И.

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ДРЕВНЕЙШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИСПАНИИ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ[2]

Тот, кто держит в своих руках ключи от Гибралтара, тот владеет выходом в Атлантику. Неудивительно, что за это право с местными этнополитическими образованиями еще в глубокой древности состязались

[1] Como observan Bárbara Caine y Glenda Sluga, las asociaciones de mujeres, creadas bajo los auspicios de las casas reales y de los principados en los estados antifranceses de habla alemana, terminaron por sucumbir al influjo de la iglesia protestante, y transformadas en sociedades filantrópicas, contribuyeron a fomentar la participación patriótica femenina en la vida cívica de las comunidades locales, en pro del bien de la sociedad alemana. Cf., *Género e Historia. Mujeres en el cambio sociocultural europeo, de 1780 a 1920*, p. 95.

[2] Доклад, а также статья, которая будет представлена к печати по итогам выступления, подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№№ проектов 07-01-00232а и 08-01-00080а).

народы Восточного Средиземноморья – финикийцы и греки, известные мореходы-предприниматели и «культуртрегеры». Традиционно считается, что первые использовали активную и динамичную колонизационную модель освоения юга Пиренейского полуострова, в то время как вторые отдавали предпочтение торгово-эмпориальной деятельности, базировавшейся на стратегии мира и партнерства.

Однако, каким бы путем ни шли те и другие, в пределах Пиренейского полуострова им приходилось вступать в регулярные торгово-экономические, социально-политические и культурные взаимоотношения с местными этносами – как в специально создаваемых поселениях, так и в морских и речных портах и эмпориях, на водных и сухопутных торговых дорогах и даже в святилищах при осуществлении таких сокровенных для каждого народа и индивида таинств, как поклонение богам и отправление религиозных культов.

В результате длительного и разнообразного взаимодействия древних этносов Испании с финикийцами, греками этрусками и кельтами на Пиренейском полуострове на протяжении I тысячелетия до н. э. сформировалась яркая и оригинальная цивилизация, ставшая одной из достойных наследниц Рима, его культуры и языка.

Одним из символов этой цивилизации, несомненно, является большой архитектурный комплекс Канчо Роано[1] (современная провинция Бадахос). Он располагался в одном из пунктов регулярных встреч различных народов Восточного и Западного Средиземноморья, являясь своего рода узловым перекрестком, где с конца VIII в. до н. э.

---

[1] Первооткрыватель археологического комплекса – Ф. Хименес Авила. Его информацию предварительного характера см.: [7. P. 141–160; 8. P. 193 sqq.]. В отечественной литературе о нем см.: [1. С. 86–109].

функционировало крупное святилище. На его характеристике и роли мы и остановимся.

Это сложный и многослойный памятник, насчитывающий три самостоятельных периода своей жизнедеятельности. Древнейший храм (VIII–VII вв. до н.э.) представлял собой очень небольшое помещение типа cella с алтарем посередине. Алтарь имел конусовидное углубление, служившее для поддержания сосуда, в который во время совершения жрецами религиозного обряда стекала священная жидкость [6. P. 28–31, 43].

В конце VII – начале VI вв. до н. э. на его месте возводится более солидное сооружение. Вход был ориентирован на восток, т. е. обращен к первым лучам восходящего солнца. Через двустворчатые двери можно было подняться по ступеням в вестибюль со статуей воина в полный рост и в полном вооружении (Кто это: правитель – жрец и воин в одном лице? Божество – хранитель святилища, инкарнировавшее в правителя?). Чтобы попасть в «святая святых», нужно было пройти еще через одни двери. В этом большом помещении площадью более 70 квадратных метров располагался алтарь с основанием-цоколем, сооруженным в виде растянутой бычьей шкуры [5. P. 107].

Бычья шкура считалась символом царской власти и могущества как в изобразительном искусстве Восточного Средиземноморья (Крит, Кипр, западносемитские города), так и Южной Испании. В пределах Пиренейского полуострова открыватель этого алтаря, С. Селестино, находит ему аналогию в древнепортугальском святилище Невес-2 [6; 9. P. 223–242] и допускает, что служитель соответствующего культа был одновременно носителем высокого светского статуса [6; P. 307]. Он мог быть царем-жрецом, rex-augur, а его святилище можно квалифицировать в таком случае как прорицалище [1. С. 61 слл.].

В V–IV вв. до н. э. на месте алтаря был воздвигнут пилон из сырцового кирпича, по своей форме напоминающий мастабу [3. P. 18 sqq.]. Собственно святилище было перемещено на крышу первоначального здания и уменьшено в размерах [11. P. 332 sqq.]. Эта скромная конструкция напоминает распространенный в Финикии тип сдвоенного по своим функциям комплекса hnm – *а)* царского дворца и *б)* одновременно храма [10. P. 99 sqq.]. В нем при отправлении культа участвовали не только царь и члены его семьи, но и сами боги.

В VII столетии, финикийцы Тира, колонизовав южное побережье Пиренейского полуострова, стали продвигаться в его более северные регионы, стремясь приблизиться *а)* к местам добычи столь желанных для них металлов, как золото, серебро, олово, либо *б)* к дорогам, по которым туземцы транспортировали свое сырье [4. P. 305–316]. Особенно активными оказались западные финикийцы, выходцы из Карфагена.

С конца VII в. торговую конкуренции древним семитам составили греки – выходцы из Малой Азии (Самос, Фокея), Италии, Сицилии и Массалии (современный Марсель). Следы их пребывания в Канчо Роано значительны – это разнообразная керамика (прежде всего, тарная и культовая), вотивы, серебряная посуда религиозного назначения и т. д.

Кельты к этому времени тоже так прочно обосновались в Эстремадуре, что в одном только Канчо Роано найдено более тридцати их погребальных стел с выгравированными на их фасаде воинами, вооружение которых, детально прорисованное, свидетельствует даже об их статусных различиях.

Следовательно, святилище Канчо Роано было открыто туземцами не только для финикийцев, но и для других выходцев Восточного Средиземноморья – греков, с одной стороны, и для давно осевших в северной части Пиренейского полуострова западных европейцев – кельтов, с другой.

Если принять во внимание, что в одной только Эстремадуре к настоящему времени известно более десяти монументальных комплексов типа Канчо Роано, то можно уверенно говорить о прочности контактов местных этносов и иноземцев Запада и Востока, живших с ними бок о бок и обогащавших их историю и культуру. Итак, несмотря на географическую окраинность туземного мира Пиренейского полуострова, он рано стал центром притяжения для разных народов, стремившихся к прямым контактам с ними. По мере укрепления взаимоотношений и выработки механизма их осуществления открывалась дорога к все более разнообразной интеграции. Она проявила себя даже в такой сокровенной сфере, как религия. Мы увидели, что двери храма, сооруженного туземцами, были открыты также и для разных (по своему происхождению и верованиям) иноземцев, как Запада, так и Востока. Такое могло быть результатом не просто длительного процесса их взаимодействия в материальной сфере, но и изначального, эзотерического совпадения их представлений об Универсуме, о богах и их сверхвозможностях. Так же, как современный человек с благоговением посещает чужие храмы, стремясь преклонить колена, например, перед православной Богородицей или католической Девой Марией, так и древние средиземноморцы, оказавшись на чужбине*, а)* либо сооружали собственные храмы в своих колониях, *б)* либо возводили совместные с туземцами святилища на территории их поселений, *в)* либо посещали их святые места и поклонялись их божествам.

Канчо Роано служит двойным примером: первоначально финикийцы и другие иноземцы посещали его святилище, а впоследствии приняли участие в его реконструкции. Считается, что ее руководителем (и соинвестором?) был финикиец, работавший по заказу местного правителя, желавшего иметь загородную резиденцию и одновременно святилище, при котором, к тому же, была сооружена большая торговая лавка-склад для

организации оптовой торговли и / или дистрибуции. Такое совмещение являлось нормой для восточных семитов, и эта норма оказалась привлекательной для тех древних испанцев, которые долгое время и по обоюдному интересу делили с финикийцами единое пространство в пределах Пиренейского полуострова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козловская В. И.* Канчо Роано в свете современной археологии: крепость-святилище или резиденция правителя? // Вестник древней истории. – М., 2004. – № 4. – С. 86–109.

2. *Козловская В. И.* Религия тартессиев в свете современной археологии // Inter-cultur@-net. Международный электронный научно-практический журнал. – Владимир, 2006. – Вып. 5. – С. 61 слл.

3. *Almagro Gorbea M.* ¿Harenes en Tartessos? En torno a la interpretación de Cancho Roano // De Oriente a Occidente. Bibliotheca Salmanticensis. – Salamanca, 1999. – № 205. – P. 18 sqq.

4. *Alvárez Rojas A., Gil Montes J.* Aproximación al estudio de las vías de comunicación en el primer milenio a. C. en Extremadura // Trabajos de Prehistoria. – Madrid, 1988. – № 45. – P. 305–316.

5. *Celestino S.* Los altares en forma “de lingote chipriota” de los santuarios de Cancho Roano // Revista de Estudios Ibéricos. – Madrid, 1994. – № 1. – P. 107.

6. *Celestino S.* Los santuarios de Cancho Roano. Del Indigenismo al Orientalismo Arquitectónico // D. Ruiz Mata y S. Celestino (eds.). Arquitectura oriental y orientalizante en la Península Ibérica. – Madrid, 2001. – P. 28–31, 43.

7. *Jiménez Avila F.L.* Cancho Roano y los complejos post-orientalizantes del Guadiana // Complutum. – Madrid, 1997. – № 8. – P. 141–160.

8. *Jiménez Avila F.L.* La toréutica orientalizante en la Península Ibérica // Bibliotheca Archaeologica Hispana. – Madrid, 2002. – 16. – P. 193 sqq.

9. *Maia M.G.P.* Dois larnakes da Idade do Ferro do Sul de Portugal // Veleia. –Vitoria, 1987. № 2–3. P. 223–242.

10. *Olmo G.* El continuum cultural cananeo: pervivencias cananeas en el mundo fenicio-punico. – Sabadell, 1996. – P. 99 sqq.

11. *Torres Ortiz M.* Tartessos // Bibliotheca Archaeologica Hispana. – Madrid, 2006. – 14. – P. 332 sqq.

Kondrátieva A.,
Iturrarán J.,
Sánchez Megido L.,
Rusia–España

LA HAZAÑA MORAL Y CULTURAL DE LA EMIGRACIÓN ESPAÑOLA EN RUSIA

(en memoria de aquellos españoles que contribuyeron a la creación y al desarrollo de la filología y cultura españolas en Rusia)

Quisiéramos proponerles volver a los años 1936–1939, cuando la atención de todo el mundo estuvo centrada en los acontecimientos trágicos que tuvieron lugar en la España Republicana. El resultado de la derrota de la República en la Guerra Civil fue el éxodo de más de un millón de españoles. Muchos de ellos se quedaron en Francia, un gran número emigró a América Latina, principalmente a Méjico, Chile y Argentina. Es bien conocida la influencia y la profunda huella que han dejado los españoles republicanos en la cultura, enseñanza y vida social de estos países, sobre todo de Méjico. Era de

esperar, porque allí se concentró la flor y nata de la intelectualidad repúblicana española.

Pero también hubo un número considerable de españoles que llegaron a la Unión Soviética. Entre ellos maestros (María Rodríguez Iriondo, Luz Megido, Libertad Fernández, Josefina López Ganivet, Concepción Bello, José María Meseguer, José Bravo, Agustín Vilella y muchos otros), profesores (Alejandra Soler, María Luisa González y otros), abogados (José Laín Entralgo, Vicente Sánchez Esteban, Vicente Talón y otros), arquitectos (Luis Lacasa), escritores (César Arconada), pintores y escultores (Alberto Sánchez), periodistas (Arnaldo Azati, Eusebio Cimorra) y muchos otros que quedan por nombrar. Todos ellos contribuyeron enormemente a la divulgación de la cultura española en Rusia.

Ante todo nuestro recuerdo y nuestras palabras de gratitud son para las educadoras y maestras, que llegaron en el 1937 con los niños españoles refugiados en la URSS durante la Guerra Civil. Estos niños fueron enviados por el gobierno republicano y con el consentimiento de sus padres, pero las educadoras y maestras fueron voluntarias, no quisieron abandonar a los niños; todas ellas mujeres, porque los hombres quedaron en los frentes. Gracias a su trabajo abnegado y ejemplar los niños españoles conservaron su lengua materna, el amor a su Patria, a su cultura y tradiciones. Quisiéramos recordarlas otra vez más con inmenso cariño.

En 1939 después de la caída de la República llegan los exiliados. Como hemos dicho más arriba entre ellos –gran número de intelectuales, la mayor parte de los cuales se incorporan inmediatamente a la enseñanza en las casas de niños. Sus amplios conocimientos y experiencia, su alta moral y ejemplar conducta significaron un gran aporte a la educación y formación de los niños. De los llamados hasta hoy *niños de la guerra* se formaron magníficos profesores de español, hispanistas, intérpretes y traductores, redactores, locutores, arquitectos, historiadores, cineastas y hasta directores de escena. Y siempre sus

actividades profesionales estaban relacionadas tanto con el idioma español como con la cultura española en general.

Todos los acontecimientos históricos, primero la República, después la Guerra Civil y como consecuencia la llegada de los niños españoles suscitaron un gran interés hacia España y especialmente hacia el idioma español en Rusia. Se abren nuevas cátedras de castellano en los centros universitarios, redacciones en las editoriales, en las agencias de prensa, en la radio. Se traducen muchísimas obras literarias del ruso al castellano y viceversa, se publican periódicos, libros, revistas en español. Por fin el español llegó a ocupar su merecido lugar entre las lenguas europeas que enseñaban en la URSS. Para todo eso se necesitaban muchos, muchísimos especialistas. Fue entonces cuando los intelectuales españoles dieron su mayor aporte. Una vez disueltas las casa de niños, ellos empezaron a trabajar en todas las ramas de la cultura relacionadas con su idioma. A ese *ejército* de hispanistas también se unieron los traductores e intérpretes (en total fueron 204) que trabajaron durante la Guerra Civil Española, algunos de ellos de origen argentino (Adelina Kondrátieva, Paulina Mamsúrova, Clara Rosen y otros). Las dos primeras fueron destacadas profesoras de español.

Primeramente quisiéramos detenernos en los centros universitarios. Inmediatamente después de la Segunda Guerra Mundial (que en la URSS recibió el nombre de la Gran Guerra Patria) empezaron a funcionar en Moscú cátedras de español en el Instituto Militar de Idiomas Extranjeros, después en el Instituto de Idiomas Extranjeros, más tarde en el de Relaciones Internacionales, en el Pedagógico y también en otras ciudades: Leningrado, Kiev, Irkutsk, Piatigorsk, etc. Con el esfuerzo de los ex-maestros, profesores, filólogos españoles conjuntamente con los especialistas rusos fueron sentadas las bases de la enseñanza del español, creada la metodología, ya que en Rusia casi no existía la tradición de la enseñanza del español, a diferencia sobre todo del francés y alemán. Se escribieron manuales, se editaron diccionarios y gran número de materiales didácticos. No debemos olvidar a los destacados hispanistas rusos

Olga Vasilieva-Shvede y Gueorgui Stepanov, ambos de Leningrado, que escribieron la primera gramática teórica del español en colaboración con los españoles. Más el foco principal, digamos el centro didáctico, *el alma mater* fue el Instituto de Idiomas Extranjeros, hoy día la Universidad Estatal Lingüística de Moscú. Se ha creado una gran cátedra de traducción, donde han trabajado excelentes profesores como: José Bravo, Justo Nogueira, Luz Megido, Concepción Bello, María Lecea, Josefina Iturrarán y otros. En el Instituto de Relaciones Internacionales trabajó otro grupo de brillantes profesores: Agustín Vilella, María Rodríguez Iriondo, Pilar Pillares y otros. En la Universidad Estatal de Moscu Lomonósov fue María Luisa González, la alumna predilecta de Don Miguel de Unamuno, quien mantuvo vivo el espíritu del castellano. Esposa del destacado bibliotacario republicano Juan Vicens, que montó las Bibliotecas Populares y llevó los libros a trincheras republicanas. Ambos grandes amigos de Federico García Lorca, Rafael Alberti, Luis Buñuel. En la Academia Diplomática se llevaba la palma Alejandra Soler, graduada en la Facultad de Filisofía y Letras de la Universidad de Valencia. Mujer de extraordiaria cultura que encabezó la cátedra de lenguas romances en dicha Academia. No debemos olvidar a los ilustres profesores como fueron Arrom y Vidal, autores del primer manual de Comercio Exterior en castellano. Gracias a la formidable labor de todos estos grandes maestros se formaron los futuros profesores de español, traductores, filólogos, historiadores, diplomáticos e hispanistas.

En las editoriales han trabajado como traductores y redactores otro grupo de intelectuales de altísimo nivel como: José Laín Entralgo (hermano del ilustrísimo ex-director de la Real Academia Española Don Pedro Laín Entralgo) que tradujo las obras de Shólojov, Dostoyevski y Alexei Tolstoy; Vicente Pertegás, gran traductor, relacionado con el mundo del cine. En la revista "Literatura Soviética" colaboraron los hispanistas rusos veteranos Fiodor Ivánovich Kelin, Irina Tiniánova y los intelectuales españoles: César Arconada,

Vicete Sánchez Esteban, José Santacreu. Su colaboración contribuyó al enriquecimiento mutuo de culturas y experiencias rusas y españolas.

En la editorial "Progreso" ha trabajado un gran equipo de traductores tales como: José Vento, Vicente Sánchez Esteban, Federico Pita, Venancio Uribes, Josefina López Ganivet y otros. Esta última, sobrina del famoso escritor y diplomático español Ángel Ganivet, supo transmitir la finura y la elegancia de la pluma de su tío en sus traducciones y trabajos literarios. En la redacción española de "Radio de Moscú" brillaron las plumas periodísticas de Eusebio Cimorra y Arnaldo Azati (hijo del conocido periodista valenciano Azati – colaborador y amigo del famoso escritor español Vicente Blasco Ibáñez). En la Agencia Informativa TASS trabajó otro destacado periodista– Vicente Talón.

En lo que se refiere a la literatura y arte sería necesario la figura de nuestro escritor en la emigración– César Arconada que realizó la puesta en escena de *La Gitanilla* de Don Miguel de Cervantes en el Teatro Gitano de Moscú. La obra tuvo un gran éxito y permaneció durante varias décadas en el repertorio del teatro. Ya que hablamos de teatro no podemos olvidar a Alberto Sánchez, escultor y pintor, uno de los pioneros en el género del arte moderno. Realizó las decoraciones para las obras de Federico García Lorca (*Bodas de sangre*, *La zapatera prodigiosa*, *La casa de Bernarda Alba*) y para *La Gitanilla* de Cervantes, también hizo los bocetos para la famosa película *Don Quijote*. Entre los españoles ilustres que residieron y trabajaron en Rusia deberíamos recordar al arquitecto Luis Lacasa, autor de uno de los edificios universitarios de Madrid, así como de otras composiciones arquitectónicas madrileñas, al *viejo* Virgilio Llanos, gran aficionado al teatro español.

Todos han sido personajes extraordinarios que han divulgado la cultura española en Rusia y no solamente en Rusia, ya que desde Moscú el hispanismo irradiaba a otros países cercanos: China (María Luisa González, Kety Rodríguez, María Lecea y otros), Rumania (Palmira Arnáiz, José Antonio

Uribes, Mendezona, Juan Vicens), Checoeslovaquia (Alejandro Kuper, José Vento, Venancio Uribes).

No podemos dejar de subrayar el gran papel que desempeñó y sigue desempeñando el Centro Cultural Español. Primero patronizado por los Sindicatos Rusos y ahora por el Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales y la Embajada de España en Moscú, durante muchos años de exilio ha desarrollado una actividad cultural muy intensa. En su marco se organizaron círculos dramáticos, de baile, coros. Se ponían en escena las mejores obras del teatro español, se cantaban canciones y se bailaban bailes de todas las regiones españolas. La coreógrafa del *Bolshoi Teatr* (Teatro Grande) Violeta González, otra *niña de la guerra*, puso todo su empeño para que sus discípulos ya españoles o rusos aprendieran los genuinos movimientos de la danza española. El centro organizaba veladas, charlas, exposiciónes, encuentros con personalidades destacadas, proyecciones de películas y siempre a todas estas actividades fueron invitados los estudiantes de español o todos aquellos que se interesaban por nuestra cultura. En aquel antonces no era fácil viajar al extranjero y es en el Centro Español de Moscú donde los rusos podían relacionarse, compenetrarse con los españoles, respirar un poco de aire español, era como un trocito de la tierra española en la capital rusa. Y esa tradición se mantiene hasta el día de hoy y sigue desarrollando, así que a las actividades que lleva el Centro Español se les ha añadido el programa inmenso de actividades culturales y educativas (cursos de español, exposiciónes, encuentros con personalidades destacadas, proyecciones de cine, etc.) que ha realizado el Instituto Cervantes de Moscu abierto en 2002 bajo el patrocinio del Rey de España.

No podemos mencionar todo y a todos, fueron muchísimos aquellos españoles y cada uno de ellos aportó su grano de arena a la hermosa labor de la divulgación de la cultura española en este país. No debemos olvidar que

frecuentemente las condiciones economicas fueron dificilísimas y muchas veces hasta trágicas.

Los exiliados españoles en Rusia han realizado a lo largo de más de medio siglo una gran y abnegada labor que constituye una auténtica y patriótica hazaña tanto moral como cultural.

Малай В. В.

Белгородский государственный университет

Белгород, Россия

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936–1939 гг. И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

Локальность масштабов боевых испанских операций 1936–1939 гг. не помешала ряду аналитиков разглядеть очертания будущих военных сражений с их новыми формами и закономерностями. Уже 4 августа 1936 г. премьер-министр Франции И. Дельбос замечал: «Испания превратится в место поединка военной техники великих держав»[1]. Но выводы участников и наблюдателей Гражданской войны в Испании оказались неоднозначными.

В сентябре 1936 г. обозреватель «Нью-Йорк Трибьюн» Уолтер Липманн подчеркивал, что испанская война развеяла возникшую было иллюзию, что европейская война будет аналогична абиссинской. Он справедливо считал, что будущее вторжение агрессора в Центральную или Восточную Европу во многом напомнит начало продвижения генерала Франко в Южной Испании[2].

---

[1] DDF (1932–1939). – 2-e sér. – T.III. – P., 1966. – P.111.

[2] New York Tribune. 1936. 19 Sept.

Многие европейские военные круги вплоть до начала Второй мировой войны продолжали оставаться под влиянием концепции позиционной войны и усиливать именно оборонительную сторону стратегии. Основной ударной силой в ее осуществлении считалась артиллерия. Эта точка зрения оказывала существенное влияние на прогноз характера будущей войны. Так, в апреле 1937 г. советский полпред в Германии Я. Суриц в письме М. Литвинову даже трактовал как немецкую следующую точку зрения: «Испанский опыт якобы показал, что при современных средствах войны оборонительная сторона имеет преимущества перед наступающей. Это обстоятельство побуждает якобы рейхсвер пересмотреть все свои концепции»[1]. Несколькими месяцами позже (июль 1937 г.) чешский посланник в Берлине Мастны в беседе с новым советским послом К. К. Юреневым подчеркивал, что опыт Мадрида продемонстрировал, что «атака с воздуха не является решающей. Отсюда он делал вывод, что в случае войны с Германией, германский воздушный флот не сможет одним ударом выбить Чехословакию из строя»[2].

Боевая школа Испании заставила усомниться в правильности стратегии «авиация сметает все препятствия, пехота занимает очищенные территории» (итальянский генерал Дэу). По мнению военного корреспондента «Нью-Йорк Ивнинг Джорнал» Книккербокера, авиация способна парализовать ход военных действий. Он прозорливо подчеркивал роль бомбардировщиков в современной военной тактике, и то, что в надвигающейся войне роль авиации будет столь же значима, как и в испанской[3].

---

[1] АВП РФ. Ф.082.Оп.20.П.86. Д.4.Л.56.

[2] Там же. Л.105

[3] New York Evening Journal. 1936. 17, 21 Oct.

На повестку дня обеих сторон вставала задача четкой комбинации наступательных и оборонительных действий, также возрастала роль зенитной артиллерии. Война в Испании зримо продемонстрировала эффект и результативность стремительной и хорошо технически вооруженной атаки.

Испанский опыт диктовал необходимость новейших технических средств ведения войны и важность их численного превосходства и сосредоточения для массированных или внезапных ударов. Неожиданность основывалась на стратегическом, техническом и тактическом факторах.

Став лабораторией военно-технических (в первую очередь, германских) программ, Испания первой в Европе ощутила последствия пикирующих и ковровых бомбардировок. Люфтваффе получили неоценимый опыт, в том числе, дневных и ночных операций. Существенные коррективы были внесены в тактику бомбометания. Очень полезным для Люфтваффе во второй мировой войне оказался опыт воздушных асов (их в Испании было порядка 15 человек) [6. P.102].

Франкистский мятеж на начальном этапе позволил впервые опробовать тактику воздушного моста (Марокко – континентальная Испания). Целесообразной оказалась тактика тесного сочетания действий авиаразведки и войсковых подразделений, легшая впоследствии в основу тратегии блицкрига.

По мнению министра обороны Великобритании Л. Хор-Белиша, испанская война диктовала необходимость тесной тактической связи действий пехоты с авиационной поддержкой и создания коммуникаций между всеми родами войск. Но его точка зрения не нашла поддержки в штабе Королевских ВВС, чье руководство ошибочно полагало, что испанский опыт не несет в себе серьезных уроков для Британии [2. P. 322].

Не случайно, Муссолини в беседе с Риббентропом (ноябрь 1937) обратил внимание на то, что «англичане не любят наземной войны и ненавидят казармы. По этой причине мы должны усилить методы сухопутной войны против них» [3. P.145].

За 2,5 месяца до начала Второй мировой войны Министерство обороны Великобритании в своем меморандуме охарактеризовало действия СССР и Германии на испанском фронте (воздушная разведка и бомбежка при тесной поддержке наземных войск) оскорбительными для военной тактики [1. С.381].

Наиболее существенным выводом, сделанным Британией из опыта Испанской войны можно считать решение о необходимости готовиться к большой войне. В конце 1937 г. британский парламент утвердил закон о противовоздушной обороне страны, а в марте 1937 г. – новый план вооружений. Впервые за столетие, в 1938 г. британские бюджетные расходы на сухопутную армию превысили бюджет морского министерства[1]. Но в полной мере этот план реализован не был.

Масштабы Испанской войны не позволили французской военной мысли распространить ее опыт и закономерности на большую войну. Геополитическая ситуация и перспектива быть окруженной в «фашистское кольцо» усиливали оборонительные настроения Франции. Военные действия в 1936–1939 гг. в Испании не заставили Францию переоборудовать укрепления для отражения превентивного удара врага. В ноябре 1936 г. советская дипломатия делилась с французским МИДом впечатлениями от поездки военных атташе вдоль франко-германской границы: по восточному участку линии Мажино Франция защищена минимально и создает преимущества эвентуальному германскому

[1] АВП РФ. Ф.69. Оп.25. П.81.Д.11. Л.3-6; Оп.28. П.98. Д.24. Л.32.

наступлению. Но адекватных мероприятий в этом плане предпринято не было[1].

Опыт войны в Абиссинии уже внес коррективы в итальянскую военную доктрину: она отстаивала идею маневренной войны, расширяла программу подготовки военных кадров, увеличивала выпуск оправдавших себя ручных гранат, штурмовых мортир, станковых пулеметов, танков и противотанковых орудий[2]. Правоту такого смещения акцентов подтвердило участие Италии в испанской авантюре.

Но в целом, уроки Испанской войны изучались итальянцами поверхностно. Генералитет убедил дуче, что границы страны неприступны для танков. Успехи итальянских летчиков рассматривались как индивидуальный героизм. В итоге программы военной подготовки летного состава не концентрировались на методах группового воздушного боя. Бывший замминистра авиации генерал Валле в 1970 г. на вопрос о том, какие уроки итальянские ВВС извлекли в Испании, ответил: «Никаких» [4. P. 410; 7. P. 93].

Полноценной перестройки военно-стратегической базы и всей организации военного управления Италия к началу Второй мировой войны не произвела. Доказательством явилась военная тактика итальянского генерала Бергонзоли, фактически повторившего печальный опыт Гуадалахары в Ливии (1942 г.) [4. P. 410; 5. P.36–37; 7.P. 95]. Главный вывод, вынесенный немецкими военными из Испании: изменившийся характер современной войны. Испанская война катализировала разработку Германией военной стратегии будущей войны. Гитлеровский генерал

---

[1] Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л. 174.

[2] Там же. Ф.098. Оп.20. П.26. Д.7. Л.90–91.

Рейхенау признавал (1938), что в Испании немецкие военные научились многому и исправили некоторые ошибки своей военной стратегии[1].

Германский генералитет сделал ставку на подвижные действия за счет новых боевых средств – самолетов и танков и на усовершенствование их боевых характеристик. Сочетание тактики маневренного боя и внезапных воздушных атак позволили немецкому командованию в полной мере оценить преимущества каждого из вариантов и прийти к выводу о целесообразности их сочетания в зависимости от конкретных условий. Битва под Гуадалахарой (1937) продемонстрировала, в свою очередь, как не следует проводить моторизированные атаки. Кроме того, из этой битвы, внесшей много сумятицы в головы военных экспертов, немецкими специалистами был сделан вывод (неадекватно оцененный итальянской стороной) о значимости и силе моторизированной пехоты.

К удовлетворению Гитлера, война в Испании возродила тактику стационарной осады (Sitzkrieg). Роль авиации в гитлеровском блицкриге была достаточно отработана в испанском небе. Генерал Тома развил эту тактику во Второй мировой войне, будучи главным советником генерала Гудериана.

Таким образом, наиболее адекватно в военно-стратегическом плане на Испанскую войну отреагировала Германия. Создание многочисленных подвижных соединений и их использование для оперативных прорывов во взаимодействии с соответственно оснащенными и обученными воздушными соединениями было понято и практически осуществлено лишь немцами. Подтвердив значимость блицкрига, война в Испании не сняла со счетов необходимость современной организации обороны и контрнаступления. Военная верхушка Италии в целом проигнорировала ее уроки, удовлетворившись самим фактом победы в ней Франко. Англия

---

[1] DBFP. 3rd ser. Vol.1. Doc. 507. Note 2. P.581

сделала из испанских событий больше политические, чем военные выводы. Французские военные не смогли и не захотели адаптировать свою военную доктрину к новым реалиям.

Европейские страны заплатят разную цену за «испанский эксперимент». Речь идет не только о материальных и политических затратах. Неоднозначность военных выводов, сделанных в Испании, повлечет и неоднозначные итоги первого периода Второй мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дейтон Л.* Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. – М., 2000.

2. *Bond B.* British Military Policy between the Two World Wars. – Oxford., 1980.

3. *Ciano G.* Diplomatic Papers. 1936–1942. – L., 1948.

4. *Coverdale J* . Italian Intervention in the Spanish Civil War. – Princeton, 1975.

5. *Miksche F.O.* Blitzkrieg. – L., 1941.

6. *Whealy R.H.* Hitler and Spain. The Nazy Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. – Lexington, 1989.

7. *Wittam J.* The Italian General Staff and the Coming of the Second World War / General Staffs and Diplomacy before the Second World War / Ed. by A. Preston. – L., 1978.

Медников И. Ю.
Институт всеобщей истории
Российской Академии наук
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Среди европейских нейтралов Испания была одной из самых крупных по площади и численности населения страной. Разумеется, она не располагалась в непосредственной близости от фронтов, как Нидерланды, Дания и Швейцария, и ее положение скорее напоминало положение Исландии, Норвегии и Швеции. Не испытывая на себе опасности быть втянутой в войну, Испания сохраняла нейтралитет на протяжении всего конфликта и являлась важным посредником между Антантой и Тройственным Союзом. Кроме того, формально она могла торговать с обоими воюющими лагерями, а также служить идеальным местом сбора информации о противнике, что и превратило Мадрид в один из центров международного шпионажа. Очевидно и то, что война не прошла для Испании бесследно. Эта южно-европейская страна наслаждалась миром, пока за Пиренеями шла одна из самых кровавых и жестоких войн в истории человечества, но в 1917 г. в самой Испании мир будет нарушен социальными беспорядками, в которых прольется испанская кровь.

Очерченный круг проблем лишь в самых общих чертах передает значение испанского нейтралитета, как в контексте общеевропейских событий, так и в области внутреннего развития страны. Тем не менее, исследованию истории Испании в годы Первой мировой войны и ее

нейтралитета в этом конфликте уделялось незначительное внимание[1]. Испанский историк М. Эспадас Бургос недавно отметил, что «воздействие Первой мировой войны на Испанию остается до сих пор одной из глав в истории нашего столетия, которая нуждается в исследовании, и вследствие этого, – одной из глав, которая накопила больше всего штампов и фальсификаций» [15. P. 97.][2]. То же самое можно сказать и об испанском нейтралитете в целом. При этом нейтралитет следует рассматривать как комплексное явление, которое затрагивает не только внешнюю политику государства, но и проявляется в экономической, социальной и культурной сферах, а само провозглашение неучастия в конфликте обусловлено определенными причинами и приводит к последствиям, которые также важны для понимания и анализа нейтралитета.

В начале XX в. Испания не являлась официальным нейтральным государством, как например, Бельгия, чей нейтралитет был гарантирован

---

[1] Так, в обобщающем четырехтомном труде по истории нейтралитета, подготовленном в 1930 г. исследовательским советом по общественным наукам Колумбийского университета, Испания практически не упоминается, хотя весь третий том этого издания полностью посвящен европейским нейтралам в Первой мировой войне [20].

[2] М. Эспадас Бургос прав в том, что в настоящее время не существует комплексного исследования испанского нейтралитета, хотя есть ряд работ, в которых затрагиваются отдельные проблемы испанской истории в годы Первой мировой войны [1; 2; 3; 11; 14; 16; 17; 18; 19; 21; 22; 23]. В России впервые исключительно испанскому нейтралитету были посвящены написанные С. П. Пожарской отдельные части главы о нейтральных странах, опубликованной в первой книге четырехтомного издания «Мировые войны XX века» [9. С. 472–498]. Также см.: [4].

«Великими державами». После испано-кубино-американской войны 1898 г. молодой испанский король Альфонсо XIII пытался восстановить былое могущество Испании с помощью колониальной экспансии в Марокко. Возраставшая напряженность между государствами-членами складывавшихся военно-политических блоков с одной стороны предоставляла Испании исключительную возможность маневрирования между интересами противников в разрешении своих колониальных устремлений, а с другой – нередко препятствовала выработке стабильного внешнеполитического курса страны, что зачастую негативным образом сказывалось на результатах дипломатической деятельности. Обе тенденции наглядно проявились в ходе двух Марокканских кризисов, в заключении так называемых «Картахенских соглашений» 1907 г. и в испано-французских переговорах 1913 г. Именно во время этих переговоров, несмотря на явное желание Испании вступить в Антанту, была достигнута секретная договоренность о том, что Испания в случае начала европейской войны должна провозгласить нейтралитет, благожелательный к странам «Сердечного Согласия»[1].

Итак, уже в 1913 г. положение Испании в надвигавшемся конфликте было четко определено: ей следовало занять позицию благожелательного нейтралитета по отношению к странам Антанты. Основной причиной этого нейтралитета были экономические связи Испании со странами Тройственного Согласия, выражавшиеся в зависимости испанской экономики, прежде всего, от французского и английского капитала. Поэтому, несмотря на активные попытки Альфонсо XIII играть самостоятельную роль на европейской международной арене, Мадриду пришлось принять внешнеполитический курс, навязанный ему Лондоном и Парижем. Испания была не готова к войне, испанское участие в ней не

[1] Подробнее см.: [8].

отвечало ни интересам Тройственного Согласия, ни интересам Тройственного Союза, поэтому в случае начала европейской войны Испания должна была объявить нейтралитет, причем благожелательный к странам Антанты.

Тем не менее, в отечественной историографии одно время бытовало представление о том, что Испания в годы войны занимала прогерманскую позицию [3. С. 409; 1. С. 57–58]. Новые исследования испанской дипломатии и неиспользовавшиеся ранее дипломатические документы из Архива внешней политики Российской империи[1] и испанских архивов позволяют иначе оценить внешнюю политику Мадрида. Хотя в принятой консервативным испанским правительством Э. Дато и опубликованной в *"La Gaceta"* 7 августа декларации были отражены принципы строгого нейтралитета без уточнения симпатий к какой-либо воюющей стороне[2], доминантой внешней политики Испании в годы войны оставались «дружественные» и «сердечные» отношения с Францией и Великобританией. Окруженная со всех сторон Союзниками, Испания не могла не только вступить в войну на стороне Германии, но и проводить прогерманский внешнеполитический курс, даже если бы испанское правительство и король приняли такое решение. Двигаться можно было только в сторону Антанты. Эта тенденция усиливалась к окончанию войны, когда Испания фактически превратилась в «нейтрального союзника» «Сердечного Согласия». Об этом свидетельствуют факты (дипломатические демарши, торговые операции, «Кортинское соглашение», антигерманские ноты и т. д.), а не скрытые или явные

---

[1] Источниковедческий обзор российских дипломатических документов по истории испанского нейтралитета и внешней политике Испании в годы войны см.: [6; 7].

[2] Текст декларации о нейтралитете см.: [12. P. 318–319].

политические симпатии или антипатии короля, премьеров и министров иностранных дел того времени. Благожелательный к Антанте нейтралитет сказался и на послевоенном международном положении Испании: в 1919 г. она стала одним из четырех непостоянных членов Совета Лиги Наций.

Росту престижа Испании на международной арене способствовала и другая особенность испанского нейтралитета – обширная гуманитарная кампания, проводившаяся в военные годы под патронажем Альфонсо XIII. Всего усилиями короля были отменены более сорока смертных приговоров военнопленным. Гораздо сложнее подсчитать то количество военнопленных, которые вернулись на родину после успешного завершения переговоров по обмену, проходивших при участии испанских дипломатов. И уж совсем не поддаются подсчету те тысячи людей, которые, оказавшись во вражеской стране, получали финансовую помощь из испанских посольств и те, кто узнавал что-либо о своих пропавших без вести родственниках из справочных бюро, организованных испанцами. После Февральской революции в России Альфонсо XIII даже пытался – хоть и безрезультатно – спасти членов императорской фамилии [10. С. 152–165]. Помимо гуманитарной миссии, испанский монарх и правительство активно стремились к мирному посредничеству, однако мечты о проведении мирной конференции в Мадриде так и остались мечтами.

Неучастие в Первой мировой войне сказалось на общественной, экономической и культурной жизни Испании. Споры германофилов и антантофилов в военное время во многом определяли суть внутриполитической жизни страны [13; 18]. В годы войны родилось «поколение 1914 г.», отстаивавшее идеи демократизации и реформирования испанского общества и государства. Благодаря политике нейтралитета в Испании наблюдался значительный рост промышленного производства, интенсивный товарообмен и накопление капитала.

Обратной стороной медали были растущая инфляция и кризисное состояние внутреннего рынка страны, чреватые социальными потрясениями. Летом 1917 г. Бурбонская монархия столкнулась с социально-экономическим и политическим кризисом, – пожалуй, одним из наиболее важных и серьезных за всю историю режима Реставрации[1].

Взрыв социального недовольства в 1917 г. отражал социально-экономические изменения, вызревавшие в недрах испанского общества, и отчетливо продемонстрировал неспособность политической системы, созданной главным автором Конституции 1876 г. А. Кановасом дель Кастильо, к внутренней эволюции. Олигархическо-монархический режим, опиравшийся на последовательное чередование у власти либеральной и консервативной партий, оказался не в состоянии проводить гибкую социальную политику и осуществить реформы в интересах широких слоев населения Испании. В конце концов, это предопределило как будущую гибель режима Реставрации, который в сентябре 1923 г. сменила военная диктатура генерала М. Примо де Риверы, так и последующее свержение монархии после провозглашения Республики в апреле 1931 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гарсиа Х.* Испания XX века. – М., 1967.

2. *Испания.* 1808–1917: Исторический очерк. – М., 1957.

3. *Майский И. М.* Испания. 1918–1972: Исторический очерк. – М., 1975.

4. *Медников И. Ю.* Испания в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – М., 2007. – № 4. – С. 51–66.

[1] Подробнее о кризисе см.: [16. P. 124–133; 23. P. 41–58; 5. С. 245–269].

5. *Медников И. Ю.* Кризис 1917 года в Испании // Испанский альманах. – Вып. 1. Власть, общество и личность в истории / Отв. ред. С. П. Пожарская. – М., 2008. – С. 245–269.

6. *Медников И. Ю.* Материалы Архива внешней политики Российской империи по истории испанского нейтралитета (1914–1918 гг.): Состав, форма и содержание документов // Источниковедческие исследования. – М., 2006. – Вып. 3. – С. 131–171.

7. *Медников И. Ю.* Между двух огней: Внешняя политика Испании в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 2006. – М., 2007. – С. 24–39.

8. *Медников И. Ю.* Россия и Испания накануне августа 1914 года // Россия и Европа: Дипломатия и культура. – М., 2007. – Вып. 4. – С. 40–66.

9. *Мировые войны XX века.* – Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк. – М., 2002.

10. *Олано-Эренья А*. Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. – М., 1993. – № 5. – С. 152–165.

11. *Carden R. M.* German Policy toward Neutral Spain. 1914–1918. – N-Y.; L., 1987.

12. *Díaz Plaja F.* La historia de España en sus documentaciones. Nueva serie: El siglo XX. – Madrid, 1960.

13. *Días Plaja F.* Francófilos y germanófilos. – Madrid, 1981.

14. *Espadas Burgos M.* España y la guerra // La Gran Guerra. Años de sangre, ruinas y miseria. Temas de Hoy. – No 5. – Historia 16. – Madrid, 1997. – P. 97–116.

15. *Espadas Burgos M.* España y la Primera Guerra Mundial (Capítulo segundo) // Tusell J., Avilés J., Pardo R. (Eds.) / La política exterior de España en el siglo XX. – Madrid, 2000.

16. *Lacomba J. A.* Ensayos sobre el siglo XX español. – Madrid, 1972.

17. *Madariaga S. de.* Spain: A Modern History. 6-th print. – N-Y.; Washington, 1972.

18. *Meaker G. H.* A Civil War of Words: The Ideological Impact of the First World War on Spain. 1914–1918 // Neutral Europe between War and Revolution. 1917–1923 / Ed. by H.A. Schmitt. – Charlottesville, 1988. – P. 1–65.

19. *Meaker G. H.* The Revolutionary Left in Spain. 1914–1923. – Stanford, 1974.

20. *Neutrality*: Its History, Economics and Law. – Vol. III: The World War Period / Ed. by E. Turlington. – N-Y., 1976.

21. *Ponce Marrero J.* Canarias y la Gran Guerra, 1914–1918: Estrategia y diplomacia. Un estudio sobre la política exterior de España. – Tenerife, 2006.

22. *Ponce Marrero J.* World War I: Unarmed Neutrality // A Military History of Modern Spain: From the Napoleonic Era to the International War on Terror / Ed. by W.H. Bowen and J.E. Alvarez. – Westport; L., 2007. P. 53–67.

23. *Tuñón de Lara M.* La España del siglo XX. 1914–1939. 2-a ed. – París, 1973.

Петрова Т. П.

Дипломатическая академия МИД России

Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В ИСПАНИИ

Одним из наиболее существенных факторов, связанных с процессом глобализации, является все возрастающий поток мигрантов, в т. ч. нелегальных, который захлестнул страны Европы в последние десятилетия. Не является исключением и Испания, которая в силу своего

географического положения служит как бы «форпостом» для массовых потоков нелегалов из африканских стран.

Для каждой принимающей стороны массовый поток нелегалов порождает большое количество проблем, к которым в большинстве своем страны ЕС оказались не готовы. Речь идет о толерантности (прежде всего национальной, религиозной) как принимающей стороны, так и переселенцев. Как совместить законные права коренного населения, их культурную ауру, экономический базис, обеспечение национальной безопасности, сформировавшиеся в течение веков, с соблюдением прав человека для вновь прибывших? Каким образом принимающее государство может контролировать связанные с этим негативные явления, такие как терроризм, распространение наркотиков, уличные беспорядки, эпидемии?

Евросоюз столкнулся с этими проблемами в конце 80 – начале 90-х гг., когда помимо традиционных потоков мигрантов из африканских стран в Европу хлынули массы переселенцев из стран Восточной Европы. Совместными усилиями стран ЕС были выработаны три основные положения:

– ограничение въезда в страну низкоквалифицированной рабочей силы;

– борьба с нелегальной эмиграцией;

– политика реэмиграции.

Однако эти общие позиции каждая страна ЕС реализует, исходя из своих национальных возможностей и потребностей. Наиболее открытой для потоков трудовой миграции является Германия, испытывающая колоссальную потребность в трудовых ресурсах. Испания, напротив, уже в 2002 г. впервые выступила за ограничение въезда эмигрантов. Ежегодно из страны депортируется около 100 тыс. иностранцев. Особенно ужесточился подход к решению этих проблем после терактов в марте

2004 г. В соответствии с испанским законодательством нелегальные эмигранты не имеют право на забастовку, срок предоставления гражданства для них увеличен с 5 до 10 лет. И работы в этом направлении продолжаются.

Основные потоки, по которым следуют нелегальные эмигранты:

– Северная Африка (Марокко, Алжир и другие африканские страны);

– Латинская Америка (Колумбия, Эквадор, Доминиканская республика);

– Восточная Европа (Румыния, Украина, Польша);

– Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Испания, придерживаясь основополагающих норм международного права, имеет свою нормативно-правовую базу в области миграционной политики, которая основана на Конституции 1978 г., а также специальной правительственной программе по урегулированию миграционных процессов («План Греко»). В соответствии с испанским законодательством ответственность за организацию незаконной миграции несет перевозчик, доставивший лицо на территорию Испании воздушным, морским или наземным транспортом. Именно он обязан незамедлительно возвратить незаконного мигранта в пункт, из которого он был доставлен, либо в государство, выдавшее ему проездной документ, либо в любое государство, в которое ему разрешен въезд. С 2004 г. авиакомпании, выполняющие рейсы в Испанию, обязаны направлять в эту страну списки пассажиров еще до того, как самолет вылетит в место назначения. Эти же компании обязаны следить за тем, чтобы все пассажиры с туристическими визами использовали свой обратный билет. За нарушение этих норм в 2002 г. было депортировано из страны почти 100 тыс. нелегальных мигрантов, среди них 32% составили марокканцы, 25% – румыны, 6% – граждане Эквадора, Боливии, Нигерии, Украины и Польши.

Учитывая специфику Испании как страны, принимающей наибольший поток нелегальных эмигрантов из Африки, Евросоюз оказывает ей некоторую финансовую и техническую поддержку. В частности, в последнее время Испании были предоставлены технические средства для контролирования границ с воздуха и на море. Помимо этого, Евросоюз прилагает усилия для того, чтобы оказать помощь тем африканским странам, через территорию которых идет наибольший поток беженцев. В частности, правительство Марокко получило от Евросоюза 40 млн. евро для укрепления своих границ.

Эта же тема послужила причиной первого за последние 32 года визита короля Испании Хуана Карлоса в испанские анклавы на территории Марокко – Сеуту и Мелилью. После ознакомления с ситуацией в этих анклавах правительство Испании выделило дополнительные средства для возведения заградительной стены вокруг них.

Помимо этого, многие эмигранты используют Испанию в качестве транзита по пути следования в другие европейские государства, в частности в Италию, Францию, Бельгию, Великобританию. Это ставит перед Евросоюзом проблему охраны общих границ и создания единой европейской пограничной полиции. Кроме того, Евросоюз прилагает усилия для разработки общих правовых норм в отношении как выдачи долговременного вида на жительство, так и о предоставлении убежища.

В этом контексте Испания активно сотрудничает с ЕС по следующим направлениям:

– финансирование содержания нелегальных мигрантов;

– реализация совместных согласованных превентивных мер противодействия миграции;

– совместный пограничный контроль;

– обмен информацией, повышение квалификации сотрудников пограничных и миграционных органов.

Помимо правовой базы страны ЕС, в том числе и Испания, пытаются создать эффективные стимулы (в том числе экономические) для возвращения трудовых мигрантов на родину после завершения срока контракта. В частности, активно используется депонирование части заработной платы иностранных рабочих в страну их происхождения.

Большую трудность для стран ЕС представляет приведение в соответствие прав, зафиксированных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Хартии ЕС об основных правах человека. В частности, в соответствии с параграфом 3 ст. 52 Хартии, запрещается коллективная высылка нелегальных мигрантов. Кроме того, ст. 19 этой же Хартии запрещает выдворение, высылку или выдачу любого лица на территорию государства, если имеется серьезная угроза того, что это лицо в случае возвращения будет подвергнуто смертной казни, пыткам и другим наказаниям, унижающим человеческое достоинство. Однако соблюдение этих норм целиком ложится на юридические структуры страны происхождения.

В рамках Шенгенских соглашений страны ЕС обязаны согласовывать свои действия по вопросам миграции на основе общих положений. Однако практически каждая из стран ЕС в каждой конкретной ситуации исходит из своих собственных национальных критериев. В частности, в Германии миграционная служба оставляет за собой право отказа в выдачи разрешения на въезд, хотя в отдельных случаях она руководствуется потребностями, связанными с экономическим положением в стране.

На смену малоквалифицированным мигрантам из африканских государств в начале 90-х гг. в ЕС хлынул большой поток выходцев из стран Варшавского договора. В связи с чем, странами ЕС была принята специальная Программа для высококвалифицированных мигрантов. Особые требования распространяются на студентов, которые закончили

учебу и ищут себе применение на местном рынке труда. В частности, испанским законодательством регламентируются правила, дающие такую возможность людям с высшим образованием.

Помимо экономических проблем массовый приток нелегальных мигрантов провоцирует возникновение напряженных ситуаций для стран-реципиентов в сфере здравоохранения, образования и веротерпимости. Последними вопросами в рамках ЕС занимаются следующие структуры:

– Комиссия Церквей по Делам Мигрантов в Европе;
– Комиссия Конференций Епископов Европейского Сообщества;
– Международная Католическая Миграционная Комиссия;
– Совет Квакеров по Европейским Делам.

Обоснованность этих тревог религиозных и общественных структур подтвердили вспышки насилия, имевшие место в эмигрантских гетто крупных городов Франции. Решения, согласованные в ходе саммита ЕС в Севилье в июне 2002 г., оказались недостаточно эффективными. События последней недели, имевшие место в Италии, вызвали резкую критику со стороны правительства Испании, что является очевидным свидетельством отсутствия единых подходов к решению этой проблемы.

Страны ЕС демонстрируют приверженность трем вариантам решения:

– ассимиляция;
– дифференцированное исключение;
– так называемый «мультикультурализм».

Опыт ЕС по решению целого комплекса проблем, связанных с потоком нелегальной миграции, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, в том числе и для Российской Федерации. В этом смысле представляется чрезвычайно позитивным обсуждение этих

проблем представителями не только научных, но и политических кругов обеих стран.

Sima S. Rénkel
Universidad de la Amistad de
los Pueblos de Rusia
Moscú, Rusia

AGUSTIN DE BETANCOURT: UN GENIO ESPAÑOL AL SERVICIO DE RUSIA

(con motivo del 250 aniversario de su nacimiento)

Uno de los últimos titanes de la Epoca de la Ilustración europea ha entrado en la historia de la cultura mundial como genial arquitecto, ingeniero, inventor, científico y pedagogo. El colaboró en provecho de cuatro potencias europeas – España, Francia, Inglaterra y Rusia. Los ingenieros de España y Rusia lo llaman por su padre espiritual.

La historia de los enlaces culturales de España y Rusia no conoce a otra persona tan notable y brillante. Su genio creador ha dejado a los descendientes una herencia que durará siglos y siglos.

Avgustín Avgustínovich Betankur – así lo llamaban en Rusia – (su nombre completo era Agustín José Pedro del Carmen Domingo de Candelaria de Betancourt y Molina) nació el 1 de febrero de 1758 en Puerto de la Cruz de Tenerife, la más grande de las Islas Canarias que su antepasado Jean de Bethencourt, navegante y aventurero de Normandía, conquistó en 1402, un verdadero paraíso terrenal y murió el 14 de julio de 1824 muy lejos de su patria, en San Petersburgo, y fue enterrado en la tierra fría de Rusia que él llegó a querer y consideraba su segunda patria.

Desde joven Agustín demostró gran interés y posibilidades por la técnica y el arte. A los 20 años Betancourt marchó a Madrid, estudió con brillantez en los Reales Estudios de San Isidro y en la Academia de San Fernando. Con la

confianza del conde Floridablanca se benefició de una beca para estudiar geometría, arquitectura subterránea, física experimental y metalurgia en París en L'Ecole de Ponts et Chaussées. Viajó también a Inglaterra. Al regreso propuso a Floridablanca la creación de una Escuela semejante en España y con dicha finalidad se interesó por la mecánica y la hidráulica. Con otros becarios a sus órdenes, construyeron 270 maquetas de máquinas y confeccionaron 359 planos y 99 memorias, material que constituiría la base de del Real Gabinete de Máquinas de Madrid, creado en 1792. Betancourt fue nombrado por el rey Carlos IV director del dicho Gabinete, concebido como el laboratorio de la futura Gran Escuela de Ingenieros de Caminos y Canales. Diez años más tarde Betancourt fue el primer director de la Escuela y confeccionó el plan de estudios; sus colaboradores fueron José María Lanz, Juan López Pecalver y José Chaix. Por sus méritos en el dibujo fue nombrado Académico de honor de Bellas Artes.

También se dedicó al hilado y tejido de la seda; junto con su hermana María construyó un telar para hacer medias de punto cruzado e inventó la fórmula para blanquear la seda. En 1787 ensayó con éxito la transmisión eléctrica de las palabras entre Madrid y Aranjuez y fue el primero en España que creó el telégrafo óptico para las comunicaciones entre Madrid y Cádiz, por lo cual fue acusado de herejía por la Inquisición.

En 1788 fue a Londres a estudiar la máquina de vapor de Watt, siendo el primero en revelar a Europa el secreto de esta nueva fuente de energía. Al regresar en 1789, desarrolló una máquina de vapor de doble efecto, que pronto entró en servicio en las minas de Almadín. Más tarde construye e inventa una serie de aparatos de distintos usos. Efectuó, en la presencia de la Corte, el lanzamiento del primer globo aerostático en España, fabricado bajo su dirección. Diseñó una dragadora para canales, estudió la extracción del betón de la hulla, la fuerza motriz del agua, etc.

Merece atención la obra escrita de Agustín de Betancourt en aquellos años. Durante su estancia en Francia presentó dos notables memorias, la primera en L'Ecole de Ponts et Chaussées y la segunda en la Royale Academie des Sciences, que se titulaban respectivamente "Memoire sur une machine a vapeur a double effet" y "Memoire sur la force expansive de la vapeur de l'eau". Más tarde apareció el « Essai sur la composition des machines », obra confeccionada con José María Lanz que, sin duda, puede ser considerada el primer tratado de cinemática industrial en la historia de la ingenería. Casi durante medio siglo fue el manual seguido en las más importantes escuelas técnicas de Europa.

En 1801 Betancourt fue nombrado Inspector General de Caminos y Canales y un año y medio después redactó "Una noticia del estado de los caminos y canales en España". Un año más tarde se fundan los Estudios de la Inspección General de Caminos que en 1803 pasan a denominarse Gran Escuela de Caminos y Canales. Betancourt asumió la dirección de la Escuela desde 1802 hasta 1807.

En 1807 marchó a París ante la inminencia de la guerra con Napoleón que, según su opinión, habría de empobrecer a España cortando de raíz el despertar del siglo XVIII. Allí él conoció al diplomático ruso Iván M. Muraviov-Apostol, padre de futuros decembristas, quien lo invitó a Rusia en nombre del emperador Alejandro I. En el noviembre del mismo año Betancourt por primera vez viene a Rusia y después de las conversaciones con el gobierno, en 1808 se traslada con su familia (la esposa Ana y 4 hijos: Carolina, Adelina, Matilde y Alfonso) a San Petersburgo.

En 1808 se incorpora al servicio militar ruso con el grado de general mayor y desde 1809 – el teniente general de ingeniería. Es nombrado miembro del Consejo de Comunicaciones del Imperio Ruso. En 1809 compone un proyecto sobre la creación del Instituto del Cuerpo de ingenieros de vías de comunicación en San Petersburgo y lo realiza, adquiriendo para eso el palacio del príncipe Yusupov en Fontanka, y lo dirige hasta su muerte.

En 1819 Betancourt es nombrado Director General de Comunicaciones del Imperio Ruso y como tal entra en el Gabinete de Ministros. En el transcurso de estos años su actividad científica, pedagógica, de organización y de ingeniería se desarrolla en las más diversas direcciones. Sigue desarrollando y mejorando el Instituto de ingenieros, donde también da clases e invita a los mejores profesores de Europa, inaugura dos escuelas técnicas, crea los planes de enseñanza. Proyecta y construye el primer puente estable sobre el río Neva (que ha sido el único que salió ileso durante la inundación devastadora de 1824), el puente colgante sobre el Vístula en Varsovia y unos puentes en otras ciudades. Para limpiar el puerto de Kronstadt construye una máquina especial que se pone en marcha con la fuerza del vapor, – una de las primeras excavadoras del mundo. Reorganiza la famosa fábrica de armas en Tula, lo mismo hace en la fábrica de cacones de Kazan.

Desde el año 1816 Betancourt preside el Comité de construcciones de Petersburgo y junto con los arquitectos Vasiliy Stasov y Carlo Rossi elabora los planes de las plazas famosas de esta ciudad. En 1817 construye el Picadero de Moscú para las paradas militares, cuyas armazones eran excepcionales para la Europa de aquellos tiempos. Reconstruye una serie de manufacturas caducas, entre ellas, de tejidos. Da la impresión que las iniciativas e invenciones de Betancourt no tienen límites: renueva los equipos de la impresora del papel moneda, crea los primeros bocetos de los nuevos asignados y construye los edificios para la fábrica de asignados que hoy día se conoce como “Goznak”. A continuación emprendería la construcción de la primera embarcación en el mundo con motor de vapor y de la primera carretera que unirá Petersburgo con Moscú. Sin embargo, la creación entrañable de Agustín de Betancourt sigue siendo el Comité de proyección y de trabajos hidráulicos al que entregó muchos años de su vida.

Pero la actividad de Betancourt no se limitaba solo a la capital. El viaja interminablemente por Kazan, Saratov, Astrajan, Tiflis, Sebastopol, Kislovodsk,

Feodosia, Odesa, empeñado en crear la infraesructura para la construcción de carreteras en su segunda patria.

Desde 1817 hasta 1823 Betancourt pasa cada verano en Nizhni Novgorod donde organiza la feria: planea el sitio, construye los edificios, prepara las comunicaciones. Gracias a los esfuerzos de Betancourt y su ayudante I. Efimov fueron salvados dos monumentos ortodoxos – la iglesia de la Navidad y la catedral Spaso-Preobrazhensky – que podrían ser dañados por los trabajos de construcción. Según él mismo, esta feria fue su creación preferida.

El arquitecto Auguste Monferrand es considerado el autor de la majestuosa catedral de San Isaac y de la columna de Alejandro en Petersburgo. Sin embargo, sin menoscabar los méritos del genial arquitecto, valga recordar que su preceptor Betancourt le ayudó a trazar los planos de la gigantesca reconstrucción, se dedicó a los cálculos de los cimientos, a la proyección de los andamios y de los mecanismos de levantamiento. En una de las cartas dirigidas a su pedagogo Monferrand decía: “Todo lo que he asimilado en el arte de la arquitectura lo debo sólo a Su talento y a Su acertada dirección...”

Los coetáneos de Betancourt que trabajaban bajo su mando testimoniaban que ningún tipo de trabajo le era ajeno – ni él de tornero, ni él de carpintero. Para mostrar hasta qué punto llegaba la habilidad de sus manos bastaría mencionar que sólo con una simple hoja de afeitar podía separar un cabello a lo largo.

Agustín de Betancourt era apreciado en Rusia no sólo por su múltiple talento, creatividad y laboriosidad singular. Quienes conocieron al enérgico y alegre español quedaban maravillados con su delicadeza, honradez y afabilidad para con sus colegas y discípulos. El era ajeno a toda autocomplacencia, sentimiento de superioridad y no participaba de intrigas palaciegas.

Betancourt era miembro de muchas academias e instituciones europeas, enre ellas: la Academia de Bellas Artes de Madrid, la Sociedad Económica de España, la Asociación Agrícola de Munich, el Insituto Nacional de Francia, la

Academia de Artes de Paris, etc. España lo condecoró con la Orden de Santiago de Compostela. Por sus méritos ante Rusia fue condecorado con la Orden de Alejandro Nevski, la más alta condecoración rusa de aquellos tiempos, y con la Orden de Vladimir de 2 categoría.

Sin embargo en 1822 Betancourt cayó en desgracia al verse envuelto en un asunto de dudosa legalidad, aunque su culpabilidad no pudo nunca ser aprobada. Contra él cospiraban unos envidiosos del Consejo de comunicaciones; fue calumniado por el conde Arakcheyev, favorito del zar. Alejandro I le destituyó de su puesto del Director general y le puso bajo el mando de su tío, el príncipe Alejandro de Wurtemberg, un hombre "reciente" en la técnica. En febrero de 1824 Betancourt presentó su dimisión y se retiró del servicio. El 14 de julio del mismo año falleció y fue enterrado en el cementerio luterano de Perersburgo. Sus discípulos erigieron sobre su tumba un monumento en forma de la cruz de 7 metros de altura, que fue diseñado por Monferrand y hecho de hierro fundido en Nizhni Nóvgorod, como signo de gratitud de los negociantes de esta cuidad al "español ruso". En 1979 los restos de Augustín de Betancourt fueron trasladados a la Necrópolis "Alexandro-Nevskaya Lavra", donde fueron enterrados M. Lomonósov, A. Suvórov, P. Chaykóvsky, F. Dostoyevsky y muchos otros hijos gloriosos de Rusia.

No se puede decir que hoy día España y Rusia han olvidado a su gran hijo. En el Puerto de la Cruz de Tenerife han colocado su busto, su nombre llevan muchas calles canarias. La Fundación "Pushkin" en Madrid, dirigida por A. Chernosvitov, hace más de 15 años realiza un programa dedicado a Betancourt: han organizado más de 10 exposiciones (tres de ellas – en Rusia), han editado un libro sobre Betancourt; más de 1200 ingenieros de vías de comunicación han visitado la segunda patria de su famoso compatriota. En 1995 el Ministerio de vías de comunicación de Rusia instituyó una medalla con su nombre que fue entregada al rey Juan Carlos I. En 2001 en el Picadero de Moscú tuvo lugar la exposición de sus obras. En 2003 frente a la Universidad de vías de

comunicación de Petersburgo, fundado por Betancourt, instalaron su busto; en el acto estuvo el príncipe Felipe. Esta Universidad continuamente honra la memoria de su fundador: tiene su gabinete memorial, organiza los ciclos de conferencias "betancurianas". Con motivo de 250 aniversario de Betancourt la Universidad organizó varios actos conmemorativos. La empresa "Goznak" creó la medalla con su perfil. Uno de los puentes sobre el Neva y una calle en Nizhni Nóvgorod llevan su nombre.

Y sin embargo hoy día muy pocos conocen el nombre y la obra de Agustín de Betancourt. Este trabajo es un pequeño intento de rendir homenaje a este gran hombre en el año del 250 aniversario de su nacimiento.

Rubén Ruiz Ramas

Universidad Nacional de Educación a Distancia

España

AMENAZAS Y OPORTUNIDADES ANTE LA INDEPENDENCIA DE KOSOVO: UNA COMPARACIÓN ENTRE EL REINO DE ESPAÑA Y LA FEDERACIÓN RUSA

Antes de entrar en la comparación de las consecuencias que el proceso kosovar puede tener para los Estados ruso y español es pertinente advertir dos peculiaridades del proceso de independencia de Kosovo.

En primer lugar, la independencia se produce por medio de una declaración unilateral del Parlamento kosovar seguida del rápido reconocimiento de Estados significativos como son los Estados Unidos (EEUU) y catorce Estados Miembros (EEMM) de la Unión Europea (UE). Un mecanismo que se diferencia, por un lado, de una independencia por medio de un Acuerdo o Tratado entre la entidad territorial que se independiza y el conjunto de las entidades territoriales con las que hasta ese momento compartía soberanía; y por otro lado, de un proceso de autodeterminación en el que, por ejemplo, hubiera

sido necesario un referéndum, y lo que es más importante, acordar quienes toman parte en dicho referéndum.

En este sentido la declaración unilateral de independencia de Kosovo no es en sí un precedente, éste es generado sólo a través del reconocimiento por parte de otros Estados[1] que permiten al nuevo Estado kosovar convertirse en una entidad jurídica sustantiva en el orden y derecho internacionales. Si bien ese reconocimiento no le hace estar acorde con el Derecho internacional[2]. Se debe recordar ejemplos como el de Osetia del Sur donde se celebró un referéndum en 2006, en el que se ha producido una declaración de independencia sin consecuencia alguna, al no haberse efectuado ningún reconocimiento desde la comunidad internacional.

En segundo lugar, Kosovo es un territorio marcado por la conflictiva relación que dos comunidades étnicas distintas, la albanokosovar y la serbia, han experimentado especialmente en los últimos veinte años. Tres momentos marcan

---

[1] A día 4 de marzo de 2008, veinticuatro países habían reconocido el nuevo Estado kosovar, catorce de los EEMM de la Unión Europea: Francia, Reino Unido, Alemania, Letonia, Estonia, Dinamarca, Luxemburgo, Bélgica, Polonia, Austria, Italia, Irlanda, Suecia y Holanda.

[2] La declaración unilateral del parlamento kosovar no respetaría la Carta de Naciones Unidas, el Acta Final de Helsinki y la resolución 1244 del Consejo de Seguridad de Naciones Unidas (S/RES/1244-1999), la cual afirma la soberanía e integridad territorial de la extinta República Federal de Yugoslavia. Si bien existe una interpretación alternativa del derecho internacional contemporáneo basada en una doctrina alternativa que sitúa el principio clásico de respeto a la soberanía territorial de los Estados "desde un enfoque más laxo del derecho internacional, como un cuerpo de normas adaptables a las circunstancias políticas y, en último término, no reducible a la unanimidad del voto en el Consejo de Seguridad de Naciones Unidas" [1].

la historia reciente de Kosovo: 1989, con la supresión de la autonomía a Kosovo e inicio de la represión y apartheid de la población albanokosovar por el régimen de Slobodan Milosević[1]; 1999, con el inicio de la Guerra de Kosovo incluida la ilegal intervención de la OTAN[2], y el posterior establecimiento de un protectorado internacional con el control militar y civil del territorio por las misiones KFOR y UNMIK (Misión de NNUU en Kosovo) respectivamente que establecía una ausencia de facto de la soberanía serbia sobre el territorio; y por último, la reciente declaración unilateral de independencia de 17 de febrero de 2008. No se puede entender el contexto de independencia de Kosovo sin tener presente el pasado conflictivo y bélico de la región, ni la persistencia de un explosivo contexto político.

A pesar de estas particularidades, la Federación Rusa y España se encontraban entre los críticos con la solución independentista al conflicto, y figuraban en la lista *oficiosa* de potenciales afectados[3]. Es necesario apuntar, sin

---

[1] Por ejemplo, en la Resolución 52/139 de 12 de diciembre de 1997 de NNUU se solicita a las autoridades serbias que pongan fin a la represión sufrida por las personas de origen albanés.

[2] Las acciones armadas de la OTAN al no contar con autorización expresa del Consejo de Seguridad, son no acordes con lo previsto en el Capítulo VII de la Carta de NNUU y por tanto fueron ilegales, si bien entonces se argumentó motivos humanitarios para justificar el uso de la fuerza.

[3] El propio presidente serbio, Boris Tadic afirmaba en una entrevista a *El País*: "Para nosotros sería crucial que España defienda dentro de la UE una posición de principios. Ayudaría mucho a Serbia en su ruta hacia Europa. España, Eslovaquia y Rumania no están defendiendo los intereses de Serbia, sino los suyos y su integridad territorial… Rusia también defiende sus intereses". Entrevista de Ramón Lobo a Boris Tadic: El País. 2008. 28 de febrero.

embargo, que una breve exploración de ambos casos confirma que estos distan de manera significativa en tres elementos centrales:

1) La intensidad en el rechazo al proceso en curso.

La posición española ante la independencia kosovar ha permanecido constante pero moderada en todo momento, antes y después del 17 de febrero, con el no reconocimiento de Kosovo como Estado. Su postura ha sido argumentada fundamentalmente en base a la no correspondencia del proceso con el Derecho internacional, gozando de la comprensión internacional ante la incapacidad para sostener una posición distinta debido a las aspiraciones independentistas en el Reino de España, principalmente del País Vasco, Cataluña y Galicia. Por el contrario, la Federación Rusa ha combinado, en una postura de rechazo mucho más contundente, los criterios jurídicos con una argumentación política en apoyo a los intereses serbios. Y es que la Federación Rusa añade a la *amenaza* que plantea el precedente kosovar a la integridad y soberanía propias, la recuperación de una energía pretérita a la hora de hacer valer sus intereses en la arena internacional

2) *Amenazas* del precedente kosovar para la integridad de los Estados ruso y español y el mantenimiento de su soberanía territorial en los términos actuales.

En el caso español, aunque han habido quienes advirtieron posibles consecuencias del precedente kosovar, el propio Vladimir Putin o el Ministro de Defensa ruso Serguei Ivanov[1], no parece probable que a corto o medio plazo estas puedan tener cabida, en primer lugar, debido a la distancia entre los casos, y en segundo lugar, por el debilitamiento del apoyo a posiciones

[1] Putin aludió a España al defender la unidad territorial de Kosovo en una reunión con su homólogo portugués, Aníbal Cavaco Silva en diciembre de 2007; mientras, Serguei Ivanov, en la cumbre del Consejo OTAN–Rusia estimó que las tensiones territoriales de algunos países aliados, como España, se verían incrementadas tras la independencia de Kosovo: El País. 2008. 10 de febrero.

independentistas, o soberanistas, por parte de las poblaciones vasca, catalana y gallega. Y es que a pesar de que en ocasiones se ha buscado instrumentalizar el caso kosovar[1], la distancia entre los casos se advierte en la ausencia en el caso español de un conflicto de orden étnico, de una fractura socioeconómica como la que ha caracterizado la relación de Kosovo con los Estados yugoslavo y serbio, y lo que es más importante, de un enfrentamiento bélico, con desplazamientos forzados de población, refugiados, y establecimiento de enclaves diferenciados étnicamente que puedan ser utilizados para justificar el incumplimiento del derecho debido al imperio de necesidades políticas.

Por otra parte, siendo las opciones independentistas y/o soberanistas perfectamente legítimas y legales no disfrutan de un marco legal apropiado para llevar a cabo procesos de autodeterminación recogidos por la Carta de NNUU[2]. No obstante, el apoyo hacia estas opciones ha descendido como muestra la victoria del PSOE en el País Vasco y Cataluña en las recientes elecciones del 9 de marzo junto con el castigo a las opciones más comprometidas con el independentismo. En el País Vasco, en unas elecciones marcadas por el asesinato del exconcejal socialista Isaías Carrasco por parte de la banda

---

[1] La portavoz del gobierno vasco, Miren Azkarate, compareció en domingo, el día siguiente a la declaración de independencia para valorar lo que "supone una lección sobre el modo de resolver de manera pacífica y democrática conflictos de identidad y pertenencia". Sorprende el olvido de Azkarate de la guerra por la que pasó Kosovo, entre otros episodios de conflicto que de ninguna manera pueden ser descritos como pacíficos. La declaración institucional esta accesible:
http://www.lehendakari.euskadi.net/r574075/es/contenidos/noticia/declar_20080217_kosovo/es_prensa/gabinete_prensa.html.

[2] Si bien en la Carta se reservaba, no sin cierta ambigüedad, tal derecho a los llamados "pueblos coloniales".

terrorista ETA dos días antes de las elecciones, destaca el descenso sufrido por el PNV en su primera cita electoral tras la propuesta del Lehendakari Ibarretxe (Presidente del Gobierno Vasco) de realizar un referéndum para establecer su proyecto soberanista[1]. A su vez la principal formación representante de la izquierda abertzale, Acción Nacionalista Vasca (ANV), debido al mantenimiento de su rechazo a condenar los atentados de ETA tras el fin de la tregua, fue inhabilitada para tomar parte en las elecciones, pasando a solicitar la abstención. Mientras, en Cataluña concluía la legislatura en la que se negoció y aprobó el nuevo Estatuto de Autonomía, y nuevamente la opción más comprometida con la independencia, Esquerra Republicana, la cual demanda un referéndum en el que se plantee la independencia de Cataluña en 2014, ha descendido de ocho a tres diputados en el Congreso de los Diputados.

En cuanto a Rusia, quedan ya muy lejos los tiempos en que la integridad de Rusia estaba seriamente cuestionada. Putin al llegar al cargo de Primer Ministro en 1999 estableció como su primera y principal misión el fin de la amenaza chechena y otros esfuerzos separatistas que ponían en serio peligro "la existencia futura del Estado y pueblo ruso" [2. P. 56]. Hoy, el sometimiento de Chechenia a la autoridad de Moscú parece haberse consolidado, si bien por medios expeditivos, por lo que es improbable la materialización de esa amenaza.

3) *Oportunidades* del precedente kosovar en la defensa de intereses propios en el marco internacional para el Reino de España y la Federación Rusa.

---

[1] El PNV perdió casi ciento veinte mil votos y un escaño, no consiguiendo ser la lista más votada en ninguna de las provincias vascas (segunda en Vizcaya y Guipúzcoa, tras el PSE–PSOE y tercera tras el PSE–PSOE y el PP en Álava), ni en sus capitales (tercera tras PSE–PSOE y PP en Vitoria y San Sebastián y segunda tras PSE–PSOE en Bilbao). Obtuvo trescientos tres mil doscientos cuarenta y seis votos (el veintisiete con catorce por ciento en el País Vasco), que se tradujeron en seis escaños.

En este sentido, el único escenario en el que el Reino de España podría tomar el precedente kosovar como ejemplo favorable sería en el apoyo a la causa saharaui en su objetivo de llevar a cabo un proceso de autodeterminación en el Sahara Occidental. Sin embargo, ni los casos guardan mucha similitud (Kosovo no ha experimentado un proceso de autodeterminación), ni el compromiso español por la defensa de los intereses saharauis frente a los del Reino de Marruecos pasa por su momento más boyante.

De manera muy distinta, para la Federación Rusa se ha abierto la *oportunidad* de apoyar a territorios autónomos como Abjazia y Osetia del Sur en su reclamación de independencia de Georgia posibilitando la reedición en el Caúcaso del ejemplo kosovar.

A priori, se podría haber pensado que el precedente kosovar puede traer tanto amenazas como oportunidades a los intereses de Rusia en el Caúcaso, las primeras provenientes del independentismo checheno, y las segundas de las ya mencionadas regiones autónomas pertenecientes a la hoy proatlantista Georgia. Pero una vez las primeras parecen neutralizadas, el precedente kosovar se convierte más en oportunidad que en amenaza para los intereses rusos en el Caúcaso, muy deteriorados a sus ojos por la expansión de la influencia norteamericana y de la OTAN. No en vano, existen no pocos elementos comunes entre sendos escenarios. En primer lugar la naturaleza étnica del conflicto, y en segundo lugar, la similitud entre la pérdida de soberanía *de facto* de Serbia sobre territorio kosovar a la experimentada en Abjazia, Osetia del Sur, por Georgia; o en Nagorno Karabaj por Azerbaiyán.

Abjazia y Osetia del Sur ofrecen ya el primer ejemplo para comprobar el alcance del "efecto Kosovo". Sergey Lavrov, Ministro de Exteriores Ruso, reconocía el mismo 18 de febrero que "la declaración de soberanía de Kosovo y su reconocimiento indudablemente será tenido en cuenta en las relaciones con Abjazia y Osetia del Sur". Hay que añadir que, si bien el primer paso sería el de reconocer la soberanía e independencia de estas dos regiones, el segundo, muy

probable en el caso de Osetia del Sur a juicio de las manifestaciones de sus representantes, sería la integración en la Federación Rusa. Por el momento, Abjazia, Osetia del Sur[1] y Transnistria (perteneciente hoy a Moldavia) han solicitado nuevamente su reconocimiento al Parlamento Ruso, la OSCE y NNUU.

Por su parte, Moscú ha mencionado en varias ocasiones que el reconocimiento de Abjazia, Osetia del Sur, Transnistria y Nagorno-Karabaj no está descartado. El 13 de marzo la Duma Estatal, la Cámara Baja del Parlamento Ruso, propuso oficialmente al presidente y al gobierno considerar el reconocimiento de Abjazia y Osetia del Sur[2]. Movimiento acompañado por la voluntad del Presidente de Osetia del Sur, Eduard Kokoity, de buscar su independencia a través del Tribunal Constitucional Ruso[3], lo que sin duda se puede interpretar como un primer paso hacia la integración en la Federación Rusa. De consumarse esa posibilidad se adivina una primera fase de aumento de tensión entre Georgia y la Federación Rusa, sin embargo, Georgia, a largo plazo, difícilmente podría sobrepasar conducir la cuestión en el terreno diplomático,

---

[1] «El "precedente kosovar" confirma que la solución de los conflictos regionales se basa no sólo en el principio de integridad territorial de los Estados», argumentaba el mensaje que el parlamento de Osetia del Sur dirigió al secretario general de la ONU, Ban Ki Moon, al presidente de Rusia, Vladímir Putin, a la Duma, a los jefes de Estado de los países de la Comunidad de Estados Independientes (CEI) y a la Unión Europea: El País. 2008. 5 de marzo.

[2] Además entre otras propuestas que hacen los parlamentarios "destacan la creación de zonas de libre comercio en la frontera con esas regiones y la apertura de filiales del Banco de Ahorros (Sberbank) ruso en territorio de Abjazia y Osetia del Sur": El País. 2008. 28 de marzo.

[3] A Day after Kosovo declared unilateral independence from Serbia // RIA Novosti. 2008. 18 de febrero.

siendo previsible un final de hechos consumados favorables a los intereses rusos.

En contraste, para Abjazia, según su presidente Serguei Bagapsh, la alternativa está entre ser un Estado neutral y desmilitarizado con garantías internacionales, incluidas las de los países de la OTAN, o su transformación en un bastión militar de Rusia, sin garantías de reconocimiento. "No queremos que Moscú nos reconozca a pesar de EEUU para vengarse por el reconocimiento de Kosovo. Queremos la independencia porque es nuestro derecho. La hemos merecido. Fuimos un Estado independiente. Si logramos el reconocimiento, seremos un país desmilitarizado y, con las garantías de las grandes potencias, aquí no habrá armas ni unidades militares"[1].

En cuanto a los hechos, por el momento Rusia, a pesar de las quejas georgianas, ha levantado las sanciones económicas, comerciales y financieras impuestas a Abjazia en 1996 por la CEI[2]. También el ritmo de la distribución de pasaportes rusos entre los habitantes de Osetia del Sur y Abjazia iniciada por

---

[1] Entrevista a Serguei Bagapsh por Pilar Bonet: Si Kosovo puede ser independiente, Abjazia también // El País. 2008. 7 de mayo.

[2] Serguei Lavrov argumentó que "debido al cambio de las circunstancias, la Federación Rusa no se siente obligada a cumplir los acuerdos" respecto al embargo de Abjazia de los Jefes de Estado de la CEI del 19 de enero de 1996: RIA Novosti. 2008. 6 de marzo. La presidente del Parlamento georgiano, Nino Burdzhanadze de "inadmisible e indignante" la decisión rusa de levantar las sanciones económicas impuestas contra Abjazia en 1996. "No caben dudas de que es una provocación", afirmó Burdzhanadze, quien espera que EEUU y las naciones de la UE reaccionen con "declaraciones adecuadas" a la noticia: RIA Novosti. 2008. 7 de marzo. No obstante, como contrapartida, Rusia ha levantado las restricciones a los georgianos impuestas en septiembre de 2006: RIA Novosti. 2008. 18 de abril.

Putin en 2000 ha sido incrementado. En tercer lugar, Rusia, reconocerá diversos documentos emitidos por estos territorios, entre ellos el certificado de registro de entidades jurídicas. La orden de Putin ha sido valorada por los medios rusos como un avance hacia el inicio del reconocimiento de Abjazia y Osetia del Sur e incluso su integración en la Federación Rusia. Para Tbilisi, sin embargo, se trata de un paso hacia la "anexión" y un intento de crear dificultades suplementarias al ingreso de Georgia en la OTAN[1]. Por último, el acuerdo militar que todo parece indicar van a firmar Abjazia y la Federación Rusa – según el Embajador Valeri Kenyaikin necesario para defender los intereses de los ciudadanos rusos en la región[2]– abre la posibilidad a la intervención de tropas rusas en caso de conflicto.

En los dos últimos meses la relación entre Abjazia y Georgia se ha tensado de peligrosamente con el derribo de cuatro aviones espía no pilotados georgianos por parte de Abjazia y el refuerzo de tropas rusas y georgianas en las regiones fronterizas. Tblisi ha reunido en la base militar de Senaki, a sólo unos kilómetros de la frontera, a 5500 efectivos; mientras la Federación Rusa ha alcanzado con el reciente envío de 1500 efectivos su límite de 3000.

En conclusión, existen datos razonables para aventurar que el Caúcaso puede convertirse en la primera región donde se consume una secuela del llamado precedente kosovar, y contra el pronóstico inicial, todo hace presagiar que de producirse tal acontecimiento, los intereses de la Federación Rusa en el Caúcaso se verían fortalecidos. Por el momento, el fracaso de internacionalización del conflicto por parte de Georgia y la demora de su entrada en la OTAN, muestra parte del rédito que la diplomacia rusa esta extrayendo del contexto.

---

[1] *Bonet P.* Putin ordena colaborar con las autoridades de hecho de las provincias separatistas Abjazia y Osetia del Sur // El País. 2008. 18 de abril.

[2] RIA Novosti. 2008. 28 de abril.

BIBLIOGRAFÍA

1. *Ferrero R.* Diez cuestiones sobre la independencia de Kosovo // MEMORANDO OPEX Nº73/2008, Fundación Alternativas. – URL: www.falternativas.org

2. *Mangott G.* Russia – The Emergente of a (mis-) Manager Democracy // *Heinteregger G. y Heinrich H.* Russia Continuity and change. – N.Y.: Springer Wien, 2004.

Сагомонян А. А

Московский государственный лингвистический университет

Москва, Россия

СССР И ИСПАНСКИЙ ВОПРОС В 1940-е ГОДЫ

В самый начальный период послевоенного противостояния Востока и Запада одним из его аспектов – не первостепенным, но достаточно заметным – являлся испанский вопрос. Этот вопрос был сложным, неоднозначным, не имел аналогов в послевоенной Европе. Испания, с одной стороны, долгие годы была дружественным по отношению к Германии и Италии государством, оказывала им помощь в период военных действий, а сам режим генерала Франко считался фашистским. Но с другой стороны, страна формально сохраняла нейтралитет и ближе к концу второй мировой войны все больше проявляла гибкость в своей внешней политике.

Широкий интерес к испанскому вопросу был обусловлен и тем, что он как бы возрождал тему гражданской войны в Испании, ее итогов. Формальных поводов для вмешательства в испанские дела не было. США

и Великобритания отвергали подобный сценарий, хотя сам франкистский режим осуждали и высказывались за его «мирную модификацию».

Советский Союз был настроен более решительно. Он был бы весьма заинтересован в «восстановлении исторической справедливости» по отношению к побежденным и победителям в испанской гражданской войне. Кроме того, на советском фронте сражалась «добровольческая» испанская «голубая дивизия», т. е. для Москвы франкистская Испания была участницей войны и союзницей Гитлера. Проблема отношения к франкистской Испании и ее политического будущего явилась одним из факторов, разделивших недавних союзников-победителей, вокруг нее, как и в других случаях, разгоралось их открытое и тайное противоборство.

Москве было хорошо известно, что в Испании имели место попытки развернуть партизанскую войну, более того, советское руководители какое-то время ориентировали лидеров КПИ на активизацию действий именно в этом направлении. О том, что И. В.Сталин имел определенные представления о «желательном будущем» для Испании, сообщает в своих мемуарах один из руководителей партизанской борьбы, член ЦК КПИ Энрике Листер (находившийся в эмиграции в СССР). По его словам, идеи Сталина сводились к следующему: «Расстроить планы западных империалистов, желающих сохранить Франко у власти после военного разгрома фашизма»; «сформировать правительство, … которое могло бы говорить от имени испанского народа …»; «и, наконец, это представительство … должно быть поддержано народным движением, основным выражением которого могла быть только – учитывая ситуацию в Испании – партизанская борьба»[7. P. 254–255].

О тех же проблемах шла речь на встрече И.В.Сталина (при участии Г. М. Маленкова и Л. П. Берия) с генеральным секретарем КПИ Долорес Ибаррури в феврале 1945 г., накануне ее отъезда из СССР во Францию. Советские руководители заявили, что СССР готов взять на себя поставки

оружия испанским отрядам, находящимся на юге Франции и в самой Испании. Сталин признал необходимым использовать для решения «испанского вопроса» во-первых, свой международный авторитет, а во-вторых, вооруженные формирования республиканской оппозиции.

В конце 1944 г. было принято решение об отъезде всех испанских коммунистических руководителей из Москвы во Францию. В феврале 1945 г. в Тулузе было образовано новое Политбюро партии. На границе с Испанией, в Пиренеях под руководством Э. Листера было создано пять партизанских баз, откуда группы бойцов, по 10–15 человек, просачивались в Испанию [8. P. 141]. Небольшие партизанские и диверсионные группы рассредоточивались по всей территории страны и были призваны консолидировать все активные антифранкистские элементы. Они проводили мелкие акции, но эти акции исчислялись сотнями. Отчет о партизанской деятельности в этот период был направлен в ЦК ВКП(б)[1].

Советское руководство первым сделало попытку сформулировать и поставить перед лидерами мировых держав испанский вопрос. На Потсдамской конференции И. В. Сталин внес предложение рассмотреть «вопрос о режиме в Испании». Это предложение не было принято.

В заключительный документ конференции была все же внесена следующая формулировка: «… три правительства … не будут поддерживать просьбу о принятии в члены [ООН], заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав Оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства» [3. С. 334]. Для советской стороны это был шаг, хотя и небольшой, в продвижении ее политики на испанском направлении.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 932. Л. 9–28.

Между тем, в западных столицах все больше склонялись к убеждению, что Советский Союз весьма заинтересован в «детонировании» в Испании гражданской войны, которая привела бы к власти коммунистов.

Осенью 1945 г. в Мексике, где было очень много испанских политэмигрантов, создается коалиционное республиканское правительство во главе с Х. Хиралем. В начале 1946 г. оно прибывает в Европу, где во все усложняющейся политической обстановке пытается укрепить свои позиции. Не добившись поддержки ни у США, ни у Великобритании, оно начинает делать радикальные заявления – видимо, решив, что рассчитывать может только на СССР. Вскоре в него был введен представитель КПИ С. Каррильо.

Тем временем испанский вопрос приобретал все больший международный резонанс. В последние месяцы 1945 г., с окончанием второй мировой войны, во многих странах мира, особенно во Франции, стала разворачиваться международная кампания против режима Франко, «последнего реликта фашизма». Историк М. Лильо утверждает, что СССР «активизировал свое участие в испанском вопросе, оказывая давление на французскую дипломатию через министров – членов ФКП, настаивая, чтобы Париж определился в своей политике в отношении Франко» [5. P.331].

3 февраля 1946 г. Дж. Кеннан, поверенный в делах США в Москве, направил госсекретарю послание, в котором анализировал основы «испанской» политики Советского Союза. По его мнению, Москва стремится к созданию в Испании прокоммунистического правительства для поддержки с этого ключевого плацдарма компартий в Италии и во Франции, проникновения в Латинскую Америку и Марокко. (Нельзя не отметить, что позиции СССР автор явно добавляет бескомпромиссности и «размаха»). Тактика СССР, считает американский дипломат, заключается

в мобилизации мирового общественного мнения и воздействии через него на западные правительства. Добиваясь принятия против Франко жестких санкций, Москва рассчитывает, что в условиях дестабилизации и беспорядков в стране компартия сможет взять ситуацию под свой контроль. По мнению Кеннана, интересы России в Испании неизбежно столкнутся с интересами Великобритании и США.

Таким образом, в начале 1946 г. проблема будущего Испании стала приобретать широкое международное звучание. Это был противоречивый переходный период истории, когда отношения между СССР и Западом постепенно входили в стадию обострения. Нельзя забывать и о том, что как раз в январе–марте 1946 г. разразился «иранский кризис» и определилась «тенденция к партнерству США и Англии против СССР и его политики в стратегически важных регионах» [1. С. 42].

На этом фоне в феврале 1946 г. в Испании было объявлено о казни партизанского командира, в недавнем прошлом – героя французского Сопротивления К. Гарсиа и девяти его товарищей, обвиненных в терроризме. Французское правительство, под давлением приобретших огромное влияние левых партий, а также профсоюзов, приняло решение закрыть границу с Испанией и прекратить с ней всякие экономические отношения. Оно предложило также обсудить испанский вопрос в Совете Безопасности ООН.

Однако США, Англия и Франция 4 марта 1946 г. выступили с собственной, трехсторонней, декларацией, осуждающей политику франкизма и подтверждающей их нежелание поддерживать с ним «полномасштабные и сердечные отношения».

9 марта «Правда» опубликовала большую программную статью «К ликвидации фашистского режима в Испании». В АВП РФ содержится

документальное свидетельство того, что ее автором был В. М. Молотов[1]. Принципиально важный тезис статьи в ближайшие месяцы повторялся буквально во всех выступлениях советских политиков и дипломатов по испанскому вопросу: режим Франко «*представляет собой угрозу для всеобщего мира и безопасности*». Это, безусловно, должно было стать главным аргументом для передачи этого вопроса в Совет Безопасности ООН. По мнению автора, «речь должна идти о действенных мероприятиях, направленных к свержению Франко», а не о новых призывах и уговорах. Содержание и уровень данной публикации явно указывали: Москва готовилась начать новый, решающий тур зондирования ситуации вокруг Испании. Причем помимо попыток форсирования международного давления предполагалось действовать и через иные каналы.

Одним из свидетельств последнего является сообщение поверенного в делах США в Испании Ф. Бонсала, которое тот направил госсекретарю 8 марта 1946 г.: «В Париже некоторое время находилась советская военная миссия во главе с полковником Лапшиным. В СССР опасаются, что США и Великобритания добиваются, чтобы внешняя и экономическая политика Испании ориентировалась на них. Советский Союз стремится расстроить планы западных демократий и с этой целью задействовал мощные средства для проникновения в Испанию. Среди этих средств – использование дисциплинированной Французской компартии и испанских эмигрантов во Франции …члены советской военной миссии в Париже имеют постоянные контакты с испанскими эмигрантами …пытаются организовать отправку нелегальных грузов с оружием и

[1] Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 8. Папка 34. Д. 536. Л. 2.

амуницией в Испанию»[1]. Примерно в то же время испанские спецслужбы сообщали, что коммунисты под руководством Э. Листера вблизи границы сосредоточили большие запасы оружия. Они, якобы, получили инструкции из Москвы и заручились поддержкой И. Броз Тито [9. P. 125–126][1].

Таким образом, и широкая международная антифранкистская кампания, поддерживаемая Советским Союзом, и настойчивость в продвижении испанского вопроса в Совет Безопасности, и видимая активизация помощи испанским партизанам складывались в звенья одной цепи. В Москве к этому времени сложился определенный план действий, для полной реализации которого требовался, однако, целый комплекс благоприятных условий. Но даже при отсутствии успешного воздействия на ситуацию в самой Испании, эта страна представляла серьезный интерес как козырь в политическом противоборстве с Западом.

Советский Союз предпринимает решительную попытку заострить испанский вопрос в ООН, уже через своего нового союзника – Польшу. Как раз в начале 1946 г. польский представитель на два года вошел в Совет Безопасности ООН. В начале апреля 1946 г. польское правительство направило письмо на имя генерального секретаря ООН с предложением внести испанский вопрос в повестку дня Совбеза. Не желая ставить себя в двусмысленное положение, США и Великобритания согласились на это.

17 апреля 1946 г. польский представитель О. Ланге выступил в Совете Безопасности с предложением разорвать отношения с режимом генерала Франко как *создающим угрозу международному миру*. Он обосновывал это тем, что Испания имеет большую армию, наращивает свои силы на французской границе и т. п., но главное – что скрывающиеся в Испании нацисты занимаются разработкой «новых видов оружия»

---

[1] FRUS. 1946. Vol. 5. P. 1047–1048.

[1] FRUS. 1946. Vol. V. P. 1047-1048.

(имелась в виду атомная бомба). Представитель СССР А. А. Громыко поддержал и дополнил своего польского коллегу, но сторонников у него оказалось не так уж много. Лагерь их противников возглавил делегат Великобритании. После нелицеприятного обмена мнениями было решено передать испанский вопрос на рассмотрение специального подкомитета из пяти человек [6. P.81–86].

Доклад подкомитета был представлен 31 мая 1946 г. Его выводы носили двойственный характер. Подкомитет не мог рекомендовать Совету Безопасности вмешаться в дела Испании, а предлагал передать вопрос в Генеральную Ассамблею, которой рекомендовалось призвать всех членов ООН к разрыву всяких отношений с Испанией [2. С. 183–184].

В июне доклад обсуждался на заседаниях Совета Безопасности. Обсуждение вылилось в полные драматизма споры и, в конце концов, – непримиримое столкновение между советско-польским и западным «блоками». А. А. Громыко практически в одиночку, используя право вето, отклонил предложенную резолюцию, а также все другие предложения, «грозящие» передачей вопроса в Генеральную Ассамблею, где, как можно было ожидать, многие члены проявят «бдительность» в отношении вмешательства во внутренние дела другого государства. Итоговая резолюция Совета содержала лишь положение о том, что он «оставляет ситуацию в Испании под своим наблюдением».

В декабре 1946 г. испанский вопрос все же был рассмотрен Генеральной Ассамблеей ООН. Он был снят с повестки дня Совбеза после того, как глава испанского республиканского правительства Х. Хираль обратился к В. М. Молотову с соответствующей просьбой [2. С. 183–184]. Видимо, причиной такого шага послужило также обнадеживающее начало пленарных заседаний Ассамблеи: многие члены ООН высказывались в пользу принятия жестких мер против Франко.

Обсуждение вопроса в Генеральной Ассамблее было острым, но уже не имело прежнего накала, противостоящие стороны явно склонялись к компромиссу. В итоге 12 декабря была принята резолюция, в очередной раз осуждающая режим Франко. Она призывала все страны отозвать своих послов из Мадрида (не разрывая с ним формально дипломатических отношений). О каких-либо экономических или военных санкциях против Испании речь не шла. Таким образом, полтора года вовлеченности в испанскую ситуацию показали нереалистичность как англо-американских призывов и деклараций, так и советских расчетов на «детонирование» массовых антифранкистских выступлений в сочетании с кампанией международного давления.

Имеются данные (из личного архива Франко) о том, что в начале 1947 г. Москвой были предприняты попытки совсем иного рода: установить контакты с официальным Мадридом. Состоялось несколько секретных встреч между испанским дипломатом и неким швейцарским подданным, который являлся «доверенным лицом» советской стороны [9. P. 17–30]. Он передал предложение вступить в переговоры для достижения соглашений между Испанией и СССР в экономической и политической областях. Советская сторона проявляла особую заинтересованность в «репатриации русских дезертиров»; взамен испанцам было обещано прекратить нападки советской пропаганды на франкистский режим, прекратить давление на эмиграцию, устранить угрозу внешнего вмешательства в испанские дела и т. п.

Переговоры эти были свернуты довольно быстро, последняя встреча произошла в апреле 1947 г., уже после знаменитой речи Трумэна, излагавшей новую американскую внешнеполитическую доктрину. Действительно, международный климат ужесточался, стремительно завершался раздел Европы. Испании предстояло стать одним из важных стратегических рубежей «сдерживания» коммунистической экспансии. В

Мадрид вскоре была направлена американская военная миссия, а затем и официальный американский представитель для предоставления крупного займа. Советский Союз форсировал выстраивание собственной системы безопасности на ближайших рубежах, оставив испанский нарыв в тылу западной зоны ответственности.

Вскоре советское руководство ставит точку в своей испанской политике. 5 августа 1948 г. в Кремле состоялась встреча лидеров КПИ Д. Ибаррури, С. Каррильо и Ф. Антона с И. В. Сталиным[1], где им было однозначно указано, что партизанское движение необходимо сворачивать и искать новую тактику. Постепенно сошли на нет и все попытки поднять испанский вопрос в ООН: одна из последних безуспешных и откровенно пропагандистских инициатив относится к маю 1949 г., когда польская делегация предложила Генеральной Ассамблее принять резолюцию, фактически направленную против США и Великобритании, которые «содействуют укреплению фашистского режима в Испании». Резолюция 1946 г. по Испании была отменена уже в 1950 г. А в декабре 1955 г. Испания была принята в ООН, причем советский представитель голосовал «за». Конечно, такой поворот стал возможен только после смерти Сталина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Егорова Н.И.* «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. – 1994. – № 3.

2. *ООН. Совет Безопасности*. Офиц. отчеты. 1-й год, 1-я серия. – № 2. – Нью-Йорк, 1946.

3. *Советский Союз* на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Потсдам. – Т. VI. – М., 1984.

4. *Arasa D.* Años 40: los maquis y el PCE. – Barcelona, 1984.

---

[1] См.: Исторический архив. 1997. № 2.

5. *La política exterior de España en el siglo XX* / J. Tusel, J. Aviles, R. Pardo. – Madrid, 2000.

6. *Lleonart A.J., Castiella F. M.* España y ONU (1945–1946). – Madrid, 1978.

7. *Lister E.* Asi destruyó Carrillo el PCE. – Barcelona, 1983.

8. *Pike D.W.* Jours de gloire, jours de honte. Le Parti Communist d'Espagne en France, depui son arrivee en 1939 jusqu'a son depart en 1950. – Paris, 1984.

9. *Suarez Fernández L.* Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1970). – Madrid, 1987.

Суровенков Д. И.

Университет Российской Академии Образования

Москва, Россия

ЗАХВАТ ГОТАМИ АСТУРИКИ В КОНТЕКСТЕ БИОГРАФИИ ИСПАНСКОГО ХРОНИСТА ГИДАЦИЯ

Цель настоящей статьи уточнить некоторые аспекты биографии испанского хрониста Гидация (V в. н. э.), а именно рассмотреть возможность присутствия данного автора в Астурике (совр. Асторга) в момент, когда этот город был захвачен и разграблен готами короля Теодориха весной (или в начале лета) 457 года.

Гидаций Лемикийский – один из крупнейших раннесредневековых испанских авторов, непосредственный предшественник великого Исидора Севильского. Хроника, составленная Гидацием, представляет собой исторический источник, значение которого невозможно переоценить: как совершенно справедливо утверждал Эдвард Томпсон, «если бы у нас не было хроники Гидация, то не было бы и истории Испании V века» [1. С.

122]. Столетие, в которое довелось жить нашему хронисту, было, пожалуй, самым драматическим в истории Европы. Это время гибели Западной Римской империи и появления первых варварских королевств, время крайне мучительного «перерастания» античной цивилизации в средневековую европейскую.

Все мрачные события и трагические перипетии того времени нашли свое отражение в сочинении Гидация: именно грабежи и бедствия, причиняемые вторгнувшимися варварскими народами (вандалами, свевами, готами и гуннами) населению западных провинций Римской Империи, составляют основное содержание его хроники. В ряду подобных сообщений рассказ о захвате испанского города Астурики представляется весьма примечательным.

Прежде всего, данный рассказ – учитывая предельную лаконичность, характерную для хроники Гидация – выделяется своей подробностью, достаточно большим количеством сообщаемых деталей[1]. Хронист указывает, что готы проникли в город благодаря обману: те заявили, что совершают поход против свевов (mentientes ad Suevos … iussam sibi expeditionem) – сразу после этого множество населения было перебито (caeditur multitudo); многие были уведены в плен (abducuntur in captivitatem); были осквернены церкви (sanctae effringuntur ecclesiae), а

[1] Для сравнения: захват Астурики описан Гидацием в трех предложениях, содержащих 80 слов (Hyd. § 186), при том, что захвату Рима готами Алариха в 410 г. (Hyd. § 43) и вандалами Гензериха в 455 г. (Hyd. § 167) в обоих случаях только по одному предложению, содержащему по 20 и 33 слова, соответственно. По степени детализации описание захвата Астурики может сравниться только с рассказом об аналогичном захвате галлецийского города Бракара (Hyd. § 174).

дома, опустошенные грабежом, были преданы огню (residuis et vacuis civitatis domibus datis incendio).

Кроме того, в этом рассказе присутствует указание, которое несколько противоречит нарративным принципам Гидация: здесь автор сообщает, что Астурика *уже прежде* захватывалась врагами, точно так же, как в этом случае, «под видом посланных по римскому приказу» (sub specie Romanae ordinationis), т. е. упоминает о событиях более раннего времени. Однако для нашего хрониста подобная оговорка вовсе не свойственна: Гидаций на всем протяжении своего сочинения придерживается строгой хронологической последовательности и даже неоднократно прерывает рассказ об одних событиях сообщениями о других.

Таким образом, вышеуказанные особенности делают рассказ о захвате Астурики в известной степени уникальным. Как представляется подобную уникальность повествования в пределах хроники Гидация можно объяснить тем, что оно основано на непосредственных, личных впечатлениях самого автора, т. е. Гидаций находился в Астурике в то время, когда город был захвачен и подвергнут грабежу готами. В тексте есть слова, которые можно рассматривать как прямое на то указание: в плен к готам были уведены «два епископа, найденные там» (duo illic episcopi inventi). Представляется вполне вероятным, что одним из этих епископов и был наш автор.

Следует оговориться, что о жизни Гидация мы располагаем весьма скудной информацией, и практически все, что нам известно, основывается на нескольких разрозненных упоминаниях, которые Гидаций включил в свою хронику[1]. В частности, известно, что в 431 г. он возглавлял

[1] Следует констатировать, что это, к сожалению, типичная ситуация: так же мало мы знаем о жизни других хронистов V–VI вв. Проспера

посольство, которое было отправлено жителями Галлеции к дуксу Аэцию с просьбой о военной помощи против свевов (Hyd. § 96, 98), а в 445 г. совместно с епископом Турибием вел расследование по поводу обнаруженных манихеев (Hyd. § 130) [5. P. 575][1].

Церковная деятельность Гидация вызывает особый интерес в свете нашего предположения, поскольку тот вел свое расследование в паре с Турибием – т. е. в этом деле фигурируют *два епископа*, как при захвате города готами. При этом, свое расследование наш автор проводил ни в каком ином месте, как *в Астурике*.

То, что в самом рассказе о разграблении города Гидаций не называет себя по имени как непосредственного участника тех событий, не может служить серьезным возражением против нашего предположения. Известен, по крайней мере, еще один случай, когда Гидаций пишет о событиях, в которых сам участвовал, однако по имени себя не называет: под 433 г. в хронике сообщается о мирном договоре между свевским королем Гермерихом и жителями Галлеции, который был заключен «при посредничестве одного епископа» (sub interventu episcopali) (Hyd. § 100). Из контекста описания событий ясно следует, что этим епископом мог быть только Гидаций: ведь для заключение мира со свевами по императорскому приказу были отправлены комит Цензорий и сам Гидаций

Аквитанского, Виктора Туннунского, Комита Марцеллина, Виктора Авентикского и др.

[1] Наиболее полная реконструкция жизненного пути этого испанского хрониста, насколько нам известно, принадлежит перу Теодора Моммзена: Chronica Minora, MGH (AA), Vol. XI. S. 13–36. Большинство предположений этого исследователя не потеряли своего научного значения и по сей день: [2. P. 23–54; 6. P. 755–756; 1. C. 124–136]; см. также предисловие к новейшему изданию хроники Гидация [4].

(они вместе прибыли из Галлий в Испанию – Hyd. § 98), однако Цензорий, вероятно, еще до заключения мира вернулся ко двору (Hyd. § 100), а, кроме того, он не был епископом.

Помимо этого, можно задаться вопросом, а почему собственно хронист *вообще* называет по именам захваченных в Астурике епископов? При описании подобных событий, когда пострадал тот или иной церковный деятель, Гидаций всегда именует последнего[1]. В данном случае, очевидно, что хронист не мог не знать, кто конкретно был пленен готами: Астурика – один из крупнейших городов Галлеции и один из числа самых упоминаемых на страницах хроники[2].

Итак, на наш взгляд, наиболее логичным объяснением может быть только то, что Гидаций *действительно* находился в Астурике и был захвачен в плен готами, но по каким-то причинам не захотел (или не решился) назвать себя участником этих событий.

Если принять наше предположение, то это позволит не только внести немаловажный штрих в биографию испанского хрониста (что само по себе имеет большое значение), но и по-новому взглянуть на принципы

---

[1] См., например, сообщение о гибели епископа Льва, убитого багаудами в Тиассоне (Hyd. § 141).

[2] В сочинении Гидация среди городов Испании чаще Астурики упоминаются только города Гиспал (совр. Севилья) и Эмерита (совр. Мерида в Португалии).

историописания Гидация[1], его взгляды на историю[2], а также отношение к различным варварским народам[3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Томпсон Э.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. – СПб., 2003.

2. Courtois C. Aurteurs et scribes: remarques sur la chronique d' Hydace // Byzantion. XXI (1951).

3. *Giunta F*. Idazio ed i barbari // Anuario de estudios medievales. – I. – 1964. – P. 491–494.

4. *Hydace*: chronique, Sources chretienes. – Paris, 1974.

5. *Prosopography* of Later Roman Empire. – Cambridge, 1980. – Vol. 2.

6. Torres C. R. Hidacio, el primer cronista espanol // Revista de archivos, bibliotecas, y museos. – LXII (1956). – P. 755 – 756.

---

[1] Возможно, в его хронике еще присутствуют описания событий, в которых сам Гидаций принял участие, но посчитал ненужным сообщать об этом. С другой стороны, можно под новым углом зрения рассмотреть те случаи, когда хронист как раз сообщает о своем участии в событиях.

[2] Как отмечалось выше, описание разорение, которое причинили готы Астурики, весьма схоже с описанием того, как был разорен готским королем Теодорихом город Бракара в ноябре 456 г.; причем это разорение хронист считает «божьем гневом» (coelestis ira) и уподобляет разорению Иерусалима (Hyd. § 174).

[3] Так, исследователями уже отмечалось [1. С. 126; 3. P. 491–494], что Гидаций, к примеру, по отношению готам занимает довольно сдержанную позицию в сравнении, скажем, со свевами, которых хронист остро порицает и постоянно подчеркивает их вероломство (Hyd. §§ 91, 96, 134, 168, 170, 172, 188, 190, 193, 199, 208, 219, 229, 240, 246 etc.).

Суховерхов В. В.
Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
Россия

ЭМПИРИЗМ И СЕНСУАЛИЗМ – МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Философская мысль испанского Просвещения[1], несмотря на первые опыты ее изучения в советско-российской испанистике, позволяет сделать вывод, что она не представляла собой единосущное течение, но сочетание многообразных и разнородных по своей концептуальной направленности идей. В их эклектической взаимосвязи и совокупности одно из центральных мест, наряду с теологией, принадлежит опытному знанию – эмпиризму и сенсуализму, которые, в свою очередь, являли собой эклектическое смешение с картезианским рационализмом. Базировавшееся также на эклектическом идейном сплаве отрицание мыслителями-«новаторами» XVII в. схоластики, требовало в изменившихся условиях XVIII в., особенно в годы правления Карла III, более конструктивного теоретического фундамента, который позволил бы доказать необходимость развития точных и естественных наук. Таковым в первую очередь явилась доктрина «естественной» философии или опытного знания Ф. Бэкона. Ее выразители отрицали не только схоластику, но и априорный рационализм, стремясь объяснить идеи реальностью, а не наоборот – реальность идеями.

В основании этой проявившейся творческой подвижности было признание эмпиризма и сенсуализма, несмотря на то, что не все испанские эрудиты и просветители неукоснительно им следовали. Тем не менее, шло формирование духовно-психологической предрасположенности к такому,

---

[1] Из новых публикаций о нем, с кратким анализом существа философской мысли, см. обзорные работы [7; 4; 1].

эмпирико-сенсуалистскому роду восприятия реальности, разделяемому все бóльшим количеством членов общества. Этот процесс начал активизироваться с конца 20-х гг. XVIII в., после выхода в свет «Вселенского Критического Театра» основоположника испанского Просвещения, выдающегося поборника знания Б. Х Фейхóо-и-Монтенегро (1676–1764)[1], становясь затем все более заметным, пока не обрел в 1771г.

---

[1] Монах-бенедиктинец, профессор университета в Овьедо, его ректор. Идеи Бейля, Бэкона, Декарта, Локка, Ньютона трансформировались в его сочинениях в несистемную просветительскую критику испанского бытия, существенным признаком которой являлась приверженность Фейхóо к идее опыта, практики и отрицания на этой основе одиозных социальных пороков и обветшалых стереотипов. Все это не входило, однако, в противоречие с духовным миром философа, первоочередное значение для которого имела вера. Он заявлял, что выдвигаемые им идеи нельзя представлять в виде оппозиционных католической религии, равно как и полностью согласующимися с существовавшими толкованиями о происхождении и развитии природного мира. Он, «гражданин республики Знаний», «умел объединить живой дух устремленности к обновлению с покоем прошлого», соединяя в себе желание видеть свою страну в потоке передовой хозяйственной и культурно-интеллектуальной жизни Европы и в то же время сильную веру в католические догматы.

О Фейхóо см.: [2; 6]. Свидетельством своеобразия просветительско-проповеднического творчества Фейхóо является его эссе «О пользе знания», где опровергается мнение безумца, который на предложение Дижонской академии отметить наградой лучшее сочинение на тему «Способствует или препятствует развитие науки утверждению добродетельных нравов?», доказывал в диссертации, что для этого более благоприятно невежество, чем наука [10. P. 581–586].

королевское признание. Именно тогда было предписано обязательное изучение научных трудов и открытий Ньютона на математических факультетах университетов, получило распространение представление, что Ньютон являлся в физике тем же, кем и Локк в философии, т. е. поборником сенсуализма и опытного знания.

Испанские мыслители все больше утверждались во мнении, что наука имеет рациональное основание и что человеческий разум способен проникнуть в это основание. Ослабление веры в теологию сменялось усилением веры в разум. Идеи эмпиризма и сенсуализма, найдя понимание и распространение в испанском просвещенном обществе [3. С.56], имели важное практическое приложение. Приоритет, отдаваемый сторонниками сенсуализма опыту, обусловил, что просветители сконцентрировали свое внимание на понятии «польза». Вследствие этого получили развитие науки, называемые в ту пору «полезными»: сельскохозяйственные, экономические, технические и т. д., а также все то, что могло улучшать жизнь в практическом отношении. Именно из этого источника возникают некоторые из наиболее характерных начинаний XVIII в. В первую очередь – это реформирование университетского образования, создание Экономических обществ, пропаганда и внедрение связанных с экономикой знаний, меры по развитию сельскохозяйственного, мануфактурно-ремесленного и горнорудного производств, внутренней и внешней торговли, газетного дела, как средства распространения в обществе новых идей. Мысль о необходимости приносить практическую пользу, пронизывавшая все виды деятельности просветителей, не соотносилась ими единственно с целью преобразовать испанское общество, но глубоко коренилась в исповедуемой ими мировоззренческой концепции. Другими словами, все эти виды деятельности являлись результатом усвоения эмпиризма и сенсуализма, которые осмысливались применительно к личной деятельности и задачам общественного преобразования.

Влияние идей Бэкона и Локка на испанский менталитет было значительно бóльшим, чем это представлялось [14. P. 272–292]. Идеи эмпирико-сенсуального характера появлялись уже в трудах некоторых изгнанных из Испании в Италию философов-иезуитов, но наибольшее влияние идеи Локка оказали на формирование взглядов теолога Антонио Эксимено (1729–1808), воспринявшего локковскую методологию познания, очистив в то же время концепции Локка от положений, которые вызывали возражения Церкви [12. P.101; 13. P. 440; 8. P. 516–518.

Теоретической вершиной испанского Просвещения является Г. М. де Ховельянос. Если Ховельянос – олицетворение Просвещения, то по формальной логике, философская сторона его мировоззрения также должна была испытать сильное воздействие сенсуализма, в обратном случае пришлось бы отказаться от отстаиваемого тезиса о сенсуализме как одном из важнейших аспектов философии испанского Просвещения[1].

Рассмотрение духовной атмосферы в Испании, предшествовавшей влиянию идей Локка, показывает, что она очень изменилась. Этим она обязана духу Просвещения и, в значительной степени, идеям Локка. Они составляли существенный элемент философских и политико-философских доктрин испанского энциклопедизма. Причем предпочтение оказывалось критике его философии. Отрицание «врожденных идей» стала предметом моды. Интерес к практике и реальным фактам вызывал все большую неприязнь к умозрительным спекуляциям и диалектике. Словесные баталии были изгнаны из университетских аудиторий. Влияние новых идей было столь значительным, что после проведенной в 1771 г. реформы

---

[1] О его философских воззрениях см.: [5]. О сенсуализме Ховельяноса, превознесении им опытного знания дает представление его «Речь, прочитанная в Астурийском институте, о необходимости изучения точных и естественных наук» [11]. См. перевод в: [6. С. 211–213].

университетского образования они смогли закрепиться в университетах. Наиболее наглядным тому примером служит Саламанка – знаменитый университет королевства[1]. В нем отказ от религиозно-умозрительной метафизики получил предельную степень выражения, что отразилось в новом названии кафедры – «физиологии или истинной метафизики» [8. P.524].

Даже в религиозных Орденах находили отражение распространявшиеся в обществе духовно-интеллектуальные веяния, и не только в Ордене иезуитов, который наиболее гибко реагировал на изменения социальной жизни. Доказательство тому – издание книг иезуитов, находившихся в изгнании (А. Эксимено и др.), что свидетельствовало о невозможности игнорировать новые идеи коллегиями Ордена. Распространение сенсуализма затронуло также и другие религиозные Ордены, в частности, – кармелитов, откликавшийся в меньшей степени, чем иезуиты, на научно-теоретические новации времени. С этой целью генерал Ордена выпустил в 1781 г. циркуляр, в котором предписал монахам чтение наиболее авторитетных авторов времени – Вивеса, Бэкона, Декарта, Гассенди, Ньютона, Лейбница, Вольфа, Кондильяка и Локка [9. P.38].

Нельзя, однако, утверждать, что приобщение Испании к духовной модернизации принесло исключительно выгоды. Внедрение сенсуализма в интеллектуальные сферы жизни, вызвав отход от традиционного мышления, предопределило всякого рода противоречивые последствия в ее дальнейшей общественно-политической истории.

---

[1] Подробнее об этом см.: [6. С.116,117; 4. С.436].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Журавлев О. В.* Пути и перепутья. Очерки испанской философии XIX –XX веков. СПб. 1992.

2. *Кузьмичева Е. К.* Испанская общественная мысль первой половины XVIII века: Б. Х. Фейхóо-и- Монтенегро: Дис. …канд. ист. наук. – М., 1990.

3. *Роже Ф.* Счастье // Мир Просвещения: Исторический словарь / под ред. Ф. Ферроне и Д. Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003.

4. *Себастьян Х. Ф.* Пиренейский полуостров // Мир Просвещения: Исторический словарь / под ред. Ф. Ферроне и Д. Роша. – М.: Памятники исторической мысли, 2003.

5. *Суховерхов В. В.* Г. М. де Ховельянос. Жизнь. Литература. Философия. – М.: изд-во «Луч» АОН ЦК КПСС, 1991.

6. *Суховерхов В. В.* Испанский просветитель Г. М. де Ховельянос. Время. Жизнь. Идеи. – М.: РИЦ МГОПУ им. М. А. Шолохова «Альфа». 2001.

7. *Юрчик Е. Э.* Испанское просветительское движение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. – М., 2002.

8. *Abellán J. L.* Historia crítica del pensamiento español. – Madrid,1981. – T. III.

9. *Fraile G.* Historia de la filosofía española. – Madrid, 1972. – V.II.

10. *P. Fray Benito Jerónimo y Montenegro*. Obras escogídas / Biblioteca de Autores Españoles. – Madrid, 1934. – T. 56.

11. *Jovellanos*. Oración pronunciada en el Instituto Asturiano, sobre el estudio de las ciencias naturales // Jovellanos. Obras escogídas. Clásicos castellanos. – Madrid, 1946. – T. III (129). – P.121–125.

12. *Jovellanos*. Tratado teórico-práctico de enseñanza // Jovellanos. Obras escogídas. Clásicos castellanos. – Madrid, 1946. – P. II (111).

13. *Menéndez Pelayo M.* La filosofía española. – Madrid,1964.

14. *Menéndez Pelayo M.* Preparación y desarollo de la filosofía sensualista. Sus principales expositores Verney, Eximeno, Foronda, Campos, Alea, etc. // Menéndez Pelayo M. Historia de los heterodoxos Españoles. – Madrid. 1965. – P. 272–292.

Шубин А. В.
Институт всеобщей истории
Российской Академии наук
Россия

БАРСЕЛОНА, 1937 г. НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ПОВОРОТНЫЙ ПУНКТ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

1. Направление развития мировой истории время от времени оказывается в фазе неопределенности, когда масштабные закономерности уравновешивают друг друга, и многое зависит от субъективных факторов. Не случайно внимание приковано к таким поворотным моментам истории, как июнь–август 1914 г., сентябрь–ноябрь 1917 г., июль–август 1939 г., июль–декабрь 1991 г. Лицо современного мира стало таким, благодаря тем или иным действиям участников событий в те критические месяцы. Однако следует учитывать, что расстановка сил в момент решающих кризисов зависела от более ранних поворотных моментов, которые пользуются меньшим вниманием историков и публицистов. Между тем, скажем, Октябрь 1917 г. мог быть совсем иным, если бы не исход предыдущих революционных кризисов, масштаб Перестройки зависел от развития гражданских и национальных движений в 1988–1989 гг., а исход дипломатических переговоров 1939 г. во многом определялся падением Испанской республики 1 апреля того года.

Значение гражданской войны в Испании для мировых процессов осознано историографией, но при этом авторы работ, посвященных мировым процессам, обращают внимание, прежде всего, на начало и конец событий, на 1936 и 1939 гг. Между тем, исход Испанской трагедии был во многом решен в мае 1937 г. в результате столкновений в Барселоне и последовавшим за ним падением правительства широкой антифашистской коалиции. Майские столкновения в Барселоне немедленно обросли мифами, в которых анархисты и троцкисты представлялись организаторами мятежа в тылу сражающейся республики. Но детальное рассмотрение событий рисует совсем другую картину.

2. В 1936–1937 гг. Испания предложила миру своеобразную модель социального государства, основанную на производственном самоуправлении, ведущей роли профсоюзов в регулировании социально-экономических процессов и сохранении политического плюрализма в условиях ожесточенной гражданской войны. Эффективность производственного самоуправления в Испании является предметом дискуссии. Наши исследования подтверждают правоту тех авторов, которые оценивают эту эффективность как относительно высокую в сравнении с частной и государственной собственностью.

3. С началом войны возросло влияние радикальных организаций – Коммунистической партии Испании (КПИ) и анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ, испанская аббревиатура CNT), вместе с которой действовала Федерация анархистов Иберии (ФАИ). Для объединения всех антифашистских сил 4 сентября 1936 г. было сформировано правительство Народного фронта во главе с левым социалистом Ф. Ларго Кабальеро. 4 ноября 1936 г. в него вошли представители НКТ. Таким образом, правительство Народного фронта стало правительством широкой антифашистской коалиции, опиравшейся на сторонников как партий Народного фронта, так и НКТ.

Отношения левых социалистов и анархо-синдикалистов с одной стороны, и коммунистов и правых социалистов – с другой, стали обостряться с начала 1937 г. Коммунисты стремились к огосударствлению экономики и авторитаризации политического режима. Основной силой, противостоящей им, был коллективизированный сектор экономики и анархо-синдикалистская организация. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и крупнейшее профобъединение Всеобщий союз трудящихся (ВСТ, испанская аббревиатура UGT) разделилась по отношению к этим двум силам. Левые социалисты, сторонники Ларго Кабальеро предпочитали сотрудничать с НКТ, а правое крыло партии («центристы») во главе с И. Прето – с КПИ. С самого начала гражданской войны коммунисты понимали, что основная сила, способная противостоять им в республиканском лагере – это анархо-синдикализм.

Начиная с февраля 1937 г. коммунисты усиливали натиск на правительство Ларго Кабальеро, левое крыло ИСРП, НКТ и марксистскую антисталинистскую партию ПОУМ (Рабочую партию марксистского единства), которую клеймили как «троцкистов». Особенно остро противоречия между «государственниками» и «либертариями» проявлялись в промышленном сердце республики, столице Каталонии Барселоне. Здесь доминировали анархо-синдикалисты, но политическая власть находилась в руках многопартийного женералидада во главе президентом автономной Каталонии, каталонским националистом Л. Компанисом. Его поддерживала Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК), фактически – филиал КПИ. В конце апреля противоречия обострились до предела.

4. Столкновения в Барселоне начались 3 мая с атаки, организованной коммунистами (ОСПК) и их союзниками в национальном правительстве Каталонии. Дискуссионными являются инициатива Коминтерна и советского консульства в этих событиях. Наши исследования показывают,

что консул В. Антонов-Овсеенко не был информирован о предстоящей акции, но представитель Коминтерна Э. Гере обсуждал такую возможность.

Нападение вызвало возмущение рабочих НКТ и их союзников. Конфликт еще можно было погасить. Но попытки найти компромисс, неоднократно предпринимавшиеся в ходе событий, завершились успехом только 6 мая. Тем не менее, все время конфликта анархо-синдикалисты вели себя относительно сдержанно, отказываясь пойти навстречу предложениям лидера ПОУМ А. Нина взять власть в Каталонии. Они рассчитывали, что майские события укрепят их авторитет, сплотят вокруг НКТ революционные силы и позволят потеснить коммунистов и их союзников.

5. В стране развернулась борьба изданий по поводу событий в Барселоне. Каждая сторона, осуждая сам факт столкновений и сохраняя внешнюю лояльность правительству, пыталась воспользоваться кризисом для доказательства своей правоты. Не подтверждается более позднее утверждение проигравших поумистов, что коммунисты изначально выиграли информационную войну. Первоначально правительственная цензура в Валенсии пыталась смирять страсти. В эти дни она еще ориентировалась на Ларго Кабальеро и особенно бдительно следила за коммунистами.

6. 6 мая под давлением лидеров НКТ анархо-синдикалисты покинули баррикады. 7 мая в Барселону вошли правительственные войска, контролировавшиеся правыми социалистами и коммунистами. Они разоружали отряды НКТ и ПОУМ (сохраняя вооруженные формирования других организаций). После прибытия правительственных войск более 300 анархо-синдикалистов и «троцкистов» было арестовано. Трагическим итогом майских событий стало 500 убитых и тысяча раненых, а также начало перелома в ходе Испанской революции.

7. Майские события добили широкую антифашистскую коалицию. Противоречия между ее авторитарным и антиавторитарным крыльями вышли на поверхность. Уже на заседании правительства 8 мая коммунисты, поддержанные Дель Вайо, Негрином и либералами, атаковали Ларго Кабальеро за потворство «путчу троцкистов». 9 мая коммунисты предприняли решающую атаку на заседании правительства. Коммунисты вынесли спор из кабинета на улицу, провели массовую манифестацию, на которой Диас задал немыслимый прежде вопрос: «будет ли это правительство тем, которое приведет нас к победе?».

8. Анархисты теперь выступали как главная опора правительства. Они поставили вопрос о расследовании вины коммунистов, спровоцировавших вооруженные столкновения в Барселоне. Это заставляло коммунистов торопиться. Еще 7 мая коммунисты провели консультации с Асаньей о необходимости изменить состав правительства в рамках партий Народного фронта (т. е. без профсоюзов и анархистов). В ходе дискуссии в правительстве 13 мая Ларго Кабальеро назвал коммунистических министров лжецами и заявил, что не предаст «рабочего братства». 15 мая коммунисты объявили об отставке своих министров. Премьер был готов принять вызов. В запасе у него был вариант профсоюзного правительства – создания власти, опирающейся не на партии, а на массовые организации трудящихся ВСТ и НКТ. Однако на предложение анархо-синдикалистов создать власть самим, помимо конституционного порядка, премьер не согласился.

9. Это был один из переломных моментов в развитии Испанской революции, а значит и мира. Возникнет ли новая синдикалистская модель, которая будет существовать наряду с американским, советским и фашистским вариантами регулируемого индустриального общества? Будет ли стоять перед странами, вступающими на путь социального государства, выбор – создавать новое общество на основе авторитаризма,

капиталистического плюрализма или, как в Испании – на основе широкого самоуправления? Очевидно, что правительство, ядро которого состояло бы из профсоюзных лидеров НКТ и ВСТ (в этот период здесь доминировали левые социалисты), продолжало бы социальные реформы, направленные на упорядочение коллективизации и синдикализации. Это правительство провело бы расследование событий в Барселоне в невыгодном для коммунистов ключе, что могло привести к ослаблению позиций коммунистов и в силовых органах, а в конечном итоге – к поражению КПИ в борьбе за власть. Однако этот же вариант развития событий означал отстранение от власти не только коммунистов, но и правых социалистов, а также республиканцев. Многие лидеры ИСРП также понимали, что роль КПИ определяется «тенью от советских самолетов», и это был также очень важный фактор. Особенно принципиальным советский фактор был для министра флота и авиации И. Прето, так как его стиль ведения войны, отрицавший «партизанщину», был немыслим без активной советской поддержки. В результате в 1937 г. лидер правых социалистов И. Прето решительно вступился за коммунистов, несмотря на свой антикоммунизм, который со всей остротой проявится в 1938 г.

10. Коммунисты поставили условием своей поддержки правительства отставку Галарсы и разделение постов премьер-министра и военного министра, а также усиление самостоятельности комиссаров. Это значило бы, что Кабальеро, как и Асанья, станет номинальной фигурой, а реальная власть перейдет к партийному блоку коммунистов и зависимых от них социалистов, контролирующему силовые структуры. Такая модель взятия власти была после Второй мировой войны успешно проведена Сталиным в странах «народной демократии». Но в Испании этому помешало поражение Республики в гражданской войне. Однако события могли пойти и по другому сценарию. С уходом И. Прето и коммунистов синдикалистская альтернатива давала шанс на коренное изменение

принципов ведения войны, перенос центра тяжести на проповедуемые анархистами партизанские методы, приоритетную помощь операциям в тылу франкистов, попытку решительного контрудара на южном фланге франкистов, считавшемся слабым, вместо упорных позиционных боев на перенасыщенном войсками центральном участке фронта.

11. В этих условиях все зависело от позиции президента М. Асаньи. Поскольку он принадлежал к республиканскому течению, которое резко критически относилось к анархо-синдикалистскому «эксперименту» и не имело заметных позиций в профсоюзах, президент отклонил идею Ларго Кабальеро. М. Асанья боялся анархистов больше, чем коммунистов, и поручил формирование правительства социалисту Х. Негрину, ориентированному на теснейшее сотрудничество с КПИ. Новое правительство было сформировано к вечеру 17 мая.

12. Правительство широкой антифашистской коалиции сменилось более узким по составу правительством Народного фронта. Кабинет Негрина был сформирован по существу кулуарно, сам Негрин был известен лишь в узких партийных кругах. Военным министром стал И. Прието, что гарантировало сохранение старого стиля войны. Власть на местах формально перешла в руки муниципалитетов, хотя реальная сила оказалась у партий, победивших в мае и доминировавших в комитетах Народного фронта. Отсутствие лидеров крупнейших профсоюзных организаций в правительстве (сторонники Ларго Кабальеро продолжали сохранять свои руководящие позиции в ВСТ до осени) ослабляло координацию борьбы с франкизмом, но облегчало решение внутриполитических задач победившей группировки.

13. Правительство Негрина взяло курс на прекращение революционных преобразований. Демократия сменилась авторитаризмом. Создание авторитарного режима вызвало разочарование среди широких масс, деморализовало республиканцев. Сплочения всех антифашистских

сил не получилось. В стратегии Народного фронта возобладал не синтез различных левых сил и идей, а его сталинский стержень – закулисная борьба за власть. Стимулы поддержки Республики среди широких масс стали падать, свертывание социальных преобразований оставило прежде всего один – страх перед франкизмом.

14. Прямое столкновение двух испанских авторитарных режимов, ориентированных на тоталитарные державы за рубежом, завершилось победой режима, связанного с фашизмом. Военно-авторитарная машина франкизма изначально была более эффективной, и победить ее можно было «несимметричными» методами. Подавление демократического синдикалистского движения в республиканской зоне ликвидировало принципиальную альтернативу «двух Испаний» и поставило республиканцев в полную зависимость от внешнеполитических факторов. Блокада со стороны западноевропейских режимов, раздел сфер влияния между тоталитарными державами и прекращение вмешательства СССР в конфликт обрекли республиканцев на поражение. Испанская республика агонизировала, практически забытая миром, который напряженно следил за событиями в Восточной Европе. Это равнодушие к Испании, которое так контрастировало с напряженным вниманием к ней всего мира в 1936–1937 гг., можно объяснить и переменчивостью «общественного мнения», и новыми, более опасными угрозами миру на планете. И все же главное – Испания перестала быть альтернативой авторитарно-бюрократическим порядкам, которые господствовали в мире. В обстановке социально-политической агонии элита республиканской Испании не смогла «дотянуть» до развязки мирового кризиса 1930-х гг.